

С.Ф. ПЛАТОНОВ

ПОЛНЫЙ КУРС ЛЕКЦИЙ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Иллюстрированная история (АСТ)

Сергей Платонов

**Полный курс лекций
по русской истории**

«АСТ»

1899

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Платонов С. Ф.

Полный курс лекций по русской истории / С. Ф. Платонов —
«АСТ», 1899 — (Иллюстрированная история (АСТ))

ISBN 978-5-17-097321-7

«Полный курс лекций по русской истории» – фундаментальное издание, в основу которого легли лекции, прочитанные С.Ф. Платоновым в Петербургском университете и на Бестужевских курсах. После очерков Д.И. Иловайского лекции С.Ф. Платонова стали самым подробным обобщающим изданием, в котором огромный период российской истории – от расселения славян в Европе до Великих реформ императора Александра II – был представлен ясно, образно, увлекательно. Этот курс лекций выдержал до 1917 года около 20 изданий.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-097321-7

© Платонов С. Ф., 1899

© АСТ, 1899

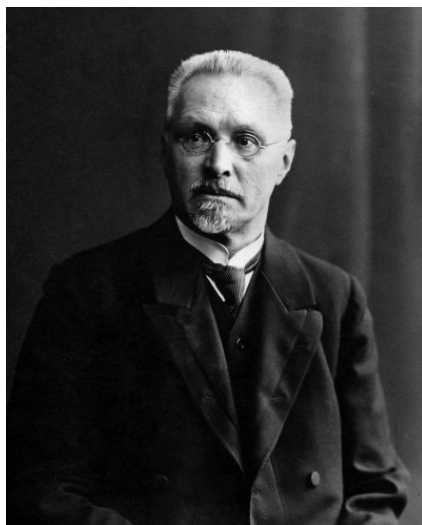
Содержание

Введение (Изложение конспективное)	7
Очерк русской историографии	14
Обзор источников русской истории	34
Часть первая	62
Предварительные исторические сведения	62
Древнейшая история нашей страны	62
Русские славяне и их соседи	68
Первоначальный быт русских славян	70
Киевская Русь	77
Образование Киевского княжества	77
Общие замечания о первых временах Киевского княжества	85
Крещение Руси	90
Последствия принятия Русью христианства	94
Киевская Русь в XI–XII веках	99
Колонизация Суздальско-Владимирской Руси	116
Влияние татарской власти на удельную Русь	120
Удельный быт Суздальско-Владимирской Руси	123
Новгород	134
Псков	144
Литва	145
Московское княжество до середины XV века	152
Время великого князя Ивана III	171
Конец ознакомительного фрагмента.	190

Сергей Федорович Платонов

Полный курс лекций по русской истории

Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – русский историк. В 1882 г. после окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1890 г. Платонов стал профессором русской истории Петербургского университета. Его докторской диссертацией стала книга «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.», которую Платонов считал «высшим научным достижением всей жизни», определившим его «место в среде деятелей русской историографии». Умевший кратко, ясно, интересно излагать материал, Платонов стал одним из виднейших профессоров начала XX в.

В 1895–1902 гг. Платонов был приглашенным преподавателем истории к великим князьям. В 1903 г. он возглавил Женский педагогический институт. Неодно-

кратно переиздавался его лекционный курс русской истории, ежегодно – учебники для средней школы. В 1908 г. Платонов стал членом-корреспондентом Академии наук, а в 1920 г. был избран академиком.

В 1930 г. Платонов был арестован большевиками за монархические взгляды. Умер в ссылке в Самаре.

Введение (Изложение конспективное)

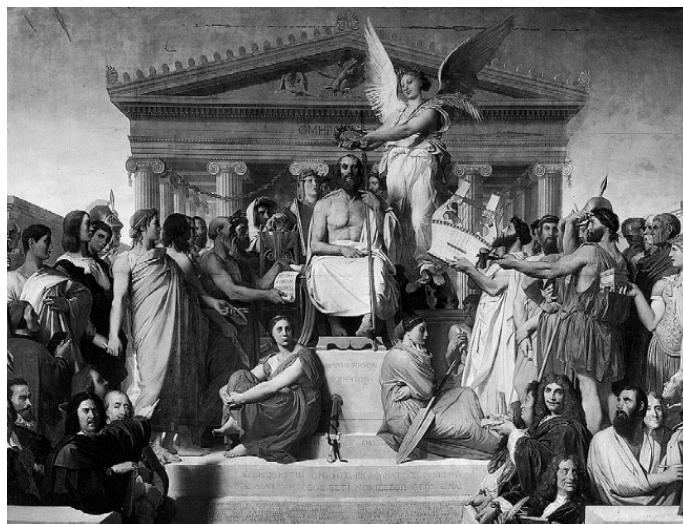
Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами историческое знание, историческая наука. Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного какого-либо народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом, например, покажет вам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них о том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

Ф. А. Бронников. Гимн пифагорейцев восходящему солнцу

При таком взгляде на историю, как на художественный рассказ о достопамятных событиях, древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о Скифах и т. под.); в одних он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Ж.-Д. Энгр. Апофеоз Гомера

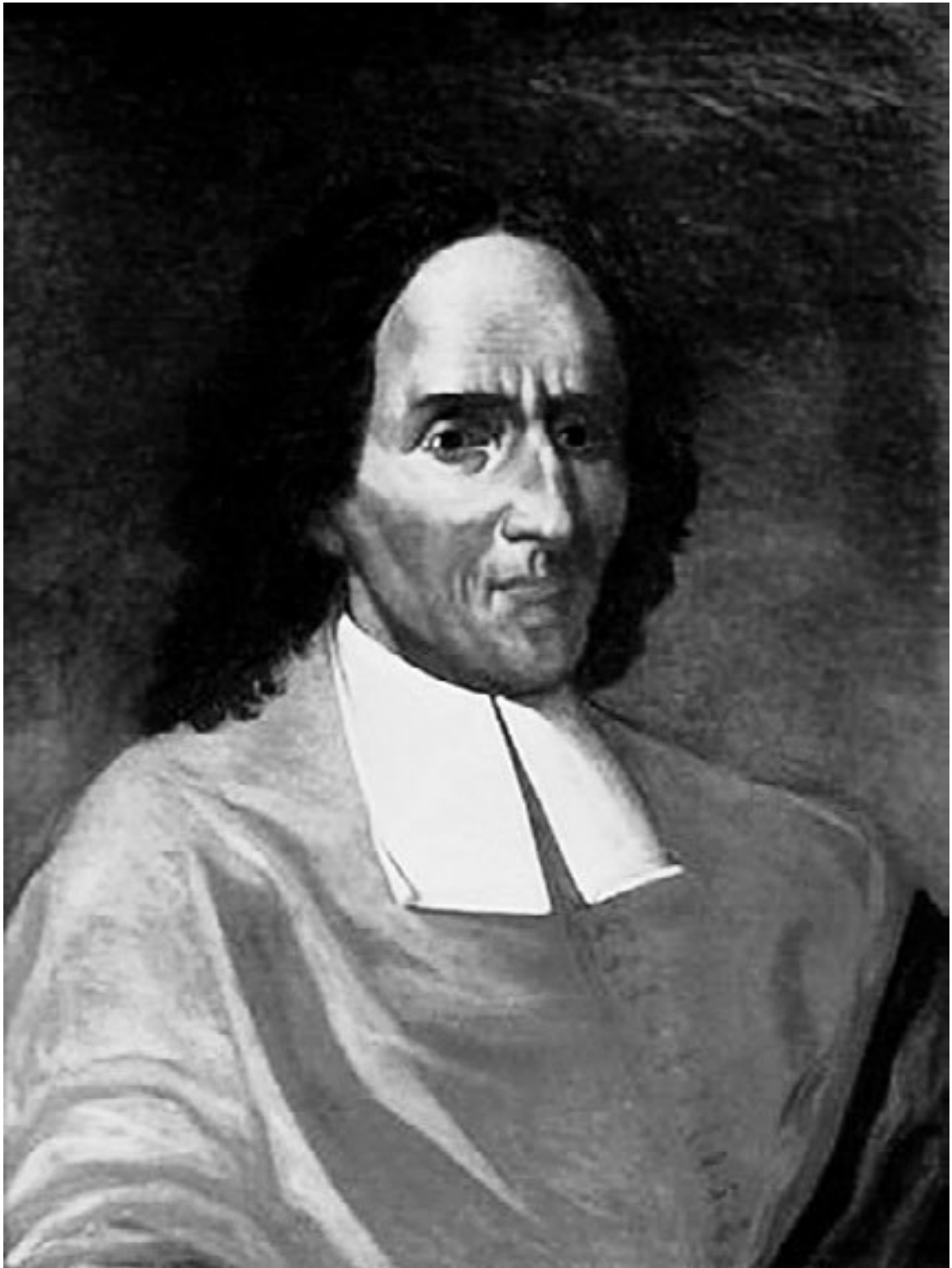
Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, т. е. желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни (*magistra vitae*). От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой – обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII в. (*De Rocoles*) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами, так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт (1627–1704) и Лоран (1810–1887) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенною яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческою жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1668–1744) задачею истории как науки считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный философ Гегель (1770–1831) в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания

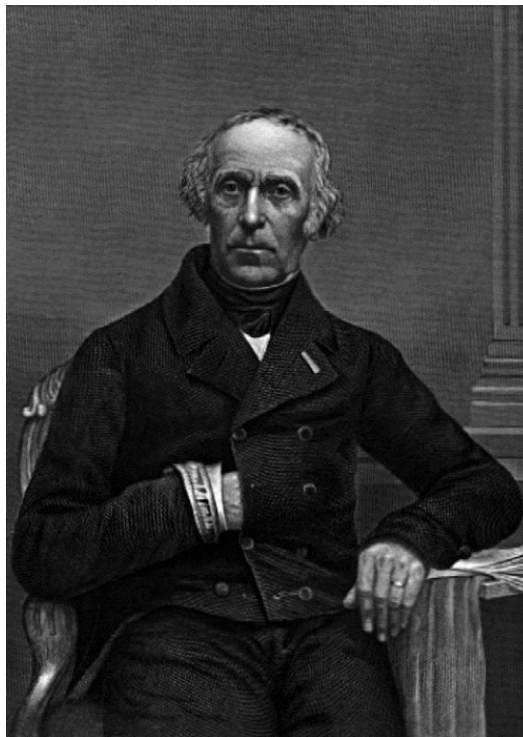
(Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкой сказать, что все эти философии требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Джамбаттиста Вико

Жак Бенинь Боссюэт

Франсуа Пьер Гийом Гизо

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли, – простой рассказ о былом вообще или случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

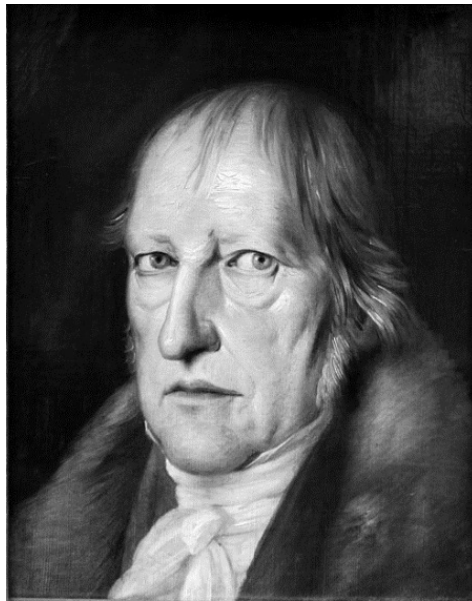
Наукою история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму,

распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо (1787–1874), например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг (1775–1854) считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки – социологии. История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни сама наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные, науки. И, однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор, как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, – с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевших целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле – исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Герард Фридрих Миллер

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни – жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку – дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общесторического синтеза.

Но этим и ограничивается его связь с общей историей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии, заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так, и отвлеченные соображения и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию.

Очерк русской историографии

Когда же началось систематическое изображение событий русской исторической жизни и когда русская история стала наукой? Еще в Киевской Руси, наряду с возникновением гражданственности, в XI в. появились у нас первые летописи. Это были перечни фактов, важных и не важных, исторических и не исторических, вперемежку с литературными сказаниями. С нашей точки зрения, древнейшие летописи не представляют собою исторического труда; не говоря о содержании – и самые приемы летописца не соответствуют теперешним требованиям. Зачатки историографии у нас появляются в XVI в., когда исторические сказания и летописи стали впервые свертывать и сводить в одно целое. В XVI в. сложилась и сформировалась Московская Русь. Сплотившись в единое тело, под властью единого московского князя, русские старались объяснить себе и свое происхождение, и свои политические идеи, и свои отношения к окружающим их государствам.

И вот в 1512 г. (по-видимому, старцем Филофеем) составляется хронограф, т. е. обозрение всемирной истории. Большая часть его заключала в себе переводы с греческого языка и только как дополнения внесены русские и славянские исторические сказания. Хронограф этот краток, но дает достаточный запас исторических сведений; за ним появляются и вполне русские хронографы, представляющие собою переработку первого. Вместе с ними возникают в XVI в. летописные своды, составленные по древним летописям, но представляющие не сборники механически сопоставленных фактов, а произведения, связанные одной общей идеей. Первым таким произведением была «Степенная книга», получившая такое название потому, что она разделялась на «поколения» или на «степени», как их тогда называли. Она передавала в хронологическом, последовательном, т. е. «постепенном» порядке деятельность русских митрополитов и князей, начиная с Рюрика. Автором этой книги ошибочно считали митрополита Киприана; она была обработана митрополитами Макарием и его преемником Афанасием при Иване Грозном, т. е. в XVI в. В основании «Степенной книги» лежит тенденция и общая и частная. Общая проглядывает в желании показать, что власть московских князей есть не случайная, а преемственная, с одной стороны, от южнорусских, киевских князей, с другой – от византийских царей. Частная же тенденция сказалась в том уважении, с каким неизменно повествуется о духовной власти. «Степенная книга» может быть названа историческим трудом в силу известной системы изложения. В начале XVI в. был составлен другой исторический труд – «Воскресенская летопись», более интересная по обилию материала. В основание ее легли все прежние летописи, «Софийский временник» и иные, так что фактов в этой летописи действительно много, но скреплены они чисто механически. Тем не менее «Воскресенская летопись» представляется нам самым ценным историческим произведением из всех, ей современных или более ранних, так как она составлена без всякой тенденции и включает в себе много сведений, которых нигде более не находим. Своею простотою она могла не нравиться, безыскусственность изложения могла казаться убогою знатокам риторических приемов, и вот ее подвергли переработке и дополнениям и составили, к середине XVI же века, новый свод, называемый «Никоновской летописью». В этом своде мы видим много сведений, заимствованных из греческих хронографов, по истории греческих и славянских стран, летопись же о русских событиях, особенно о веках позднейших, хотя и подробная, но не совсем надежная, – точность изложения пострадала от литературной переработки: поправляя бесхитростный слог прежних летописей, невольно искажали и смысл некоторых событий.

В.М. Васнецов. Нестор Летописец

В 1674 г. появился в Киеве и первый учебник русской истории – «Синописис» Иннокентия Гизеля, очень распространившийся в эпоху Петра Великого (он часто встречается и теперь). Если рядом со всеми этими переработками летописей помянем ряд литературно написанных сказаний об отдельных исторических фактах и эпохах (напр., Сказание кн. Курбского, повести о смутном времени), то обнимем весь тот запас исторических трудов, с которым Русь дожила до эпохи Петра Великого, до учреждения Академии наук в Петербурге. Петр очень заботился о составлении истории России и поручал это дело различным лицам. Но только после его смерти началась ученая разработка исторического материала и первыми деятелями на этом поприще явились ученые немцы, члены петербургской Академии; из них прежде всего следует назвать Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738). Он начал с изучения племен, населявших Россию в древности, особенно варягов, но далее этого не пошел. Байер оставил после себя много трудов, из которых два довольно капитальных произведения написаны на латинском языке и теперь уже не имеют большого значения для истории России, – это «Северная География» и «Исследования о Варягах» (их перевели на русский язык только в 1767 г.). Гораздо плодотворнее были труды Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), который жил в России при императрицах Анне, Елизавете и Екатерине II и уже настолько хорошо владел русским языком, что писал свои произведения по-русски. Он много путешествовал по России (прожил 10 лет, с 1733 по 1743 г., в Сибири) и хорошо изучил ее. На литературном историческом поприще он выступил как издатель русского журнала «Ежемесячные сочинения» (1755–1765) и сборника на немецком языке «Sammlung Russischer Gescihchte». Главную заслугою Миллера было собирание материалов по русской истории; его рукописи (так наз. Миллеровские портфели) служили и служат богатым источником для издателей и исследователей. И исследования Миллера имели значение, – он был одним из первых ученых, заинтересовавшихся позднейшими эпохами нашей истории, им посвящены его труды: «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах Российских». Наконец, он был первым ученым архивариусом в России и привел в порядок московский архив Иностранной коллегии, директором которого и умер (1783). Среди академиков XVIII в. видное место трудами по русской истории занял и Ломоносов, написавший учебную книгу русской истории и один том «Древней Русской истории» (1766). Его труды по истории были обусловлены полемикой с академиками-немцами. Последние выводили Русь Варягов от

норманнов и норманскому влиянию приписывали происхождение гражданственности на Руси, которую до пришествия варягов представляли страной дикою; Ломоносов же варягов признавал за славян и таким образом русскую культуру считал самобытной.

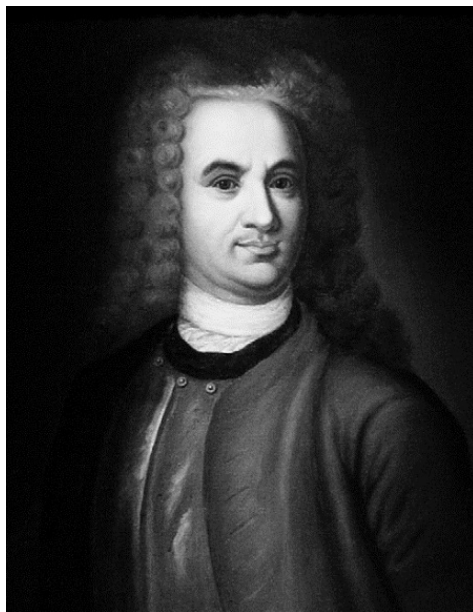
Ж. М. Наттье. Петр I в рыцарских доспехах. 1717 г.

Названные академики, собирая материалы и исследуя отдельные вопросы нашей истории, не успели дать общего ее обзора, необходимость которого чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзор появились вне академической среды.

Первая попытка принадлежит В. Н. Татищеву (1686–1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, он увидел, что разрешить их невозможно без знания истории, и, будучи человеком всесторонне образованным, стал сам собирать сведения по русской истории и занялся ее составлением. В течение многих лет писал он свой исторический труд, перерабатывал его не один раз, но только по его смерти, в 1768 г., началось его издание. В течение 6 лет вышло 4 тома, 5-й том был случайно найден уже в нашем веке и издан «Московским обществом истории и древностей Российских». В этих 5-ти томах Татищев довел свою историю до смутной эпохи XVII в. В первом томе мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую историю и с источниками, которыми он пользовался при ее составлении; мы находим целый ряд научных эскизов о древних народах – варягах, славянах и др. Татищев нередко прибегал к чужим трудам; так, напр., он воспользовался исследованием «О Варягах» Байера и прямо включил его в свой труд. История эта теперь, конечно, устарела, но научного значения она не потеряла, так как (в XVIII в.) Татищев обладал такими источниками, которых теперь нет, и следовательно, многие из фактов, им приведенных, восстановить уже нельзя. Это возбудило подозрение, существовали ли некоторые источники, на которые он ссылался, и Татищева стали обвинять в недобросовестности. Особенно не доверяли приводимой им «Иоакимовской Летописи». Однако исследование этой летописи показало, что Татищев только не сумел отнестись к ней критически и включил ее целиком, со всеми ее баснями, в свою историю. Строго говоря, труд Татищева есть не что иное, как подробный сборник летописных данных, изложенных в хронологическом порядке; тяжелый его язык и отсутствие литературной обработки делали его неинтересным для современников.

Первая популярная книга по русской истории принадлежала перу Екатерины II, но труд ее «Записки касательно Русской истории», доведенный до конца XIII в., научного значения

не имеет и интересен только как первая попытка рассказать обществу легким языком его прошлое. Гораздо важнее в научном отношении была «История Российская» князя М. Щербатова (1733–1790), которой впоследствии пользовался и Карамзин. Щербатов был человек не сильного философского ума, но начитавшийся просветительной литературы XVIII в. и всецело сложившийся под ее влиянием, что отразилось и на его труде, в который внесено много предвзятых мыслей. В исторических сведениях он до такой степени не успевал разбираться, что заставлял иногда своих героев умирать по 2 раза. Но, несмотря на такие крупные недостатки, история Щербатова имеет научное значение благодаря многим приложениям, заключающим в себе исторические документы. Особенно интересны дипломатические бумаги XVI и XVII вв. Доведен его труд до смутной эпохи.

Василий Никитич Татищев

Неизвестный художник XVIII в. Портрет М. В. Ломоносова

Случилось, что при Екатерине II некто француз Леклерк, совершенно не знавший ни русского государственного строя, ни народа, ни его быта, написал ничтожную «L'histoire de la Russie», причем в ней было так много клевет, что она возбудила всеобщее негодование. И. Н. Болтин (1735–1792), любитель русской истории, составил ряд заметок, в которых обнаружил невежество Леклерка и которые издал в двух томах. В них он отчасти задел и Щербатова. Щербатов обиделся и написал Возражение. Болтин отвечал печатными письмами и приступил к критике на «Историю» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающие в нем исторический талант, интересны по новизне взглядов. Болтина не совсем точно зовут иногда «первым славянофилом», потому что он отмечал много темных сторон в слепом подражании Западу, подражании, которое заметно стало у нас после Петра, и желал, чтобы Россия крепче хранила добрые начала прошлого века. Сам Болтин интересен как историческое явление. Он служил лучшим доказательством того, что в XVIII в. в обществе, даже у неспециалистов по истории, был живой интерес к прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина разделял Н. И. Новиков (1744–1818), известный ревнитель русского просвещения, собравший «Древнюю Российскую Вивлиофику» (20 томов), обширный сборник исторических документов и исследований (1788–1791). Одновременно с ним, как собиратель исторических материалов, выступил купец Голиков (1735–1801), издавший сборник исторических данных о Петре Великом под названием «Деяния Петра Великого» (1-е изд. 1788–1790, 2-е 1837 г.). Таким образом, рядом с попытками дать общую историю России зарождается и стремление подготовить материалы для такой истории. Помимо инициативы частной, в этом направлении работает и сама Академия наук, издавая летописи для общего с ними ознакомления.

Но во всем том, что нами перечислено, еще мало было научности в нашем смысле: не существовало строгих критических приемов, не говоря уже об отсутствии цельных исторических представлений.

Д. Г. Левицкий. Портрет Н. И. Новикова

Впервые ряд научно-критических приемов в изучение русской истории внес ученый иностранец Шлецер (1735–1809). Познакомившись с русскими летописями, он пришел от них в восторг: ни у одного народа не встречал он такого богатства сведений, такого поэтического языка. Уже выехав из России и будучи профессором Геттингенского университета, он неустанно работал над теми выписками из летописей, которые ему удалось вывезти из России. Результатом этой работы был знаменитый труд, напечатанный под заглавием «Нестор» (1805 г. – по-немецки, 1809–1819 гг. – по-русски). Это целый ряд исторических этюдов о русской

летописи. В предисловии автор дает краткий обзор того, что сделано по русской истории. Он находит положение науки в России печальным, к историкам русским относится с пренебрежением, считает свою книгу почти единственным годным трудом по русской истории. И действительно, труд его далеко оставлял за собою все прочие по степени научного сознания и приемов автора. Эти приемы создали у нас как бы школу учеников Шлецера, первых ученых исследователей, вроде М. П. Погодина. После Шлецера стали возможны у нас строгие исторические изыскания, для которых, правда, создавались благоприятные условия и в другой среде, во главе которой стоял Миллер. Среди собранных им в Архиве Иностранной Коллегии людей особенно выдавались Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. Они создали первую школу ученых архивариусов, которыми Архив был приведен в полный порядок и которые, кроме внешней группировки архивного материала, производили ряд серьезных ученых изысканий на основании этого материала. Так, мало-помалу созрели условия, создавшие у нас возможность серьезной истории.

Н. И. Уткин. Портрет Николая

Михайловича Карамзина Михаил Петрович Погодин

В начале XIX в. создался, наконец, и первый цельный взгляд на русское историческое прошлое в известной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826). Обладая цельным мировоззрением, литературным талантом и приемами хорошего ученого критика, Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс – создание национального государственного могущества. К этому могуществу привел Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных – Иван III и Петр Великий – своею деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах основных ее эпох – древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.). Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые и до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями, была вскоре замечена уже его современниками. Журналист 30-х годов XIX в. Н. А. Полевой (1796–1846) упрекал его за то, что он, назвав свое произведение «Историей государства Российского», оставил без внимания «Историю Русского народа». Именно этими словами Полевой озаглавил свой труд, в котором думал изобразить судьбу русского общества. На смену системы Карамзина он ставил свою систему, но не совсем удачную, так как был дилетант в сфере исторического ведения. Увлекаясь историческими трудами Запада, он пробовал чисто механически прикладывать их выводы и термины к русским фактам, так, например, – отыскать феодальную систему в древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что труд Полевого не мог заменить труда Карамзина: в нем вовсе не было цельной системы.

Менее резко и с большею осторожностью выступил против Карамзина петербургский профессор Устрялов (1805–1870), в 1836 г. написавший «Рассуждение о системе прагматической русской истории». Он требовал, чтобы история была картиной постепенного развития общественной жизни, изображением переходов гражданственности из одного состояния в другое. Но и он еще верит в могущество личности в истории и, наряду с изображением народной жизни, требует и биографий ее героев. Сам Устрялов, однако, отказался дать определенную общую точку зрения на нашу историю и замечал, что для этого еще не наступило время.

Таким образом, недовольство трудом Карамзина, сказавшееся и в ученом мире, и в обществе, не исправило карамзинской системы и не заменило ее другою. Над явлениями русской истории, как их связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создавалось научной системы. Устрялов был прав, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшие профессора русской истории, жившие в эпоху, близкую к Карамзину, Погодин и Каченовский (1775–1842), еще были далеки от одной общей точки зрения; последняя сложилась лишь тогда, когда русской историей стали деятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодин и Каченовский воспитывались на ученых приемах Шлецера и под его влиянием, которое особенно сильно сказывалось на Погодине. Погодин во многом продолжал исследования Шлецера и, изучая древнейшие периоды нашей истории, не шел далее частных выводов и мелких обобщений, которыми, однако, умел иногда увлекать своих слушателей, не привыкших к строго научному и самостоятельному изложению предмета. Каченовский за русскую историю принялся тогда, когда приобрел уже много знаний и опыта в занятиях другими отраслями исторического ведения. Следя за развитием классической истории на Западе, которую в то время вывели на новый путь изыскания Нибура, Каченовский увлекался тем отрицанием, с каким стали относиться к древнейшим данным по истории, например, Рима. Это отрицание Каченовский перенес и на русскую историю: все сведения, относящиеся к первым векам русской истории, он считал недостоверными; достоверные же факты, по его мнению, начались лишь с того времени, как появились у нас письменные документы гражданской жизни. Скептицизм Каченовского имел последователей: под его влиянием основалась так называемая скептическая школа, не богатая выводами, но сильная новым, скептическим приемом отношения к научному материалу. Этой школе принадлежало несколько статей, составленных под руководством Каченовского. При несомненной талантливости Погодина и Каченовского, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской истории; оба они сильны были критическими методами, но ни тот, ни другой не возвышались еще до дельного исторического мировоззрения: давая метод, они не давали результатов, к которым можно было прийти с помощью этого метода.

Только в 30-х годах XIX столетия в русском обществе сложилось цельное историческое мировоззрение, но развилось оно не на научной, а на метафизической почве. В первой половине XIX в. русские образованные люди все с большим и большим интересом обращались к

истории, как отечественной, так и западноевропейской. Заграничные походы 1813–1814 гг. познакомили нашу молодежь с философией и политической жизнью Западной Европы. Изучение жизни и идей Запада породило, с одной стороны, политическое движение декабристов, с другой – кружок лиц, увлекавшихся более отвлеченной философией, чем политикой. Кружок этот вырос всецело на почве германской метафизической философии начала нашего века. Эта философия отличалась стройностью логических построений и оптимизмом выводов. В германской метафизике, как и в германском романтизме, сказался протест против сухого рационализма французской философии XVIII в. Революционному космополитизму Франции Германия противопоставляла начало народности и выяснила его в привлекательных образах народной поэзии и в ряде метафизических систем. Эти системы стали известны образованным русским людям и увлекали их. В германской философии русские образованные люди видели целое откровение. Германия была для них «Иерусалимом новейшего человечества», как назвал ее Белинский. Изучение главнейших метафизических систем Шеллинга и Гегеля соединило в тесный кружок несколько талантливых представителей русского общества и заставило их обратиться к изучению своего (русского) национального прошлого. Результатом этого изучения были две совершенно противоположные системы русской истории, построенные на одинаковой метафизической основе. В Германии в это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнению Шеллинга, каждый исторический народ должен осуществлять какую-нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею миру – историческое призвание народа. Исполняя его, народ делает шаг вперед на поприще всемирной цивилизации; исполнив его, он сходит с исторической сцены. Те народы, бытие которых не одухотворено идеей безусловного, суть народы неисторические, они осуждены на духовное рабство у других наций. Такое же деление народов на исторические и неисторические дает и Гегель, но он, развивая почти тот же принцип, пошел еще далее. Он дал общую картину мирового прогресса. Вся мировая жизнь, по мнению Гегеля, была развитием абсолютного духа, который стремится к самопознанию в истории различных народов, но достигает его окончательно в германо-романской цивилизации. Культурные народы Древнего Востока, античного мира и романской Европы были поставлены Гегелем в известный порядок, представлявший собою лестницу, по которой восходил мировой дух. Наверху этой лестницы стояли германцы, и им Гегель пророчил вечное мировое главенство. Славян же на этой лестнице не было совсем. Их он считал за неисторическую расу и тем осуждал на духовное рабство у германской цивилизации. Таким образом, Шеллинг требовал для своего народа только всемирного гражданства, а Гегель – всемирного главенства. Но, несмотря на такое различие взглядов, оба философа одинаково повлияли на русские умы в том смысле, что возбуждали стремление оглянуться на русскую историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась в русской жизни, определить место и назначение русского народа в ходе мирового прогресса. И тут-то, в приложении начал германской метафизики к русской действительности, русские люди разошлись между собою. Одни из них, западники, поверили тому, что германо-протестантская цивилизация есть последнее слово мирового прогресса. Для них древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой, страной «азиатской», как назвал ее Белинский (в статье о Котошихине). Из вековой азиатской косности вывел ее Петр, который, приобщив Россию к германской цивилизации, создал ей возможность прогресса и истории. Во всей русской истории, стало быть, только эпоха Петра Великого может иметь историческое значение. Она главный момент в русской жизни; она отделяет Русь азиатскую от Руси европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто; в древней русской истории нет никакого смысла, так как в древней Руси нет своей культуры.

И. В. Киреевский

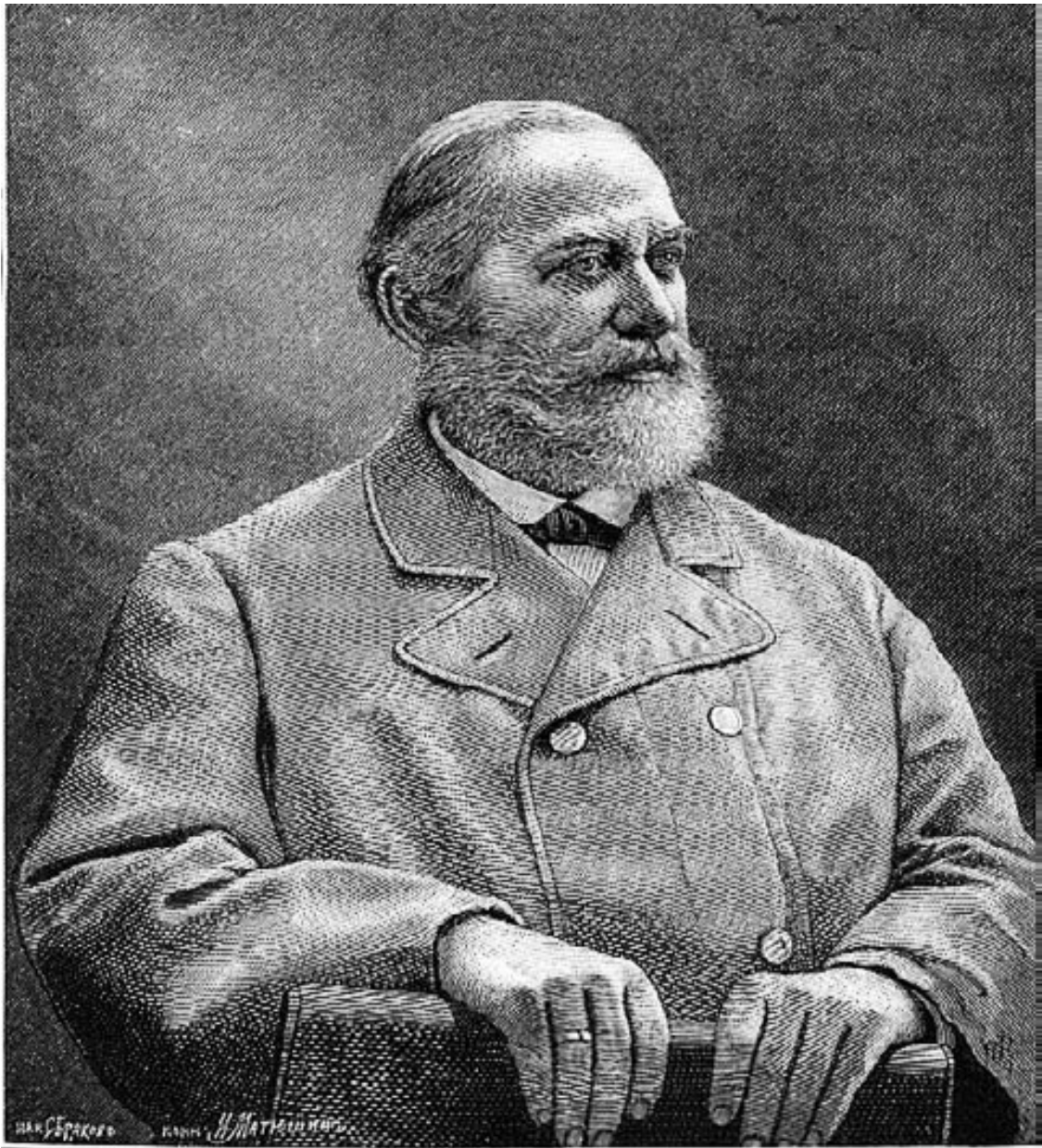
В. Г. Белинский

Но не все русские люди 30-х и 40-х годов думали так; некоторые не соглашались с тем, что германская цивилизация есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видели причины, почему мировое развитие должно остановиться на германцах. Из русской истории вынесли они убеждение, что славянство было далеко от застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами в своем прошлом и что оно, наконец, имело свою культуру. Это учение было хорошо изложено И. В. Киреевским (1806–1856). Он говорит, что славянская культура в основаниях своих была самостоятельна и отлична от германской. Во-первых, славяне получили христианство из Византии (а германцы – из Рима) и их религиозный быт получил иные формы, чем те, которые сложились у германцев под влиянием католичества. Во-вторых, славяне и германцы выросли на различной культуре: первые – на греческой, вторые – на римской. В то время как германская культура выработала свободу личности, славянские общины совершенно поработили ее. В-третьих, государственный строй

был создан различно. Германия сложилась на римской почве. Германцы были народ пришлый; побеждая туземное население, они порабощали его. Борьба между побежденными и победителями, которая легла в основание государственного строя Западной Европы, перешла впоследствии в антагонизм сословий; у славян государство создавалось путем мирного договора, добровольного признания власти. Вот различие между Россией и Зап. Европой, различие религии, культуры, государственного строя. Так думали славянофилы, более самостоятельные последователи германских философских учений. Они были убеждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшего развития своих начал в эпоху Московского государства. Петр В. грубо нарушил это развитие, насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложный путь заимствования, потому что не понимал заветов прошлого, не понимал нашего национального духа. Цель славянофилов – вернуться на путь естественного развития, сгладив следы насильственной петровской реформы.

К. С. Аксаков

С. М. Соловьев

Общая точка зрения западников и славянофилов служила им основанием для толкования не только смысла нашей истории, но и отдельных ее фактов: можно насчитать много исторических трудов, написанных западниками и особенно славянофилами (из славянофилов историков следует упомянуть Константина Сергеевича Аксакова, 1817–1860). Но их труды были гораздо более философскими или публицистическими, чем собственно историческими, а отношение к истории гораздо более философским, чем научным.

Строго научная цельность исторических воззрений впервые создана была у нас только в 40-х годах XIX в. Первыми носителями новых исторических идей были два молодые профессора Московского университета: Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) и Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885). Их воззрения на русскую историю в то время назывались «теорией родового быта», а впоследствии они и другие ученые их направления стали известны под названием историко-юридической школы. Воспитывались они под влиянием германской исторической школы. В начале XIX в. историческая наука в Германии сделала большие успехи. Деятели так называемой германской исторической школы внесли в изучение истории чрезвычай-

чайно плодотворные руководящие идеи и новые методы исследования. Главную мысль германских историков была мысль о том, что развитие человеческих общин не есть результат случайностей или единичной воли отдельных лиц: развитие общества совершается, как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может ни историческая случайность, ни личность, как бы гениальна она ни была. Первый шаг к такому воззрению сделал еще в конце XVIII столетия Фридрих Август Вольф в произведении «*Prologomena ad Homerum*», в котором он занимался исследованием происхождения и состава греческого эпоса «Одиссеи» и «Илиады». Давая в своем труде редкий образец исторической критики, он утверждал, что гомеровский эпос не мог быть произведением отдельной личности, а был постепенно, органически созданным произведением поэтического гения целого народа. После труда Вольфа такое органическое развитие стали искать не только в памятниках поэтического творчества, но и во всех сферах общественной жизни, искали и в истории и в праве. Признаки органического роста античных общин наблюдали Нибур в римской истории, Карл Готфрид Миллер в греческой. Органическое развитие правового сознания изучили историки-юристы Эйхгорн (*Deutsche Staatsung Rechtsgeschichte*, в пяти томах, 1808) и Савиньи (*Geschichte des ro mischen Rechts In Mittelalter*, в шести томах, 1815–1831). Эти труды, носившие на себе печать нового направления, к половине XIX в. создали в Германии блестящую школу историков, которая и до сих пор еще не пережила вполне своих идей.

В идеях и приемах ее выросли наши ученые историко-юридической школы. Одни усвоили их путем чтения, как, напр., Кавелин; другие – прямо слушанием лекций, как, напр., Соловьев, который был учеником Ранке. Они усвоили себе все содержание немецкого исторического направления. Некоторые из них увлекались и германской философией Гегеля. В Германии точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила в ладу с метафизическими учениями гегелианства; тем не менее и историки, и Гегель сходились в основном воззрении на историю как на закономерное развитие человеческих обществ. И историки, и Гегель одинаково отрицали в ней случайность, поэтому их воззрения могли ужиться в одной и той же личности. Эти воззрения и были впервые приложены к русской истории нашими учеными Соловьевым и Кавелиным, думавшими показать в ней органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени и которые коренились в природе нашего народа. На быт культурный и экономический они обращали меньше внимания, чем на внешние формы общественных союзов, так как имели убеждение, что главным содержанием русской исторической жизни была именно естественная смена одних законов общежития другими. Они надеялись подметить порядок этой смены и в нем найти закон нашего исторического развития. Вот почему их исторические трактаты носят несколько односторонний историко-юридический характер. Такая односторонность не составляла индивидуальности наших ученых, а была занесена ими от их германских наставников. Немецкая историография считала главной своей задачей исследование именно юридических форм в истории; корень этого взгляда кроется в идеях Канта, который понимал историю «как путь человечества» к созданию государственных форм. Таковы были те основания, на которых строилось первое научно-философское воззрение на русский исторический быт. Это не было простое заимствование чужих выводов, не было только механическое приложение чужих идей к плохо понятому материалу, – нет, это было самостоятельное научное движение, в котором взгляды и научные приемы были тождественны с германскими, но выводы отнюдь не предreshались и зависели от материала. Это было научное творчество, шедшее в направлении своей эпохи, но самостоятельно. Вот почему каждый деятель этого движения сохранял свою индивидуальность и оставил по себе ценные монографии, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего исторического развития, под влиянием которой до сих пор живет русская историография.

Исходя из мысли, что отличительные черты истории каждого народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили внимание на первоначальную форму

русского общественного быта, которая, по их мнению, определялась началом родового быта. Всю русскую историю представляли они как последовательный органически стройный переход от кровных общественных союзов, от родового быта – к быту государственному. Между эпохой кровных союзов и государственною лежит промежуточный период, в котором происходила борьба начала кровного с началом государственным. В первый период личность безусловно подчинялась роду, и положение ее определялось не индивидуальной деятельностью или способностями, а местом в роде; кровное начало господствовало не только в княжеских, но и во всех прочих отношениях, оно определяло собою всю политическую жизнь России. Россия в первой стадии своего развития считалась родовой собственностью князей; она делилась на волости соответственно числу членов княжеского дома. Порядок владения обуславливался родовыми счетами. Положение каждого князя определялось его местом в роде. Нарушение старшинства порождало междоусобицы, которые, с точки зрения Соловьева, ведутся не за волости, не за нечто конкретное, а за нарушение старшинства, за идею. С течением времени изменились обстоятельства княжеской жизни и деятельности. На северо-востоке Руси князья явились полными хозяевами земли, сами призывали население, сами строили города. Чувствуя себя создателем новой области, князь предъявляет к ней новые требования; в силу того, что он сам ее создал, он не считает ее родовой, а свободно распоряжается ею и передает ее своей семье. Отсюда возникает понятие о собственности семейной, – понятие, вызвавшее окончательную гибель родового быта. Семья, а не род, стала главным принципом; князья даже начали смотреть на своих дальних родственников как на людей чужих, врагов своей семьи. Наступает новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создано. Наступает хаос, борьба всех против всех. Из этого хаоса вырастает случайно усилившаяся семья московских князей, которые свою вотчину ставят выше других по силе и богатству. В этой вотчине мало-помалу вырабатывается начало единонаследия – первый признак нового государственного порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великого.

Таков, в самых общих чертах, взгляд С. М. Соловьева на ход нашей истории, взгляд, разработанный им в двух его диссертациях: 1) «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и 2) «История отношений между князьями Рюрикова дома». Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелиным в нескольких его исторических статьях (см. том I «Собрания Сочинений Кавелина» изд. 1897 г.). В одной лишь существенной частности расходился Кавелин с Соловьевым: он думал, что и без случайного стечения благоприятных обстоятельств на севере Руси родовой быт княжеский должен был разложиться и перейти в семейный, а затем в государственный. Неизбежную и последовательную смену начал в нашей истории он изображал в такой краткой формуле: «Род и общее владение; семья и вотчина или отдельная собственность; лицо и государство».

Толчок, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской историографии, был очень велик. Стройная научная система, впервые данная нашей истории, увлекла многих и вызвала оживленное научное движение. Много монографий было написано прямо в духе историко-юридической школы. Но много и возражений, с течением времени все более и более сильных, раздалось против учения этой новой школы. Ряд горячих научных споров в конце концов окончательно расшатал стройное теоретическое воззрение Соловьева и Кавелина в том его виде, в каком оно появилось в их первых трудах. Первое возражение против школы родового быта принадлежало славянофилам. В лице К. С. Аксакова (1817–1860) они обратились к изучению исторических фактов (к ним отчасти примкнули московские профессора Лешков и Беляев, 1810–1873); на первой ступени нашей истории они увидели не родовый быт, а общинный и мало-помалу создали свое учение об общине. Оно встретило некоторую поддержку в трудах одесского профессора Леонтовича, который постарался определить точнее примитивный характер древней славянской общины; эта община, по его мнению, очень походит на существующую еще сербскую «задругу», основанную отчасти на родственниках, отчасти

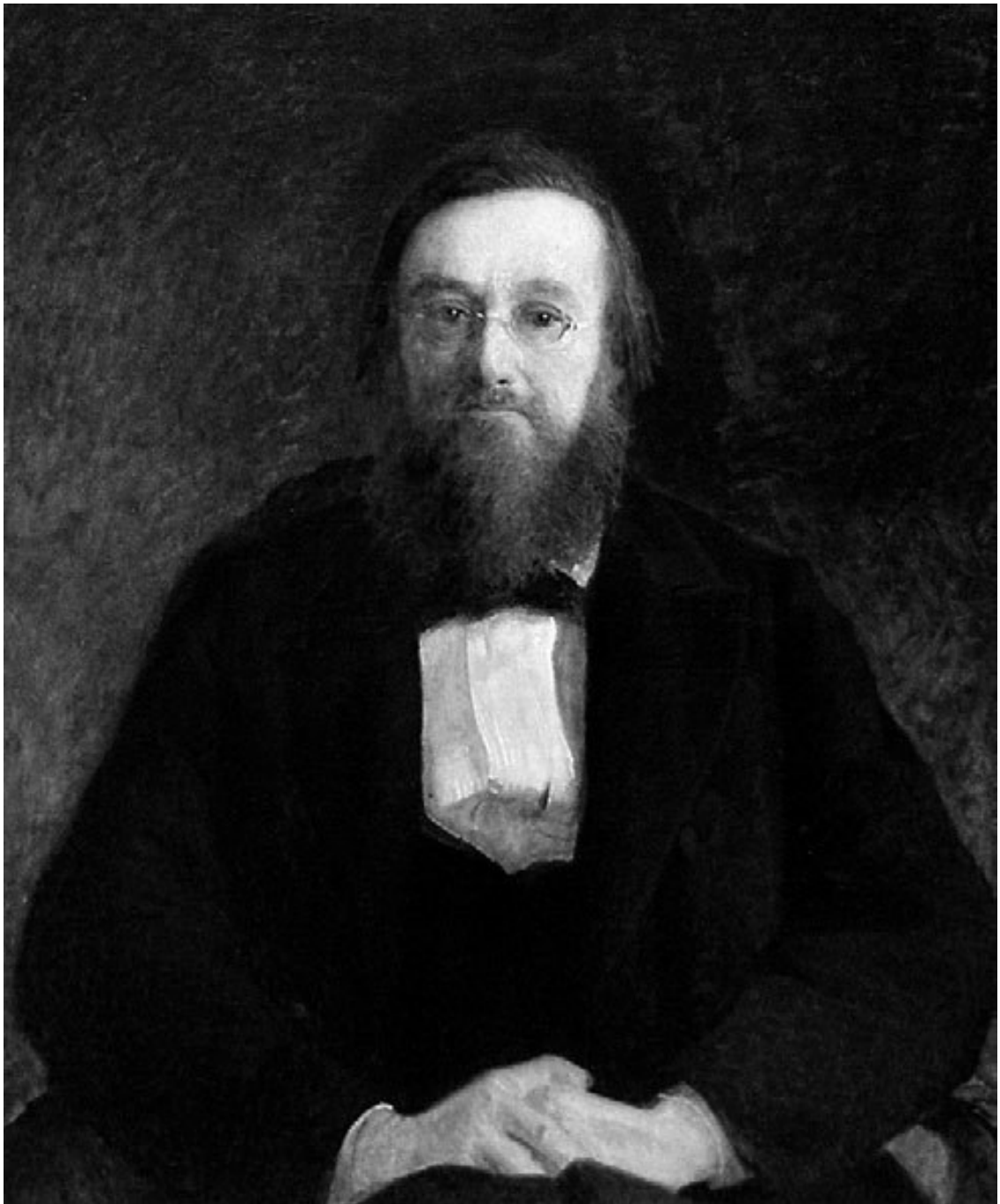
же на территориальных отношениях. На месте рода, точно определенного школой родового быта, стала не менее точно определенная община, и, таким образом, первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возражение против частной этой схемы сделано было ученым, близким по общему своему направлению к Соловьеву и Кавелину. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), воспитывавшийся в той же научной обстановке, как Соловьев и Кавелин, отодвинул за пределы истории эпоху кровных родовых союзов на Руси. На первых страницах нашего исторического бытия он видел уже разложение древних родовых начал. Первая форма нашей общественности, какую знает история, по его взгляду, была построена не на кровных связях, а на началах гражданского права. В древнерусском быту личность не ограничивалась ничем, ни кровным союзом, ни государственными порядками. Все общественные отношения определялись гражданскими сделками – договорами. Из этого-то договорного порядка естественным путем выросло впоследствии государство. Теория Чичерина, изложенная в его труде «О духовных и договорных грамотах князей великих и удельных», получила дальнейшее развитие в трудах проф. В. И. Сергеевича и в этой последней форме уже совсем отошла от первоначальной схемы, данной школой родового быта. Вся история общественного быта у Сергеевича делится на два периода: первый – с преобладанием частной и личной воли над началом государственным, второй – с преобладанием государственного интереса над личной волей.

Если первое, славянофильское возражение явилось на почве соображений об общекультурной самостоятельности славянства, если второе выросло на почве изучения правовых институтов, то третье возражение школе родового быта сделано скорее всего с точки зрения историко-экономической. Древнейшая Киевская Русь не есть страна патриархальная; ее общественные отношения довольно сложны и построены на тимократической основе. В ней преобладает аристократия капитала, представители которой сидят в княжеской думе. Таков взгляд проф. В. О. Ключевского (1841–1911) в его трудах «Боярская дума древней Руси» и «Курс русской истории».

Все эти возражения уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой-либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий. Система Чичерина и Сергеевича сознательно считает себя системой только истории права. А точка зрения историко-экономическая пока не приложена к объяснению всего хода нашей истории. Наконец, в трудах других историков мы не встречаем сколько-нибудь удачной попытки дать основания для самостоятельного и цельного исторического мировоззрения.

В. О. Ключевский

Н. Н. Ге. Портрет Н. И. Костомарова

Чем же живет теперь наша историография? Вместе с К. Аксаковым мы можем сказать, что у нас теперь нет «истории», что «у нас теперь пора исторических исследований, не более». Но, отмечая этим отсутствие одной господствующей в историографии доктрины, мы не отрицаем существования у наших современных историков общих взглядов, новизной и плодотворностью которых обуславливаются последние усилия нашей историографии. Эти общие взгляды возникали у нас одновременно с тем, как появлялись в европейской науке; касались они и научных методов, и исторических представлений вообще. Возникшее на Западе стремление приложить к изучению истории приемы естественных наук сказалось у нас в трудах известного Щапова (1831–1876). Сравнительный исторический метод, выработанный английскими учеными [(Фриман) и другие] и требующий, чтобы каждое историческое явление изучалось в связи с подобными же явлениями других народов и эпох, – прилагался и у нас многими уче-

ными (например, В. И. Сергеевичем). Развитие этнографии вызвало стремление создать историческую этнографию и с точки зрения этнографической рассмотреть вообще явления нашей древнейшей истории (Н. И. Костомаров, 1817–1885). Интерес к истории экономического быта, выросший на Западе, сказался и у нас многими попытками изучения народнохозяйственной жизни в разные эпохи (В. О. Ключевский и другие). Так называемый эволюционизм имеет и у нас своих представителей в лице современных университетских преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось в научное сознание, двигало вперед нашу историографию. Пересмотр старых, уже разработанных вопросов давал новые выводы, ложившиеся в основание новых и новых изысканий. Уже в 70-х годах С. М. Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» яснее и доказательнее высказал свою старую мысль о том, что Петр Великий был традиционным деятелем и в своей работе реформатора руководился идеалами старых московских людей XVII в. и пользовался теми средствами, которые были подготовлены раньше него. Едва ли не под влиянием трудов именно Соловьева началась деятельная разработка истории Московской Руси, показывающая теперь, что допетровская Москва не была азиатски косным государством и действительно шла к реформе еще до Петра, который сам воспринял идею реформы из окружавшей его московской среды. Пересмотр старейшего из вопросов русской историографии – варяжского вопроса [в трудах В. Гр. Васильевского (1838–1899), А. А. Куника (1814–1899), С. А. Геденова и других] освещает новым светом начало нашей истории. Новые исследования по истории западной Руси открыли перед нами любопытные и важные данные по истории и быту литовско-русского государства [В. Б. Антонович (1834–1908), Дашкевич (р. в 1852 г.) и другие]. Указанными примерами не исчерпывается, конечно, содержание новейших работ по нашему предмету; но эти примеры показывают, что современная историография трудится над темами весьма крупными. До попыток исторического синтеза, поэтому, может быть и недалеко.

В заключение историографического обзора следует назвать те труды по русской историографии, в которых изображается постепенное развитие и современное состояние нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства с нашей историографией: 1) К. Н. Бестужев-Рюмин «Русская История» (2 т., конспективное изложение фактов и ученых мнений с очень ценным введением об источниках и историографии); 2) К. Н. Бестужев-Рюмин «Биографии и характеристики» (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев и др.). СПб., 1882; 3) С. М. Соловьев, статьи по историографии, изданные товариществом «Общественная польза» в книге «Собрание сочинений С. М. Соловьева» СПб.; 4) О. М. Коялович «История русского самосознания». СПб., 1884; 5) В. С. Иконников «Опыт русской историографии» (том первый, книга первая и вторая). Киев, 1891; 6) П. Н. Милюков «Главные течения русской исторической мысли» – в «Русской мысли» за 1893 год (и отдельно).

Обзор источников русской истории

В обширном смысле слова исторический источник есть всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк. Нашему ведению подлежат лишь остатки последнего рода.

Обзор источников может быть веден двумя путями: во-первых, он может быть простым логически-систематичным перечнем различных видов исторического материала, с указанием главнейших его изданий; во-вторых, обзор источников может быть построен исторически и совместит в себе перечень материала с обзором движения у нас археографических трудов. Второй путь ознакомления с источниками для нас гораздо интереснее, во-первых, потому, что здесь мы можем наблюдать появление археографических трудов в связи с тем, как в обществе развивался интерес к рукописной старине, и, во-вторых, потому еще, что здесь мы познакомимся с теми деятелями, которые собиранием материалов для родной истории составили себе вечное имя в нашей науке.

Златокузнецы и писцы за работой

Варка пива. Миниатюры из Лицевого летописного свода

В эпоху допетровскую отношение к рукописям в грамотных слоях Московского общества было самым внимательным, потому что в то время рукопись заменяла книгу, была источником и знаний и эстетических наслаждений и составляла ценный предмет обладания; рукописи постоянно переписывались с большой тщательностью и часто жертвовались перед смертью владельцев в монастыри «по душе»: жертвователю за свой дар просит монастырь или церковь о вечном поминовении его грешной души. Акты законодательные и вообще все рукописи юридического характера, т. е. то, что мы называли бы теперь официальными и деловыми бумагами,

тоже ревниво сберегались. Печатных законоположений, кроме Уложения царя Алексея Михайловича, тогда не существовало, и этот рукописный материал был как бы кодексом действовавшего права, руководством тогдашних администраторов и судей. Законодательство тогда было письменным, как теперь оно печатное. Кроме того, на рукописных же грамотах монастыри и частные лица основывали свои льготы и различного рода права. Понятно, что весь этот письменный материал был дорог в обиходе тогдашней жизни и что его должны были ценить и хранить.

В XVIII в. под влиянием новых культурных вкусов, с распространением печатной книги и печатных законоположений отношение к старым рукописям очень изменяется: упадок чувства их ценности замечается у нас в продолжение всего XVIII века. В XVII в. рукопись очень ценилась тогдашним культурным классом, а теперь в XVIII в. этот класс уступил место новым культурным слоям, которые к рукописным источникам старины относились презрительно, как к старому негодному хламу. Духовенство также переставало понимать историческую и духовную ценность своих богатых рукописных собраний и относилось к ним небрежно. Обилие рукописей, перешедших из XVII в. в XVIII в., способствовало тому, что их не ценили. Рукопись была еще, так сказать, вещью житейской, а не исторической и мало-помалу с культурных верхов общества, где прежде вращалась, переходила в нижние его слои, между прочим и к раскольникам, которых наш археограф П. М. Строев называл «попечителями наших рукописей». Старые же архивы и монастырские книгохранилища, заключавшие в себе массу драгоценностей, оставались без всякого внимания, в полном пренебрежении и упадке. Вот примеры из уже XIX в., которые показывают, как невежественно обращались с рукописной стариной ее владельцы и хранители. «В одной обители благочестия, к которой в исходе XVII в. было приписано более 15 других монастырей, – писал П. М. Строев в 1823 г., – старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на поларшина кучу книг и столбцов, наваленных без разбору, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана. Этому шесть лет. Следовательно, снег шесть раз покрывал эти рукописи и столько же на них таял, теперь верно осталась одна ржавая пыль...» Тот же Строев в 1829 г. доносил Академии наук, что архив старинного города Кевроля, по упразднении последнего перенесенный в Пинегу, «сгнил там в ветхом сарае и, как мне сказывали, последние остатки его не задолго перед сим (т. е. до 1829 г.) брошены в воду».

Известный любитель и исследователь старины митрополит Киевский Евгений (Болховитинов, 1767–1837), будучи архиереем во Пскове, пожелал осмотреть богатый Новгородский-Юрьев монастырь. «Вперед он дал знать о своем приезде, – пишет биограф митрополита Евгения Ивановский, – и этим, разумеется, заставил начальство обители несколько посуетиться и привести некоторые из монастырских помещений в более благовидный порядок. Ехать в монастырь он мог одной из двух дорог: или верхней, более проезжей, но скучной, или нижней, близ Волхова, менее удобной, но более приятной. Он поехал нижней. Близ самого монастыря он встретился с возом, ехавшим к Волхову в сопровождении инок. Желая узнать, что везет инок к реке, он спросил. Инок отвечал, что он везет разный сор и хлам, который просто кинуть в навозную кучу нельзя, а надобно бросить в реку. Это возбудило любопытство Евгения. Он подошел в возу, велел приподнять рогожу, увидел порванные книжки и рукописные листы и затем велел иноку возвратиться в монастырь. В этом возу оказались драгоценные остатки письменности даже XI в.» (Ивановский «Митр. Евгений», стр. 41–42).

Таково было у нас отношение к памятникам старины даже в XIX в. В XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отметить, что рядом с этим с начала уже XVIII ст. являются отдельные личности, сознательно относившиеся к старине. Сам Петр I собирал старинные монеты, медали и другие остатки старины, по западноевропейскому обычаю, как необыкновенные и курьезные предметы, как своего рода «монстры». Но, собирая любопытные вещественные остатки старины, Петр желал вместе с тем «ведать государства Российского историю» и полагал, что «о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах,

понеже о сем много писано». С 1708 г. по приказу Петра над сочинением русской истории (XVI и XVII вв.) трудился тогдашний ученый деятель Славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов, но труд его не удовлетворил Петра, а нам остался неизвестен. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петр до конца своего царствования не оставлял мысли о полной русской истории и заботился о собрании для нее материала; в 1720 г. он приказал губернаторам пересмотреть все замечательные исторические документы и летописные книги во всех монастырях, епархиях и соборах, составить им описи и доставить эти описи в Сенат. А в 1722 г. Синоду было указано по этим описям отобрать все исторические рукописи из епархий в Синод и сделать с них списки. Но Синоду не удалось привести это в исполнение: большинство епархиальных начальств отвечало на запросы Синода, что у них нет таких рукописей, а всего в Синоде было прислано до 40 рукописей, как можно судить по некоторым данным, и из них только 8 собственно исторических, остальные же духовного содержания. Так желание Петра иметь историческое повествование о России и собрать для этого материал разбилося о невежество и небрежность его современников.

Историческая наука родилась у нас позже Петра, и научная обработка исторического материала началась вместе с появлением у нас ученых немцев; тогда стало выясняться мало-помалу и значение рукописного материала для нашей истории. В этом последнем отношении неоценимые услуги нашей науке оказал известный уже нам Герард Фридрих Миллер (1705–1785). Добросовестный и трудолюбивый ученый, осторожный критик-исследователь и в то же время неутомимый собиратель исторических материалов, Миллер своей разнообразной деятельностью вполне заслуживает имя «отца русской исторической науки», какое ему дают наши историографы. Наша наука еще до сих пор пользуется собранным им материалом. В так называемых «портфелях» Миллера, хранящихся в Академии наук и в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, заключается более 900 номеров разного рода исторических бумаг. Эти портфели и теперь еще для исследователя составляют целое сокровище, и новые исторические труды часто черпают из них свои материалы; так, археографическая комиссия до последнего времени наполняла его материалом некоторые из своих изданий (Сибирские дела в дополнениях к «Актам историческим»). Миллер собирал письменные памятники не в одной только Европейской России, но и в Сибири, где он провел около 10 лет (1733–1743). Эти изыскания в Сибири дали важные результаты, потому что только здесь Миллеру удалось найти массу ценных документов о смуте, которые были потом напечатаны в Собрании Государственных грамот и Договоров во II томе. При императрице Екатерине II Миллер был назначен начальником Архива Коллегии Иностранных Дел и имел от императрицы поручение составить собрание дипломатических документов по примеру Амстердамского издания Дюмона (*Corps universel diplomatique du droit des Gens*, 8 т., 1726–1731). Но Миллер был уже стар для такого грандиозного труда и, как начальник архива, успел только начать разбор и упорядочение архивного материала и приготовить целую школу своих учеников, которые по смерти учителя продолжали работать в этом архиве и вполне развернули свои силы позднее в так называемую «Румянцевскую эпоху». Рядом с Миллером действовал Василий Никитич Татищев (1686–1750). Он намеревался писать географию России, но понимал, что география без истории невозможна и потому решил сперва написать историю и обратился к собиранию и изучению рукописного материала. Собирая материалы, он нашел и первый оценил «Русскую Правду» и «Царский Судебник». Эти памятники, как и самая «История Российская» Татищева, изданы были уже после его смерти Миллером. Кроме собственно исторических трудов Татищев составил инструкцию для собирания этнографических, географических и археологических сведений о России. Эта инструкция была принята Академией наук.

Со времени Екатерины II дело собирания и издания исторического материала очень развилось. Сама Екатерина находила досуг для занятий русской историей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала исторические труды. При таком настроении импера-

трицы русское общество стало больше интересоваться своим прошлым и сознательнее относиться к остаткам этого прошлого. При Екатерине как собиратель исторического материала действует, между прочим, граф А. Н. Мусин-Пушкин, нашедший «Слово о полку Игореве» и старавшийся собрать из монастырских библиотек в столицу все рукописные летописи в видах их лучшего хранения и издания. При Екатерине начинаются многочисленные издания летописей в Академии наук и при Синоде, издания, впрочем, еще несовершенные и ненаучные. И в обществе начинается то же движение в пользу изучения старины.

В этом деле первое место занимает Николай Иванович Новиков (1744–1818), больше известный нашему обществу изданием сатирических журналов, масонством и заботами о распространении образования. По своим личным качествам и гуманным идеям это редкий в своем веке человек, светлое явление своего времени. Он нам уже известен как собиратель и издатель «Древней Российской Вивлиофики» – обширного сборника старых актов разного рода, летописцев, старинных литературных произведений и исторических статей. Издание свое он начал в 1773 г. и в 3 года издал 10 частей. В предисловии к Вивлиофике Новиков определяет свое издание как «начертание нравов и обычаев предков» с целью познать «великость духа их, украшенного простотою». (Надо заметить, что идеализация старины уже сильна была и в первом сатирическом журнале Новикова «Трутенъ», 1769–1770 г.) Первое издание «Вивлиофики» теперь уже забыто ради второго, более полного, в 20 томах (1788–1791). Новикова в этом его издании поддерживала сама Екатерина II и деньгами, и тем, что допустила его к занятиям в архиве Иностранной коллегии, где ему очень радушно помогал старик Миллер. По содержанию своему «Древняя Российская Вивлиофика» была случайным сводом под руку попавшегося материала, изданного почти без всякой критики и без всяких научных приемов, как мы их понимаем теперь.

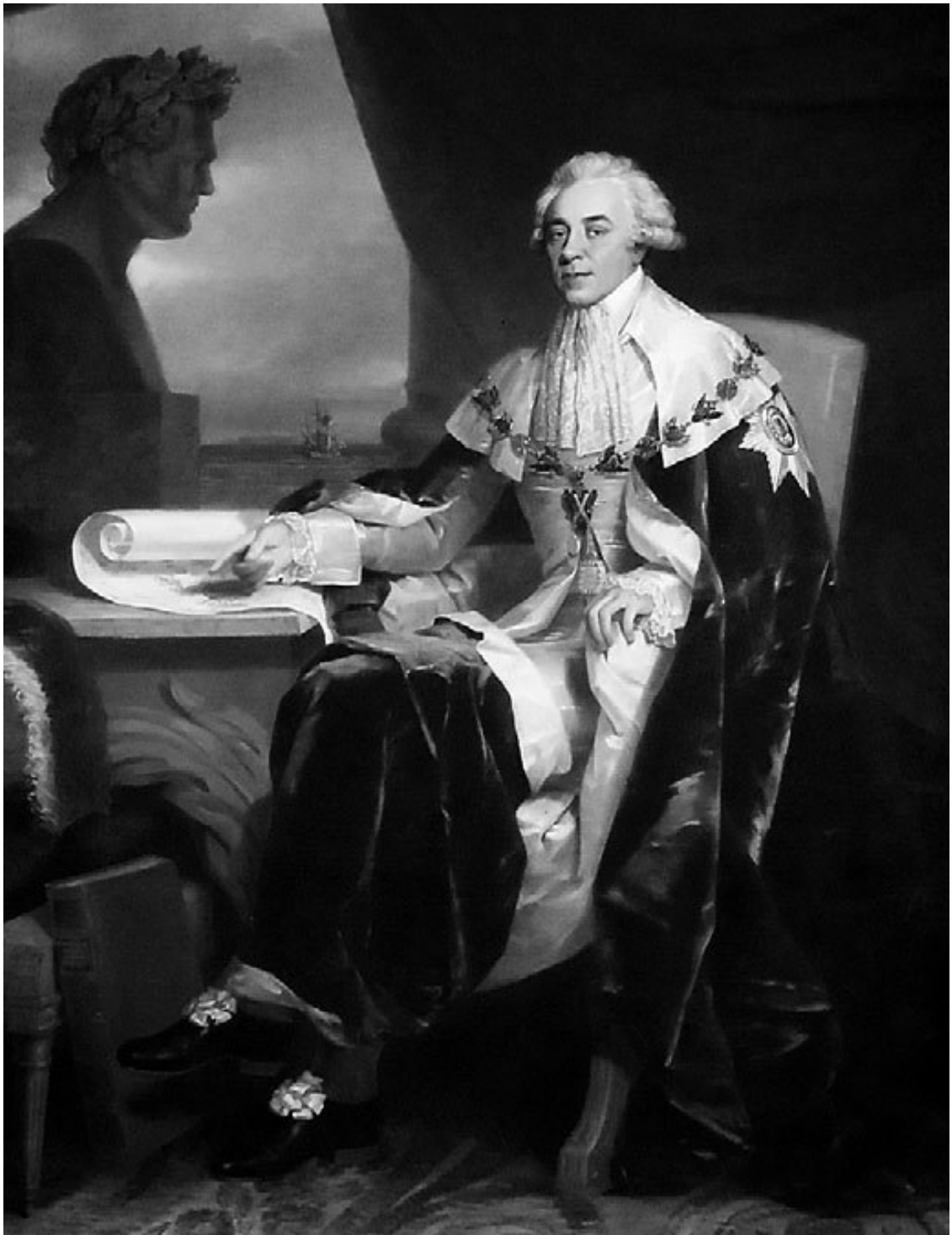
В этом отношении еще ниже стоят «Деяния Петра Великого» курского купца Ив. Ив. Голикова (1735–1801), который с детства восторгался деяниями Петра, имел несчастье попасть под суд, но был освобожден по манифесту по случаю открытия памятника Петру. По этому поводу Голиков решил всю свою жизнь посвятить работе над биографией Петра. Он собирал все известия, какие только мог достать, без разбора их достоинств, письма Петра, анекдоты о нем и т.п. В начале своего собрания он поместил краткий обзор XVI и XVII вв. На труд Голикова обратила внимание Екатерина и открыла ему архивы, но этот труд лишен всякого научного значения, хотя по недостатку лучших материалов им пользуются и теперь. Для своего же времени он был крупным археографическим фактом (1-е издание в 30 т. 1778–1798. 11-е издание в 15 т. 1838).

Кроме Академии и частных лиц к памятникам старины обратилась деятельность и «Вольного Российского собрания», ученого общества, основанного при Московском университете в 1771 г. Это общество было очень деятельно в помощи отдельным ученым, открывая им доступ в архивы, сооружая ученые этнографические экспедиции и т.д., но само издавало немного памятников старины: в 10 лет оно выпустило только 6 книг своих «Трудов».

Такова, в самых общих чертах, деятельность второй половины прошлого века по собиранию и изданию материалов. Эта деятельность отличалась случайным характером, захватывала только тот материал, который, если можно так выразиться, сам шел в руки: забот о тех памятниках, которые были в провинции, не проявлялось. Сибирская экспедиция Миллера и собрание летописей, по мысли Мусина-Пушкина, были отдельными эпизодами исключительного характера, и историческое богатство провинции оставалось пока без оценки и внимания. Что же касается исторических изданий прошлого столетия, то они не выдерживают и самой снисходительной критики. Кроме разных технических подробностей мы требуем теперь от ученого издателя, чтобы он пересмотрел по возможности все известные списки издаваемого памятника, выбрал из них древнейшие и лучшие, т.е. с исправнейшим текстом, один из лучших положил в основу издания и печатал его текст, приводя к нему все варианты других исправных

списков, избегая малейших неточностей и опечаток в тексте. Изданию должна предшествовать проверка исторической ценности памятника; если памятник окажется простой компиляцией, то лучше издать его источники, чем самую компиляцию. Но в XVIII в. на дело смотрели не так; считали возможным издавать, например, летопись по одному ее списку со всеми ошибками, так что теперь, по нужде, пользуясь некоторыми из изданий за неимением лучших, историк постоянно в опасности сделать ошибку, допустить неточность и т. под. Только Шлецер теоретически устанавливал приемы ученой критики, да Миллер в издании «Степенной книги» (1775 г.) соблюдал некоторые из основных правил ученого издания. В предисловии к этой летописи он говорит о своих приемах издания: они у него научны, хотя еще не выработаны; но в этом его нельзя упрекать, – полная разработка критических приемов явилась у нас только в XIX столетии, и ей более всего способствовали ученики Миллера.

Старая, Миллер просил императрицу Екатерину назначить после его смерти начальником Архива Иностранной Коллегии кого-нибудь из его учеников. Просьба его была уважена, и после Миллера Архивом заведовали его ученики: сперва И. Стриттер, потом Н. Н. Бантыш-Каменский (1739–1814). Этот последний, составляя описание дел своего архива, на основании этих дел занимался и исследованиями, которые, к сожалению, далеко не все напечатаны. Они очень много помогали Карамзину при составлении «Истории государства Российского».

Дж. Доу. Портрет графа Н. П. Румянцева. 1828 г.

Когда в первые годы XIX столетия Архив Иностранной Коллегии поступил в главное ведение графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), в архиве воспиталась уже целая семья археографов, и для Румянцева были готовы достойные помощники. Именем Румянцева означают целую эпоху в ходе нашего народного самопознания, и справедливо. Граф Н. П. Румянцев явился в ту самую пору, когда приготавлилась «История государства Российского» Карамзина, когда назревало сознание, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконец, явились и деятели по этой части с научными приемами. Граф Румянцев стал выразителем сознательного отношения к старине и, благодаря своему

положению и средствам, явился центром нового историко-археологического движения, таким почтенным меценатом, пред памятью которого должны преклоняться и мы, и все грядущие поколения.

Родился Румянцев в 1754 г.; отцом его был знаменитый граф Румянцев-Задунайский. Начал свою службу Николай Петрович в среде русских дипломатов Екатерининского века и более 15 лет был чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франкфурте-на-Майне. При имп. Павле I хотя Румянцев и был в милости у императора, но не занимал никаких должностей и оставался не у дел.

При Александре I ему был дан портфель министра коммерции, а затем в 1809 г. поручено Министерство иностранных дел с сохранением поста министра коммерции. С течением времени он был возведен в звание Государственного Канцлера и назначен председателем Государственного совета. Во время управления Министерством иностранных дел и его Архивом сказала любовь Румянцева к старине, хотя почвы для нее, по-видимому, не было никакой. Уже в 1810 г. граф Николай Петрович предлагает Бантыш-Каменскому составить план издания Сборника государственных грамот и договоров. Этот план был скоро готов, и гр. Румянцев ходатайствовал пред Государем об учреждении, при Архиве иностранной коллегии, Комиссии для напечатания «Государственных грамот и договоров». Все издержки по изданию он принимал на свой счет, но с условием, что комиссия останется в его ведении и тогда, когда он оставит управление ведомством иностранных дел. Желание его было исполнено, и 3 мая 1811 года комиссия была учреждена. Двенадцатый год задержал выпуск 1-го тома, но Бантыш-Каменский успел спасти вместе с архивом и напечатанные листы этого первого тома, и первый том вышел к 1813 г. под заглавием «Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел». На заглавном листе красовался герб Румянцева, как и на всех его прочих изданиях. Во вступлении к первому тому главный его редактор Бантыш-Каменский так объяснял потребности, вызвавшие издание, и цели, какие оно преследовало: «Испытатели древностей Российских и желавшие приобрести познание в дипломатике отечественной не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот, в Древней Вивлиофике помещенных, ибо потребно было полное собрание коренных постановлений и договоров, которое бы объясняло постепенность возвышения России. Не имев сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествиях и союзах своего государства у иностранных писателей и сочинениями их руководствоваться» (СГГ и Д, т. 1, стр. II). Слова эти справедливы, потому что издание гр. Румянцева было первым систематическим сводом-документом, с которым не могло соперничать ни одно предшествовавшее издание. В выпущенном (первом) томе были собраны замечательные грамоты времени 1229–1613 гг. С их появлением входила в научный оборот масса ценного материала, изданного добросовестно и роскошно.

Второй том Румянцевского собрания вышел в 1819 г. и включает в себе грамоты до XVI в. и документы смутного времени. Бантыш-Каменский умер до выхода 2-го тома (1814 г.), и вместо него работал над изданием Малиновский. Под его редакцией вышел в 1822 г. третий том, а в 1828-м, когда Румянцева уже не стало в живых, и четвертый. Оба эти тома включают в себе документы XVII в. В предисловии к 2-му тому Малиновский объявил, что издание грамот переходит в ведение Коллегии иностранных дел и зависит от ее распоряжений; однако и до сей поры дело не пошло далее начала пятого тома, который с недавнего времени обращается в продажу и включает в себе дипломатические бумаги. Если бы деятельность Румянцева ограничилась только этим изданием (на которое он затратил до 40 000 р.), то и тогда бы память его жила вечно в нашей науке, – такое значение имеет этот сборник документов. Как историческое явление это первый научный сборник актов, ознаменовавший собою начало у нас научного отношения к старине, а как исторический источник это и до сих пор один из важнейших сводов материала, имеющий значение для основных вопросов общей истории нашего государства.

Стремясь так старательно к извлечению на свет архивного материала, граф Румянцев не был простым дилетантом, но обладал большой эрудицией в русских древностях и не переставал жалеть, что в нем поздно пробудились вкусы к старине, хотя их позднее появление не помешало ему потратить массу труда и материальных жертв на отыскание и спасение памятников. Общая сумма его издержек на научные цели доходила до 300 000 руб. серебром. Он не раз на свой счет отправлял научные экспедиции, сам совершал экскурсии в окрестностях Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платил за каждую находку. Из его переписки видно, между прочим, что за одну рукопись он отпустил на волю целую крестьянскую семью. Высокое служебное положение Румянцева облегчало ему любимое дело и помогало вести его в самых широких размерах: так, он обращался ко многим губернаторам и архиереям, прося их указаний о местных древностях, и посылал им в руководство свои программы для собирания памятников старины. Мало того, он руководил изысканиями в заграничных книгохранилищах по части русской истории и, кроме русских памятников, хотел предпринять обширное издание иностранных писателей о России: им было отмечено до 70 иностранных сказаний о России, был составлен и план издания, но, к сожалению, это дело не состоялось. Но не одно дело собирания памятников интересовало канцлера; часто он оказывал поддержку и исследователям старины, поощряя их труд, а часто и сам вызывал молодые силы на исследования, ставя им научные вопросы и оказывая материальную поддержку. Перед смертью граф Румянцев завещал для общего пользования соотечественников свое богатое собрание книг, рукописей и других древностей. Император Николай I открыл это собрание для публики под названием «Румянцевского музея», первоначально в Петербурге; но при императоре Александре II музей переведен был в Москву, где и соединен с так называемым публичным музеем в знаменитом Пашковом доме. Эти музеи – драгоценные хранилища нашей древней письменности. Так широка была деятельность графа Румянцева на поле нашей исторической науки. Стимулы ее заключались в высоком образовании этого человека и в его патриотическом направлении. У него было много ума и материальных средств для достижения его научных целей, но надо сознаться, что он не сделал бы многого из того, что сделал, если бы за ним не стояли в качестве его помощников замечательные люди того времени. Помощниками его были деятели Архива Коллегии иностранных дел. Начальниками Архива при Румянцеве были Н. Н. Бантыш-Каменский (1739–1814) и Л. Ф. Малиновский, советами и трудами которых пользовался Н. М. Карамзин и которые очень много сделали для благоустройства своего Архива. А из молодых ученых, начавших свою деятельность в этом Архиве при Румянцеве, упомянем только самых видных: Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева. Оба они замечательно много сделали по числу и по значению их работ, трудясь над научным изданием памятников, собирая и описывая рукописи во всеоружии прекрасных критических приемов.

Н. Н. Бантыш-Каменский

Биография Калайдовича малоизвестна. Родился он в 1792 г., жил немного – всего 40 лет и кончил умопомешательством и почти нищетой. В 1829 г. Погодин писал о нем Строеву: «Калайдовича сумасшествие прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрия, что нельзя смотреть на него без горести. Он в нужде...» В своей деятельности Калайдович почти всецело принадлежал к Румянцевскому кружку и был любимым сотрудником Румянцева. Он участвовал в издании «Собрания Государственных Грамот и Договоров»; вместе с Строевым совершил в 1817 г. поездку по Московской и Калужской губерниям для разыскания старых рукописей. Это была первая по времени научная экспедиция в провинцию с исключительной целью – палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увенчалась большим успехом. Строев и Калайдович нашли Изборник Святослава 1073 г., Илларионову Похвалу Когану Владимиру и, между прочим, в Волоколамском монастыре, Судебник Ивана III. Эта была тогда

полная новинка: Княжеского Судебника не знал никто в русской редакции, и Карамзин пользовался им в латинском переводе Герберштейна. Граф приветствовал находки и благодарил молодых ученых за их труды. Судебник был издан на его средства Строевым и Калайдовичем в 1819 г. («Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и внука его Царя Иоанна Васильевича». Москва, 1819 г., второе издание – Москва, 1878 г.). Кроме своих издательских трудов и палеографических разысканий Калайдович известен и своими филологическими исследованиями («Иоанн, Экзарх Болгарский»). Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполне развернуть свои богатые силы.

В близком общении с Калайдовичем во дни юности был П. М. Строев. Строев, происходя из небогатой дворянской семьи, родился в Москве в 1796 г. В 1812 г. он должен был поступить в университет, но военные события, прервавшие ход университетского преподавания, помешали этому, так что только в августе 1813 г. стал он студентом. Замечательнейшими из учителей его здесь были Р. Ф. Тимковский (ум. 1820 г.), профессор римской словесности, знаменитый изданием летописи Нестора (вышла в 1824 г., к изданию ее он применил приемы издания древних классиков) и М. Т. Каченовский (ум. 1842 г.) – основатель так называемой скептической школы. Тотчас по поступлении в университет, т.е. 17 лет, Строев уже составил краткую Российскую Историю, которая издана была в 1814 г., стала общепринятым учебником и через пять лет потребовала нового издания. В 1815 г. Строев выступает уже со своим собственным журналом «Современный наблюдатель Российской Словесности», который он думал сделать еженедельным и который выходил только с марта по июль. В конце того же 1815 года Павел Михайлович выходит из университета, не окончив курса, и поступает по предложению Румянцева в Комиссию печатания Государственных Грамот и Договоров. Румянцев высоко ценил его и, как увидим, был прав. Кроме удачных кабинетных работ, Строев с 1817 по 1820 г. на средства Румянцева объезжает вместе с Калайдовичем книгохранилища Московской и Калужской епархий. Мы уже знаем, какие важные памятники были тогда найдены. Кроме находок, было описано до 2000 рукописей, и Строев в этих поездках приобрел большое знание рукописного материала, которым он много помог Карамзину. И после своих экспедиций, до конца 1822 г., Строев продолжает работать при Румянцеве. В 1828 г. Строев был избран действительным членом Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете (это Общество учреждено было в 1804 г. для издания древних летописей). В заседании Общества 14 июля 1823 г. Строев выступил с грандиозным проектом. По поводу своего выбора он сказал блестящую речь, в которой благодарил за избрание, указал, что цель Общества – издание летописей – слишком узка, и предложил заменить ее разбором и изданием всех вообще исторических памятников, какими Общество будет иметь возможность располагать: «Общество должно, – говорил Строев, – извлечь, привести в известность и, если не само обработать, то доставить другим средства обрабатывать все письменные памятники нашей истории и древней словесности...» «Пусть целая Россия, – говорил он, – превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей должны мы ограничить наши занятия, но бесчисленным множеством их в монастырях и соборных хранилищах, никем не хранимых и никем не описанных, в архивах, кои нещадно опустошают время и нерадивое невежество, в кладовых и подвалах, не доступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков, кажется, снесены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истребить их удобнее и скорее!...» Строев, словом, предлагал Обществу привести в наличность всю письменную старину, какую располагали провинциальные библиотеки, и предлагал для достижения этой цели послать ученую экспедицию, чтобы описать провинциальные книгохранилища. Пробная поездка этой экспедиции должна была быть совершена по проекту Строева в Новгороде, где следовало разобрать находившуюся в Софийском соборе библиотеку. Далее экспедиция должна была совершить свою первую или северную поездку, в район которой входили по плану Строева 10 губерний (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская,

Костромская, Ярославская и Тверская). Эта поездка должна была занять два с лишним года и дать, как надеялся Строев, блестящие результаты, «богатую жатву», потому что на севере много монастырей с библиотеками; там жили и живут старообрядцы, которые очень внимательно относятся к рукописной старине; а затем, на севере меньше всего было неприятельских погромов. Вторая или средняя поездка, по проекту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу России (губернии: Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую). Третья или западная поездка должна была направиться в юго-западную Россию (9 губерний: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Киевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы год времени. Этими поездками Строев надеялся достичь систематического описания всего исторического материала в провинции, преимущественно в духовных библиотеках. Издержки он определял в сумме 7000 р. в год. Все составленные экспедицией описания он предполагал слить в одну общую роспись летописного и историко-юридического материала и предлагал Обществу издавать потом исторические памятники по лучшим из описанных экспедицией редакциям, а не по случайным спискам, как это делалось до того времени. Рисуя такие привлекательные перспективы, Строев искусно доказывал возможность исполнения своего проекта и настаивал на его принятии. Речь свою он закончил хвалой Румянцеву, благодаря которому он мог приобрести навык и опыт в археографическом деле. Конечно, Румянцевская экспедиция 1817–1820 гг. заставила Строева размышлять о той грандиозной экспедиции, какую он предлагал.

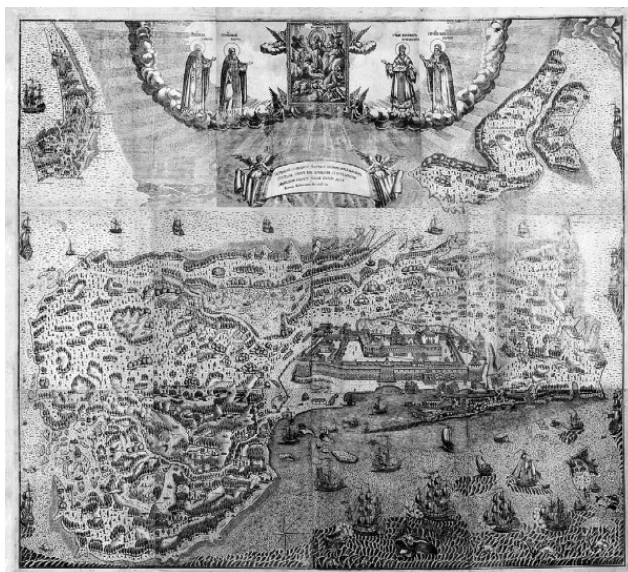

Семья князя Святослава. Миниатюра из Изборника Святослава 1073 г.

Общество, в своем большинстве, приняло речь Строева за смелую мечту молодого ума и дало Строеву средства для обозрения одной лишь Новгородской Софийской библиотеки, которая и была им описана. Речь Строева даже не была напечатана в журнале Общества, а появилась в «Северном Архиве». Ее прочли и забыли. Сам Строев занимался в то время историей донского казачества и составил свой известный «Ключ к истории Государства Российского» Карамзина, писал в журналах, поступил библиотекарем к графу Ф. А. Толстому, вместе с Калайдовичем составил и издал в свет каталог богатого собрания рукописей графа Ф. А.

Толстого, ныне находящихся в Императорской Публичной Библиотеке. Труды Строева были замечены Академией наук, и она в 1826 г. дала ему звание своего корреспондента. Среди своих последних трудов Строев как будто забыл о своей речи: на самом же деле оказалось не так. По преданию, великая княгиня Мария Павловна с большим участием отнеслась к речи Строева, которую прочитала в «Северном Архиве», и это участие, как говорят, побудило Строева обратиться с письмом к президенту Академии наук графу С. С. Уварову. В этом письме он развивает те же планы, которые развивал и в Обществе, предлагает себя, как опытного археографа, для археографических поездок и сообщает подробный план практического исполнения предлагаемого им дела. Уваров передал письмо Строева в Академию, Академия же – своему члену Кругу поручила его разбор и оценку. 21 мая 1828 г. благодаря прекрасному отзыву Круга важное дело было решено. Академия, признавая, что археографическая экспедиция есть «священная обязанность, от которой первое ученое заведение Империи не может уклониться, не подвергаясь справедливым упрекам в равнодушии», решила отправить Строева в путешествие, ассигновав 10 тыс. руб. ассигнациями. Археографическая экспедиция была таким образом учреждена. Выбор помощников для археографической экспедиции был предоставлен самому Строеву. Он выбрал двух чиновников Архива Министерства иностранных дел и заключил с ними очень любопытное условие, где, между прочим, писал следующее: «Экспедицию ожидают не забавы различные, но труды, трудности и лишения всякого рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпением и готовностью переносить все тяжкое и неприятное, да не овладеют ими малодушие, нерешительность, ропот!» Далее он предупреждает своих помощников, что им часто придется иметь дурную квартиру, телегу вместо рессорного экипажа, не всегда чай и т. п. Строев, очевидно, знал, в какой обстановке будет он трудиться, и сознательно шел навстречу лишениям. Первые же его спутники, испытав трудности дела, через полгода от него отказались.

Приготовив все для поездки, запасшись официальными бумагами, которые должны были открыть ему вход во все архивы, Строев в мае 1829 г. выехал из Москвы к берегам Белого моря. Слишком долго было бы излагать любопытнейшие подробности этой экспедиции. Лишения, трудности сообщений и самой работы, убийственные гигиенические условия жизни и труда, болезни, подчас недоброжелательство и подозрительность невежественных хранителей архивов и библиотек, – все это стоически вынес Строев. Всего себя отдавал он работе, часто удивительно трудной и сухой, и лишь изредка, пользуясь отпусками для отдыха на какой-нибудь месяц, возвращался к своей семье. Утешительно то, что в этих трудах он нашел себе достойного помощника в лице Як. Ив. Берендинова (1793–1854), которым он в 1830 г. и заменил прежних чиновников. Энергия этих двух тружеников достигла чудесных результатов; пять с половиной лет трудились они, изъездив всю северную и среднюю Россию, осмотрели более 200 библиотек и архивов, списали до 3000 историко-юридических документов, относящихся к XIV, XV, XVI и XVII вв., обследовали массу памятников летописного и литературного характера. Собранный ими материал, будучи переписан, занял 10 огромных фолиантов, а в их черновых портфелях осталась масса справок, выписок и указаний, которые позволили Строеву составить два замечательных труда, появившихся в печати уже после его смерти. (Это «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви», всех, которых помнит история, и «Библиологический словарь или алфавитный перечень всех рукописей исторического и литературного содержания», какие только Строев видел на своем веку.)

Л. Зубков. Фрагмент плана Соловецких островов. 1800 г.

За путешествием Строева следила вся образованная Россия. Ученые обращались к нему, прося выписок, указаний и справок. Сперанский, готовя тогда в печать «Полное Собрание Законов Российской Империи», обращался к Строеву за помощью в собирании указов. Ежегодно, 29 декабря, в день годовичного заседания Академии наук, между прочим, читались отчеты и о действиях археографической экспедиции. Сведения о ней помещались в журналах. Император Николай прочитывал «от доски до доски» большие томы переписанных набело актов, собранных экспедицией.

В конце 1834 г. Строев был близок к окончанию своего дела. Северная и средняя поездки его были окончены. Оставалась самая меньшая – западная, т.е. Малороссия, Волынь, Литва и Белоруссия. В своем отчете Академии за 1834 г. Строев с торжеством заявлял об этом и, перечисляя результаты археографической экспедиции за все время ее существования, говорил: «От благоусмотрения Императорской Академии наук зависит: а) продолжать археографическую экспедицию в остальных областях Империи, дабы утвердить решительно: более сего нет, т.е. нет неизвестного материала, или б) начать печатание актов историко-юридических, почти приготовленных, и собрание разных писаний (т.е. летописных) по моим указаниям...» Этот отчет Строева читался в торжественном собрании Академии 29 декабря 1834 г., и почти в тот же день Строев узнал, что волей начальства (не Академии) археографическая экспедиция прекратила свое существование, что для разбора и издания добытых Строевым актов при Министерстве народного просвещения учреждена Археографическая комиссия. Строев был назначен простым членом этой комиссии наравне с своим прежним помощником Бередниковым и еще двумя лицами, к экспедиции вовсе не причастными¹. Учреждением комиссии, скоро превратившейся в постоянную (она существует и до сих пор), начинается новая эра в издании памятников нашей старины.

Археографическая комиссия, которая была учреждена сначала с временной целью издания найденных Строевым актов, стала с 1837 г., как мы упомянули, постоянной комиссией для разбора и издания исторического материала вообще. Деятельность ее выразилась за все

¹ Тяжело было Строеву видеть дорогое дело в чужом распоряжении; поэтому он скоро выходит из комиссии, поселяется в Москве, но невольно сохраняет с членами комиссии живые сношения. На первых порах комиссия много зависела от него в своей научной деятельности; для нее он продолжает работать и до конца жизни, разрабатывая московские архивы. Здесь под его руководством начинают свои труды всем известные И. Е. Забелин и Н. В. Кялачев. В то же время Строев продолжал трудиться и для Общества истории и древностей, описывая, между прочим, библиотеку Общества. Скончался он 5 января 1876 г., восьмидесяти лет.

время ее существования многочисленными изданиями, из которых необходимо указать главнейшие. В 1836 г. издала она четыре первых своих фолианта под заглавиями: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук». (В просторечии издание это носит название «Актов Экспедиции», а в ученых ссылках означает буквы АЭ.) В 1838 г. явились «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства» (один том). В этом издании помещены акты частного быта до XVIII в. В 1841 и 1842 гг. вышли пять томов «Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссией» (I т. содержит акты до XVII в., от II до V тома – акты XVII в.). Затем стали выходить «Дополнения к актам историческим» (всего XII томов, заключающих документы XII–XVII вв.). С 1846 г. комиссия принялась за систематическое издание «Полного Собрания Русских Летописей». Довольно скоро успела она выпустить восемь томов (I том – Лаврентьевская летопись, II – Ипатьевская летопись, III и IV – Новгородская летопись, конец IV и V – Псковская, VI – Софийский Временник, VII и VIII – Воскресенская летопись). Затем издание несколько замедлилось, и лишь через много лет вышли тома IX–XIV (заключающие в себе текст Никоновской летописи), а затем XV том (заключающий Тверскую летопись), XVI том (Летопись Аврамки), XVII (Западнорусские летописи), XIX (Степенная Книга), XXII (Русский Хронограф), XXIII (Ермолинская летопись) и др.

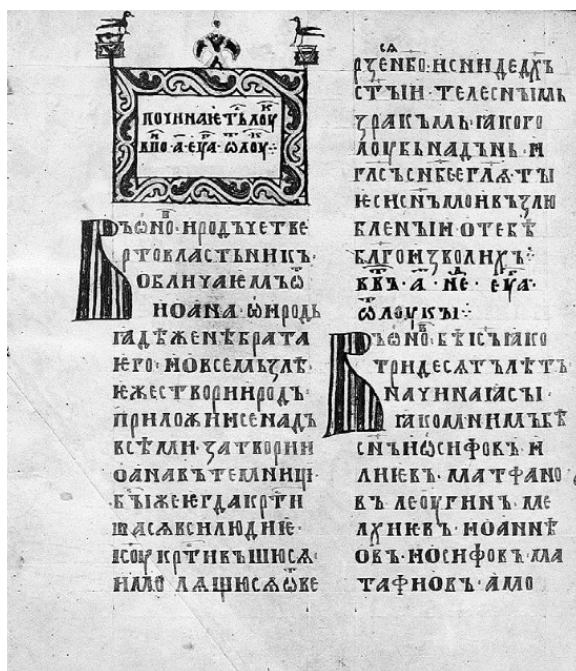
Весь этот материал, громадный по числу и по важности документов, оживил нашу науку. Почти исключительно на нем основывались многие монографии (напр., прекрасные труды Соловьева и Чичерина), были уяснены вопросы древнего общественного быта, стала возможна разработка многих частных древней жизни.

После своих первых монументальных трудов комиссия продолжала деятельно работать. До сих пор ею выпущено более сорока изданий. Наибольшее значение, сверх уже названных, имеют: 1) «Акты, относящиеся к истории Западной России» (5 томов), 2) «Акты, относящиеся к истории Западной и Южной России» (15 томов), 3) «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (3 тома), 4) «Русская Историческая библиотека» (28 томов), 5) «Великие Минеи Четы митрополита Макария» (до 20 выпусков), 6) «Писцовые книги» Новгородские и Ижорские XVII в., 7) «Акты на иностранных языках, относящиеся к России» (3 тома с дополнением), 8) «Сказания иностранных писателей о России» (*Rerum Rossicarum scriptores exteri*) (2 тома) и т. д.

По образцу Императорской Археографической комиссии возникли такие же комиссии в Киеве и Вильне – как раз в тех местах, где не успел побывать Строев. Они занимаются изданиями и исследованиями местного материала и сделали уже очень много. Особенно успешно идет дело в Киеве.

Помимо изданий археографических комиссий, мы располагаем еще целым рядом правительственных изданий. Второе отделение Канцелярии Его Величества не ограничилось изданием «Полного Собрания Законов Российской империи» (Законы от 1649 г. до настоящего времени), оно издало еще «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Европой» (10 томов), «Дворцовые разряды» (5 томов) и «Книги разрядные» (2 тома). Рядом с правительственной развернулась и частная деятельность по изданию древних памятников. Московское Общество Истории и Древностей Российских, которое во времена Строева едва влачило свое существование, ожило и постоянно заявляет о себе новыми изданиями. После «Чтений в Московском Обществе Истории и Древностей», редактированных О. М. Бодянским, оно издало под редакцией И. Д. Беляева: «Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей» (25 книг, заключающих богатый материал, исследования и целый ряд документов). В 1858 г. секретарем Общества был вновь избран Бодянский, который стал издавать по-прежнему «Чтения» вместо «Временника» Беляева. После Бодянского секретарем был избран в 1871 г. А. Н. Попов, а после смерти его в 1881 г. Е. В. Барсов, при которых и продолжают те же «Чтения». Издавали и издают свои труды и археологические общества:

Петербургское, называемое «Русским» (основано в 1846 г.), и Московское (основано в 1864 г.). Занималось и занимается археологией и историей Географическое Общество (в Петербурге с 1846 г.). Из его изданий для нас интересны в особенности «Писцовые книги» (2 тома под редакцией Н. В. Калачева). С 1866 г. работает (преимущественно над историей XVIII в.) Императорское Русское Историческое Общество, которое успело издать уже до 150 томов своего «Сборника». Ученые исторические общества начинают основываться и в провинции, например: Одесское Общество Истории и Древностей, губернские ученые архивные комиссии. Проявляется и деятельность отдельных лиц: частные собрания Муханова, кн. Оболенского, Федотова-Чеховского, Н. П. Лихачева и др. заключают в себе очень ценные материалы. С 30-х и 40-х годов в наших журналах начинают печататься материалы для истории, являются даже журналы, специально посвященные русской истории, например: Русский Архив, Русская Старина и др.

Страница рукописного Евангелия. Ростов, XIII в.

Перейдем к характеристике отдельных видов исторического материала и прежде всего остановимся на источниках летописного типа, и в частности на летописи, так как ей, главным образом, мы обязаны знакомством с древнейшей историей Руси. Но для того чтобы изучать летописную литературу, надобно знать употребительные в ней термины. В науке «летописью» называется погодный рассказ о событиях, местами краткий, местами более подробный, всегда с точным указанием лет. Летописи наши сохранились в огромном количестве экземпляров или списков XIV–XVIII вв. По месту и времени составления и по содержанию летописи делятся на разряды (есть Новгородские, Суздальские, Киевские, Московские). Списки летописи одного разряда разнятся между собою не только в словах и выражениях, но даже и в самом выборе известий, и часто в одном из списков известного разряда есть событие, которого нет в другом; вследствие этого списки делятся на редакции или изводы. Различия в списках одного разряда и навели наших историков на мысль, что летописи наши суть сборники и что их первоначальные источники не дошли до нас в чистом виде. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевым еще в 20-х годах в его предисловии к «Софийскому Временнику». Дальнейшее знакомство с летописями привело окончательно к убеждению, что летописи, которые нам известны, представляют своды известий и сказаний, компиляции из нескольких трудов. И теперь в науке гос-

подstütвает мнение, что даже древнейшие летописи суть компилятивные своды. Так, летопись Нестора есть свод XII в., Суздальская летопись – свод XIV века, Московские – своды XVI и XVII вв. и т. д.

Знакомство с летописной литературой начнем с так называемой летописи Нестора, которая начинается рассказом о расселении племен после потопа, а кончается около 1110 г.; заглавие ее таково: «Се повести временных лет (в иных списках прибавлено: черноризца Федосьева Печорского монастыря) откуда есть пошла Русская земля, кто в Киев пача первые княжити, и откуда Русская земля стала есть». Таким образом, по заглавию мы видим, что автор обещает сказать только следующее: кто первый стал княжить в Киеве и откуда произошла Русская земля. Самая история этой земли не обещана и между тем она ведется до 1110 г. После этого года мы читаем в летописи следующую приписку: «Игумен Селивестр Святого Михаила, написав книги си летописец, надеяся от Бога милость принятия, при князе Володимире княжашу ему в Киеве, а мне то время игуменяшу у Св. Михаила в 6624, индикта 9 лета» (т. е. в 1116 г.). Таким образом, выходит, что автором летописного свода был Сильвестр, по другим же данным не Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, написал летопись, известную под названием «Повести временных лет», а монах Печерского монастыря Нестор; еще Татищев приписывал ее Нестору. В древнем «Патерике Печерском» мы читаем рассказ о том, что Нестор пришел в монастырь, к Феодосию, 17 лет был им пострижен, писал летопись и умер в монастыре. В летописи же под 1051 г. в рассказе о Феодосии летописец говорит о себе: «К нему же (Феодосию) и аз приидох худый и прият мя лет ми сушу семнадцати». Далее, под 1074 г. летописец передает рассказ о великих подвижниках Печерских и по поводу их подвигов говорит, что многое он слышал от монахов, а другое «и самовидец бых». Под 1091 г. летописец от своего лица рассказывает о том, как при нем и даже с его участием печерская братия перенесла на новое место мощи св. Феодосия; в рассказе этом летописец называет себя «рабом и учеником» Феодосия. Под 1093 г. следует рассказ о нападении половцев на Киев и о взятии ими Печерского монастыря, рассказ, целиком веденный в 1-м лице; затем под 1110 г. мы находим вышеприведенную приписку Сильвестра игумена не Печерского, а Выдубицкого монастыря.

Апостол Лука. Фронтиспис первопечатного Апостола работы П. Мстиславца. 1564 г.

Апостол. Конец XV в.

На том основании, что автор летописи говорит о себе как о печерском монахе и ввиду того, что известия, посторонние летописи, называют в Печерском монастыре летописцем

монаха Нестора, Татищев так уверенно приписывал летопись до 1110 г. Нестору, – а Сильвестра считал только переписчиком ее. Мнение Татищева встретило поддержку в Карамзине, но с тою лишь разницею, что первый думал, что Нестор довел летопись только до 1093 г., а второй – до 1110-го. Таким образом вполне установилось мнение, что летопись принадлежала перу одного лица из Печерской братии, составлявшего ее вполне самостоятельно. Но Строев при описании рукописей графа Толстого открыл греческую хронику Георгия Мниха (Амартоты), которая местами оказалась дословно схожею с введением к летописи Нестора. Такой факт осветил этот вопрос с совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить источники летописи. Строев первый и намекнул, что летопись есть не что иное, как свод разного историко-литературного материала. Автор ее действительно сводил и греческие хроники и русский материал: краткие монастырские записи, народные предания и т. д. Мысль, что летопись есть компилятивный сборник, должна была вызвать новые изыскания. Многие историки занялись исследованием достоверности и состава летописи. Этому вопросу посвящал свои ученые статьи и Каченовский. Он пришел к тому выводу, что первоначальная летопись составлена не Нестором и вообще нам неизвестна. Известные нам летописи, по словам Каченовского, суть «сборники XIII или даже XIV столетия, коих источники большею частью нам неизвестны». Нестор, по своему образованию, живя в эпоху общей грубости, не мог составить ничего подобного дошедшей до нас обширной летописи; ему могли принадлежать только те вставленные в летопись «монастырские записки», в которых он, как очевидец, повествует о жизни своего монастыря в XI в. и говорит о самом себе. Мнение Каченовского вызвало основательные возражения со стороны Погодина (см. *«Исследования, замечания и лекции» Погодина, т. I, М., 1846*). Погодин утверждает, что если мы не сомневаемся в достоверности летописи начиная с XIV в., то не имеем основания сомневаться и в показаниях летописи о первых веках. Идя от достоверности позднейшего рассказа летописи, Погодин восходит все в большую и большую древность и доказывает, что и в древнейшие века летопись совершенно верно изображает события и состояния гражданственности. Скептические взгляды на летопись Каченовского и его учеников вызвали в защиту летописи книгу Буткова («Оборона летописи русской», М., 1840) и статьи Кубарева («Нестор» и о «Патерике Печерском»). Трудami этих трех лиц, Погодина, Буткова и Кубарева, утвердилась в 40-х годах мысль, что именно Нестору, жившему в XI в., принадлежит древнейший летописный свод. Но в 50-х годах это убеждение стало колебаться. Трудami П. С. Казанского (статьи во Временнике Московского Общества Истории и Древностей), Срезневского («Чтения о древн. русск. летописях»), Сухомлинова («О древн. русской летописи, как памятнике литературном»), Бестужева-Рюмина («О составе древнерусских летописей до XIV»), А. А. Шахматова (статьи в научных журналах и громадное по объему и очень важное по ученому значению исследование «Розыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшее в 1908 г.) вопрос о летописи был поставлен иначе: к исследованию ее были привлечены новые историко-литературные материалы (несомненно принадлежащие Нестору жития и проч.) и приложены новые приемы. Компилятивный, сводный характер летописи был установлен вполне, источники свода были указаны очень определенно; сличение трудов Нестора с показаниями летописи обнаружило противоречия. Вопрос о роли Сильвестра как собирателя летописного свода стал серьезнее и сложнее, чем был раньше. В настоящее время первоначальную летопись ученые представляют себе как свод нескольких литературных произведений, составленных разными лицами, в разное время, из разнообразных источников. Эти отдельные произведения в начале XII в. были не раз соединяемы в один литературный памятник, между прочим, тем самым Сильвестром, который подписал свое имя. Внимательное изучение первоначальной летописи и позволило наметить в ней весьма многие составные части, или точнее, самостоятельные литературные произведения. Из них всего заметнее и важнее: во-первых, собственно «Повесть временных лет» – рассказ о расселении племен после потопа, о происхождении и расселении племен славянских, о делении славян русских на пле-

мена, о первоначальном быте русских славян и о водворении на Руси варяжских князей (только к этой первой части летописного свода и может относиться заглавие свода, приведенное выше: «Се повести временных лет и проч.»); во-вторых, обширный рассказ о крещении Руси, составленный неизвестным автором, вероятно, в начале XI в., и, в-третьих, летопись о событиях XI в., которую приличнее всего назвать Киевской первоначальной летописью. В составе этих трех произведений, образовавших свод, и особенно в составе первого и третьего из них, можно заметить следы других, более мелких литературных произведений, «отдельных сказаний», и, таким образом, можно сказать, что наш древний летописный свод есть компиляция, составленная из компиляций, – настолько сложен его внутрений состав.

Знакомясь с известиями Лаврентьевского списка, древнейшего из тех, которые содержат в себе так назыв. Нестерову летопись (он написан монахом Лаврентием в Суздале в 1377 г.), мы замечаем, что за 1110 г., за летописью первоначальной, в Лаврентьевском списке идут известия, по преимуществу относящиеся к северо-восточной Суздальской Руси; значит, здесь мы имеем дело с летописью местной. Ипатьевский список (XIV–XV вв.) за первоначальной летописью дает нам очень подробный рассказ о событиях киевских, а затем внимание летописи сосредоточивается на событиях в Галиче и Волынской земле; и здесь, стало быть, мы имеем дело с местными же летописями. Этих местных областных летописей дошло до нас очень много. Виднейшее место между ними занимают летописи Новгородские (их несколько редакций и есть очень ценные) и Псковские, доводящие свой рассказ до XVI, даже XVII в. Немалое значение имеют и летописи Литовские, дошедшие в разных редакциях и освещающие историю Литвы и соединенной с ней Руси в XIV и XV вв.

С XV в. являются попытки собрать в одно целое исторический материал, разбросанный в этих местных летописях. Так как эти попытки совершались в эпоху Московского государства и часто официальными средствами правительства, то они слывут под именем Московских сводов или Московских летописей, тем более, что дают обильный материал именно для Московской истории. Из этих попыток более ранняя – Софийский Временник (две редакции), который соединяет известия Новгородских летописей с известиями Киевской, Суздальской и других местных летописей, дополняя этот материал отдельными сказаниями исторического характера. Софийский временник относится к XV в. и представляет собою чисто внешнее соединение нескольких летописей, соединение под определенным годом всех относящихся к последнему данным безо всякой их переработки. Такой же характер простого соединения материала из всех доступных составителю летописей имеет Воскресенская летопись, возникающая в начале XVI в. Воскресенский свод сохранил до нас в чистом виде массу ценных известий по истории удельной и московской эпох, почему и может быть назван самым богатым и надежным источником для изучения XIV–XV вв. Иной характер имеют Степенная книга (составленная лицами, близкими к митрополиту Макарию, XVI в.) и Никоновская летопись с Новым Летописцем (XVI–XVII вв.). Пользуясь тем же материалом, как и прежде названные своды, эти памятники дают нам этот материал в переработанном виде, с риторикой в языке, с известными тенденциями в освещении фактов. Это первые попытки обработки исторического материала, вводящие нас уже в историографию. Позднейшее русское летописание пошло в Московском государстве двумя путями. С одной стороны, оно стало официальным делом, – при дворе московском записывались погодно дворцовые и политические события (летописи времени Грозного, напр.: Александр-Невская, Царственная книга и вообще последние части Московских сводов, – Никоновского, Воскресенского, Львовского), а с течением времени и самый тип летописей стал изменяться, они стали заменяться так называемыми разрядными книгами. С другой стороны, в разных местностях Руси стали являться летописи строго местного, областного, даже городского характера, в большинстве лишенные значения для политической истории (таковы Нижегородская, Двинская, Угличская и др.; таковы до некоторой степени и Сибирские).

С XVI в., рядом с летописями, возникает новый вид исторических произведений: это – хронографы или обзоры истории всемирной (точнее, библейской, византийской, славянской и русской). Первая редакция хронографа была составлена в 1512 г., преимущественно на основании греческих источников с дополнительными сведениями по русской истории. Она принадлежала псковскому «старцу Филофею». В 1616–1617 гг. был составлен хронограф 2-й редакции. Это произведение интересно в том отношении, что более древние события изображает на основании первой редакции хронографа, а русские – начиная с XVI, XVII вв. – описывает заново, самостоятельно. Автор его несомненно обладает литературным талантом и, кто хочет ознакомиться с древнерусской риторикой в ее удачных образцах, должен прочитать статьи по русской истории в этом хронографе. В XVII в. московское общество начинает проявлять особую склонность к хронографам, которые растут в большом количестве. Погодин в свою библиотеку собрал их до 50 экземпляров; нет сколько-нибудь крупного собрания рукописей, где бы их не считали десятками. Распространенность хронографов легко объяснить: краткие по системе изложения, написанные литературным языком, они давали русским людям те же сведения, что и летописи, но в более удобном виде.

Фронтиспис первопечатной Псалтири с изображением царя Давида работы Андроника Невежи. 1568 г.

Кроме собственно летописей, в древнерусской письменности можно найти много литературных произведений, служащих источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна рассматриваться как исторический источник, и часто трудно бывает предугадать, из какого литературного труда историк почерпнет лучшее разъяснение интересующего вопроса. Так, например, смысл сословного наименования Киевской Руси «огнищанин» толкуется в историографии не только из памятников законодательства, но и из древнего славянского текста поучений св. Григория Богослова, в котором встречаем архаическое речение «огнище» в смысле «рабы», «челядь» («гредящеися многы огнищи и стады»). Переводы священных книг, сделанные кн. А. М. Курбским, дают материал для биографии и характеристики этого знаменитого деятеля XVI в. Но при таком значении всего историко-литературного материала некоторые его виды имеют все-таки особый интерес для историка; таковы отдельные сказания о лицах и фактах, носящие на себе характер то исторический, то публицистический. Ряд исторических сказаний целиком занесен в наши летописные своды: таковы, например, сказания о крещении Руси, об ослеплении князя Василька, о битве на Липице, о Батыевом нашествии, о Куликовской битве и много

других. В отдельных списках или также сборниках дошли до нас любопытные публицистические произведения древней Руси, которыми особенно богат был XVI век; из них видное место занимает «История», написанная кн. А. М. Курбским о Грозном; памфлетические произведения так называемого Ивашки Пересветова, защитника правительственной системы Грозного; «Повесть некоего боголюбивого мужа», бывшего противником этой системы; «Беседа Валаамских чудотворцев», в которой видят произведение боярской среды, недовольной московскими порядками, и т. п. Рядом с публицистикой в XVI–XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядом любопытных повестей и сказаний, принимавших часто крупные внешние объемы. Такова, например, составленная в XVI в. «История о Казанском царстве», излагающая историю Казани и падение ее в 1552 г. В XIII томе «Русской исторической Библиотеки» издана целая серия русских повестей о смутном времени, из которых многие давно уже стали известны исследователям смуты. Среди десятков этих повестей выдаются: 1) так называемое Иное сказание, представляющее собою политический памфлет, вышедший из партии Шуйских в 1606 г.; 2) Сказание келаря Троице-Сергеевой Лавры Авраамия Палицына, написанное в окончательном виде в 1620 г.; 3) Временник Ивана Тимофеева, очень любопытная хроника смуты; 4) Повесть князя И. Мих. Катырева-Ростовского, отмеченная печатью большого литературного таланта; 5) Новый Летописец – попытки фактического обзора смутной эпохи и т. д. К более поздней эпохе относятся сказания о взятии Азова казаками, описание Московского государства, сделанное Г. К. Котошихиным в 60-х годах XVII в., и, наконец, целый ряд записок русских людей (кн. С. И. Шаховского, Баима Болтина, А. А. Матвеева, С. Медведева, Желябужского и др.) о времени Петра Великого. Этими записками открывается бесконечный ряд мемуаров русских деятелей, принимавших участие в правительственной деятельности и общественной жизни XVIII и XIX столетий. Общеизвестность некоторых мемуаров (Болотова, Дашковой) избавляет от необходимости перечислять виднейшие из них.

Рядом с историческими сказаниями в качестве исторического источника стоят сказания агиографические или жития святых и повествования о чудесах. Не только самое житие святого дает иногда ценные исторические показания об эпохе, в которую жил и действовал святой, но и в «чудесах» святого, приписанных к житию, историк находит важные указания об обстоятельствах того времени, когда совершались чудеса. Так, в житии Стефана Сурожского одно из повествований о чуде святого дает возможность установить существование народа Русь и его действия в Крыму ранее 862 г., когда, по летописи, Русь была призвана в Новгород с Рюриком. Безыскусственная форма древнейших житий дает особенную ценность их показаниям, но с XV в. вырабатываются особые приемы писания житий, заменяющие риторикой фактическую содержательность и искажающие смысл факта в угоду литературной моде. Жития (св. Сергия Радонежского, Стефана Пермского), составленные в XV в. Епифанием Премудрым, уже страдают риторикой, хотя и отмечены литературным талантом и силою искреннего чувства. Больше риторики и холодной условности в житиях, составленных учеными сербами, жившими на Руси в XV в.: митр. Киприяном и монахом Пахомием Логофетом. Сочинения их создали на Руси условную форму житийного творчества, распространение которой заметно на житиях XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себе содержание житий, лишает их показания свежести и точности.

Мы закончим перечень исторических источников литературного типа, если упомянем о большом числе тех записок о России, которые были в разные века составлены иностранцами, посещавшими Русь. Из сказаний иностранцев заметнее труды: католика-монаха Плано Карпини (XIII в.), Сигизмунда Герберштейна (начало XVI в.), Павла Иовия (XVI в.), Иеронима Горсея (XVI в.), Гейденштейна (XVI в.), Флетчера (1591), Маржерета (XVII в.), Конрада Бусова (XVII в.), Жолкевского (XVII вв.), Олеария (XVII в.), фон-Мейерберга (XVII в.), Гордона (конец XVII в.), Корба (конец XVII в.). Для истории XVIII в. большое значение имеют дипло-

матические депеши западноевропейских послов при русском дворе и бесконечный ряд мемуаров иностранцев, знакомых с русскими делами. Наряду с сочинениями иностранных писателей, знавших Россию, следует помянуть и тот иноземный материал, которым пользуются историки при изучении первых страниц истории славян и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, например, изучать без знакомства с арабскими писателями (IX – X вв. и позднее), знавшими хазар, русь и вообще народы, обитавшие на нашей равнине; одинаково необходимо пользоваться сочинениями и византийских писателей, хорошее знакомство с которыми в последнее время дает особенные результаты в трудах В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других наших византинистов. Наконец, сведения о славянах и руссах находятся у средневековых писателей западноевропейских и польских: готского историка Иорнанда (VI в.), польских Мартина Галла (XII в.), Яна Длугоша (XV в.) и других.

Чудо Георгия о змие. Икона последней четверти XV в. Новгородская школа

Перейдем к памятникам юридического характера, к памятникам правительственной деятельности и гражданского общежития. Этот материал обыкновенно зовется актами и грамотами и во множестве хранится в правительственных архивах (из которых замечательны: в Москве – Архив Министерства иностранных дел и Архив Министерства юстиции, в Пет-

рограде – Архивы Государственный и Сенатский, наконец, Архивы в Вильне, в Витебске и Киеве). Чтобы освоиться с архивным материалом, следует его по возможности точно классифицировать, но памятников юридического характера до нас дошло так много и они так разнообразны, что это довольно трудно сделать. Мы можем отметить только главные виды: 1) Государственные акты, т.е. все документы, которые касаются важнейших сторон государственной жизни, например, договоры. Памятники этого рода сохранились у нас от самого начала нашей истории, это замечательные договоры с греками Олега и последующих князей. Далее, ряд междукняжеских договоров дошел до нас от XIV–XVI вв. В этих договорах определяются политические отношения древнерусских князей. Рядом с договорными грамотами надо поставить грамоты душевные, т.е. духовные завещания князей. До нас, например, дошли два духовных завещания Ивана Калиты. Первое написано перед поездкой в орду, второе перед смертью. В них он делит все имущество между сыновьями и поэтому перечисляет его. Таким образом, душевная грамота является подробнейшим перечнем земельных владений и имущества русских князей и с этой точки зрения представляет весьма ценный исторический и географический материал. Задушевными грамотами упомянем грамоты избирательные. Первая из них относится к избранию Бориса Годунова на московский престол (ее составление приписывают патриарху Иову); вторая – к избранию Михаила Феодоровича Романова. Наконец, к государственным актам должны быть отнесены памятники древнерусского законодательства. К ним прежде всего следует отнести Русскую Правду, поскольку ее можно признавать актом правительственной деятельности, а не частным сборником. Затем сюда же относятся Судные грамоты Новгорода и Пскова, утвержденные вечем; они заключают ряд установлений по судебным делам. Таким же характером отличается и Судебник Ивана III 1497 г. (называемый первым или княжеским). В 1550 г. за этим судебником последовал второй или царский Судебник Ивана Грозного, более полный, а через 100 лет после него в 1648–1649 гг. было составлено Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, которое было сравнительно уже очень полным кодексом действовавшего тогда права.

Карта Московии Якова Гастольди. Конец XV в.

Рядом со сборниками светского законодательства действовали в сфере церковного суда и администрации сборники законодательства церковного (Кормчая книга или Номоканон и др.); эти сборники составлены были в Византии, но в течение веков понемногу принаравливались к особенностям русской жизни. 2) Вторым видом историко-юридического материала являются административные грамоты: это отдельные правительственные распоряжения, даваемые или на частные случаи административной практики, или отдельным лицам и общинам для того,

чтобы определить отношения этих лиц и общин к власти. Из таких грамот некоторые имели довольно широкое содержание – например, грамоты уставные и губные, определявшие порядок самоуправления целых волостей. В большинстве же это отдельные распоряжения правительства по текущим делам. В Московском государстве законодательство развивалось именно путем накопления отдельных законоположений, из которых каждое, возникая по поводу частного случая, обращалось затем в прецедент для всех подобных случаев, становилось постоянным законом. Такой казуистический характер законодательства создал в Москве так называемые Указные книги Приказов или отдельных ведомств, – каждое ведомство записывало у себя в хронологическом порядке царские указы, которые его касались, и возникала «Указная книга», становившаяся руководством для всей административной или судебной практики ведомства. 3) Третьим видом юридического материала можно считать челобитья, т.е. те просьбы, которые по разным делам подавались правительству. Право челобитий ничем не было стеснено в древней Руси до середины XVII в., и законодательная деятельность правительства зачастую была прямым ответом на челобитья; отсюда ясно большое историческое значение челобитий, – они не только знакомят с нуждами и бытом населения, но объясняют и направление законодательства. 4) На четвертом месте помянем грамоты частного гражданского быта, в которых отражались личные и имущественные отношения частных лиц, – кабальные записи, купчие и т.п. 5) Далее, особым видом памятников можно считать памятники судопроизводства, в которых находим много данных для истории не только суда, но и тех гражданских отношений, той реальной жизни, которых касался суд. 6) Наконец, особое место в ряду источников занимают так называемые Приказные книги (один вид их – Указные книги – уже упомянут). Приказных книг было много видов, и нам следует ознакомиться только с важнейшими в историческом отношении. Любопытнее всех книги писцовые, содержащие в себе поземельную опись уездов Московского государства, производившуюся с податными целями; книги переписные, содержащие в себе перепись людей податных классов населения; книги кормленные и десяти, заключающие в себе переписи придворных и служилых людей с указаниями на их имущественное положение; книги разрядные (и так называемые дворцовые разряды), в которых записывалось все, что относилось к придворной и государственной службе боярства и дворянства (иначе говоря, это дневники придворной жизни и служебных назначений).

Если мы упомянем о материалах для истории дипломатических сношений («наказы», т.е. инструкции послам, «статейные списки», т.е. дневники переговоров, отчеты послов и т.п.), то историко-юридические памятники будут нами перечислены с достаточною полнотою. Что касается до этого рода памятников Петровской Руси, то их терминология и классификация в XVIII в. в главных чертах настолько мало разнится от современной нам, что не требует пояснений.

Часть первая

Предварительные исторические сведения

Древнейшая история нашей страны

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обуславливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени, найдет прекрасный материал в 1-м томе «Истории России» С. М. Соловьева и в «Курсе русской истории» проф. Ключевского: эти историки с особым вниманием останавливаются на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содействовать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации – один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие из центра равнины во все четыре окраинных моря, должны были содействовать зарождению и развитию торговли и внутри страны, и с соседними странами. Так, особенности страны предопределяли разнообразие хозяйственной деятельности народа.

Каменная баба из придонских степей

Но, давая широкий простор для передвижения жителей, содействуя сложению их в крупные общества, природа страны в то же время не охраняла эти общества от чуждых вторжений. Ничем не защищенные со стороны Азии, наши предки не раз делали жертвами диких азиатских кочевников и в природе не имели верного союзника против этих врагов. В первые века нашей истории, как мы знаем, киевские князья искусственной границей, цепью укреплений обороняли свою землю от степных кочевников; позднее московские государи создали такую же искусственно укрепленную границу («черту», «берег») от татар. Так, рядом с условиями, содействующими успехам народной жизни, страна создала и условия, противодействующие этим успехам.

Условия русского юга, благоприятные для развития человеческой деятельности, очень рано привлекали туда разноплеменное население. На всем пространстве южной России находится громадное количество «древностей», т. е. памятников, оставшихся от древнейшего населения, в виде отдельных погребальных насыпей (курганов), целых кладбищ (могильников), развалин городов и укрепленных мест (городищ), различных предметов быта (посуды, монет, драгоценных украшений) и т. п. Наука об этих древностях (археология) успела определить, каким именно народностям принадлежат те или другие предметы древности. Древнейшие из них и самые замечательные суть памятники греческие и скифские. Из истории древней Эллады

известно, что на северных берегах Черного моря (или Евксинского Понта, как называли его греки) возникло много греческих колоний, по преимуществу, на устьях больших рек и при удобных морских бухтах. Из этих колоний наиболее известны: Ольвия при устье р. Буга, Херсонес (по-старорусски Корсунь) в окрестностях нынешнего Севастополя, Фанагория на Таманском полуострове, Пантикапей на месте нынешней Керчи, Танаис в устьях р. Дона. Колонизуя морское побережье, древние греки обыкновенно не удалялись от морского берега в глубь страны, а предпочитали привлекать туземцев на свои береговые рынки. На черноморских берегах было то же самое: названные города не распространили своих владений внутрь материка, но тем не менее подчинили местных жителей своему культурному влиянию и привлекли их к оживленному торговому обмену. От туземцев-варваров, которых греки называли скифами, они приобретали местные продукты, главным образом хлеб и рыбу, и отправляли в Элладу, а взамен продавали туземцам предметы греческого производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши). Торговля сблизила греков с туземцами настолько, что образовались смешанные, так называемые «элинно-скифские» поселения, а в Пантикапее в V в. до Р. Хр. возникло даже значительное государство, называемое Боспорским (от имени пролива Боспора Киммерийского). Под властью Боспорских царей то греческого, то местного происхождения объединились некоторые греческие города побережья и туземные племена, жившие у моря от Крыма до предгорий Кавказа.

Боспорское царство и города Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и оставили после себя ряд замечательных памятников. Раскопки, предпринятые в Керчи на месте древнего Пантикапея, в Херсонесе и Ольвии, открыли остатки городских укреплений и улиц, отдельных жилищ и храмов (языческой и позднейшей христианской поры). В погребальных склепах обнаружено много предметов греческого искусства иногда громадной художественной ценности. Золотые украшения тончайшей работы и роскошные вазы, добытые этими раскопками, составляют единственное в мире, по художественному значению и по количеству предметов, собрание императорского Эрмитажа в Петрограде, расположенное в его нижних залах. Рядом с типичными вещами афинской работы (например, расписные вазы с рисунками на чисто греческие темы) встречаются в этом собрании предметы, сработанные греческими мастерами на местный фасон, по-видимому, по заказу местных «варваров». Так, золотые ножны, сделанные для скифского меча, непохожего на греческие мечи, украшались чисто греческим орнаментом по вкусу мастера-грека. Металлические или глиняные вазы, сделанные по греческим образцам, снабжались иногда рисунками не греческого характера, а скифского, «варварского»: на них изображались фигуры туземцев и сцены из скифского быта. Две такие вазы пользуются мировой известностью. Одна из них, золотая, вырыта из склепа в кургане Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась в большом кургане близ села Никополя на нижнем Днепре у речки Чертомлыка. На обеих вазах художественно представлены целые группы скифов в их национальной одежде и вооружении. Такая же серебряная ваза с фигурами скифов была найдена недавно в Воронежской губернии. В 1913 г. профессору Н. И. Веселовскому посчастливилось найти ряд замечательнейших предметов греческого искусства в кургане Солоха на нижнем Днепре. Между ними первое место принадлежит золотому гребешку с литыми изображениями пеших и конных воинов, греков и скифов, в момент их боя. Столь же замечательно серебряное налучье (колчан) с рельефными фигурами сражающихся скифов.

Русские и греческие монеты XI–XII вв.

Таким образом, греческое искусство служило вкусам местных «варваров». Для нас это обстоятельство важно потому, что мы получаем возможность непосредственно познакомиться с внешним видом тех скифов, с которыми имели дело греки на Черноморском побережье. В превосходно изваянных или нарисованных греческими мастерами фигурах скифских воинов и наездников мы отчетливо различаем черты арийского племени и всего скорее иранской его ветви. Из описаний скифского быта, оставленных греческими писателями, и из скифских погребений, раскопанных археологами, можно сделать тот же вывод. Греческий историк Геродот (V в. до Р. Хр.), рассказывая о скифах, делит их на много племен и различает между ними кочевников и земледельцев. Первых он помещает ближе к морю в степях, а вторых – западнее и севернее – примерно на среднем течении Днепра. Земледелие было настолько развито у некоторых скифских племен, что они торговали зерном, доставляя его в громадном количестве в греческие города для отправки в Элладу. Известно, например, что Аттика получала половину необходимого ей количества хлеба именно от скифов через Боспорское царство. Тех скифов, которые торговали с греками, и тех, которые кочевали вблизи от моря, греки более или менее знали, и Геродот дает о них любопытные и основательные сведения. Те же

племена, которые жили в глубине нынешней России, грекам не были известны, и у Геродота мы читаем о них баснословные рассказы, которым невозможно верить.

Ко времени Рождества Христова вместо скифов в соседстве греческих колоний в южной Руси оказываются сарматы, затем роксаланы и аланы. О них известно очень мало; но, по-видимому, все эти племена принадлежали к тому же самому иранскому корню, к которому принадлежали и более ранние скифы. Уступив со временем свои места другим племенам, эти иранцы удержались лишь в Кавказских горах, где и теперь слывут под именем осетин. На северных же берегах Черного моря вместо них утвердились со II–III в. по Р. Хр. германские племена, известные под общим названием готов. Они пришли с низовьев Вислы, с южного побережья Балтийского моря, овладели всем Черноморьем от Дуная до Дона и Кубани и держали в страхе жителей восточной Римской Империи своими набегами по морю и суше на Малую Азию и Балканский полуостров. В VI столетии готы сравнительно успокоились под влиянием христианского учения, проповеданного у них епископом их Вульфилою (или Ульфилою). В то время они делились на два главных племени: вестготов (тервинги) на Дунае и Днепре и остготов (грейтунги) на Днепре и на Дону. Из среды остготов вышел в середине IV в. вождь, объединивший в одно «царство» не только готские племена, но и соседние с ним народы (вероятно, финские и славянские). Это был Германрих, при котором готам пришлось испытать нашествие гуннов и затем начать переселение на запад.

Нашествием гуннов открывается ряд последовательных азиатских вторжений в Россию и Европу. Монгольская орда гуннов, постепенно придвигаясь с востока к Дону, в 375 г. обрушилась на остготов, разгромила готское королевство и увлекла с собою готские племена в движении на запад. Гонимые гуннами готы вступили в пределы Римской империи, а гунны, овладев Черноморьем и кочуя между Волгой и Дунаем, образовали пространное государство, в котором соединилось много покоренных ими племен. Позднее, в V в., гунны продвинулись еще более на запад и основались в нынешней Венгрии, откуда доходили в своих набегах до Константинополя и до теперешней Франции. После их знаменитого вождя Аттилы во второй половине V в. сила гуннов была сломлена междоусобиями в их среде и восстаниями подчиненных им европейских племен. Гунны были отброшены на восток за Днепр, и самое их государство исчезло. Но вместо гуннов из Азии в VI в. появилось новое монгольское племя аваров. Оно заняло те же места, на которых сидели ранее гунны, и до конца VIII в. держалось в Черноморье и на Венгерской равнине, угнетая покоренные европейские племена, пока, в свою очередь, его не истребили германцы и славяне. Падение аварского могущества совершилось так быстро и решительно, что у славян послужило предметом особой поговорки: русский летописец, называвший аваров обрами, говорит, что из них в живых не осталось ни одного, «и есть притча в Руси и до сегодня: погибоша аки обры». Но обры погибли, а на их месте появились с востока еще новые орды все того же монгольского корня, именно – угров (или венгров) и хазар. Угры после некоторых передвижений в южной России, заняли нынешнюю Венгрию, а хазары основали обширное государство от Кавказских гор до Волги и до среднего Днепра. Однако движение народов с востока не остановилось и после образования хазарской державы: за хазарами в южно-русских степях появились новые азиатские народы тюрко-татарского племени; это были печенеги, торки, половцы и позднее всех, татары (в XIII в.).

Так последовательно в продолжение почти целого тысячелетия южные степи нынешней России были предметом спора прошлых племен: готы сменялись гуннами, гунны – аварами, авары – уграми и хазарами, хазары – печенегами, печенеги – половцами, половцы – татарами. Начиная с гуннов, Азия посылала на Европу одно кочевое племя за другим. Проникая через Урал или Кавказ в Черноморье, кочевники держались вблизи от Черноморских берегов, в степной полосе, удобной для кочевья, и не заходили далеко на север, в лесные пространства нынешней средней России. Леса спасали здесь от окончательного разгрома пришлых орд постоянное местное население, состоявшее главным образом из славян и финнов.

Русские славяне и их соседи

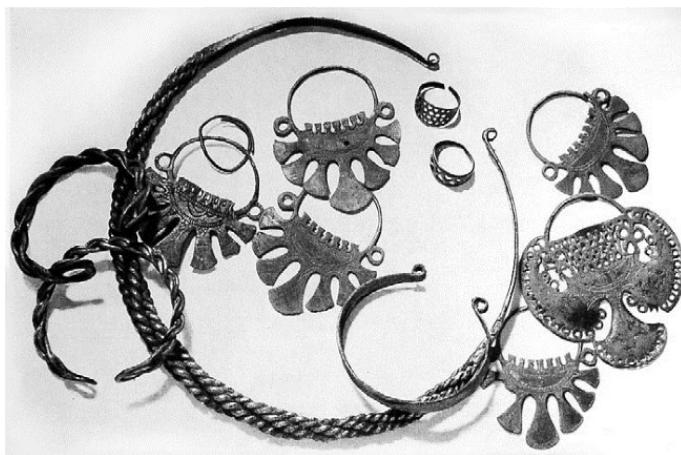
Что касается до славян, то древнейшим местом их жительства в Европе были, по-видимому, северные склоны Карпатских гор, где славяне под именем венедов, антов и склавен были известны еще в римские, готские и гуннские времена. Отсюда славяне разошлись в разные стороны: на юг (балканские славяне), на запад (чехи, моравы, поляки) и на восток (русские славяне). Восточная ветвь славян пришла на Днепр вероятно еще в VII в. и, постепенно расселяясь, дошла до озера Ильменя и до верхней Оки. Из русских славян вблизи Карпат остались хорваты и волыняне (дулебы, бужане). Поляне, древляне и дреговичи основались на правом берегу Днепра и на его правых притоках. Северяне, радимичи и вятичи перевалили за Днепр и сели на его левых притоках, причем вятичи успели продвинуться даже на Оку. Кривичи тоже вышли из системы Днепра на север, на верховья Волги и Зап. Двины, а их отрасль словене заняли речную систему озера Ильменя. В своем движении вверх по Днепру, на северных и северо-восточных окраинах своих новых поселений, славяне приходили в непосредственную близость с финскими племенами и постепенно оттесняли их все далее на север и северо-восток. В то же время на северо-западе соседями славян оказывались литовские племена, понемногу отступавшие к Балтийскому морю перед напором славянской колонизации. На восточных же окраинах, со стороны степей, славяне, в свою очередь, много терпели от кочевых азиатских пришельцев. Как мы уже знаем, славяне особенно «примучили» обры (авары). Позднее же поляне, северяне, радимичи и вятичи, жившие восточнее прочих родичей, в большей близости к степям, были покорены хазарами, можно сказать, вошли в состав хазарской державы. Так определилось первоначальное соседство русских славян.

В. М. Васнецов. Бой скифов со славянами

Самым диким из всех соседивших со славянами племен было финское племя, составляющее одну из отраслей монгольской расы. В пределах нынешней России финны жили с незапамятной поры, подчиняясь воздействию как скифов с сарматами, так позднее готов, тюрков, литовцев и славян. Делясь на много маленьких народцев (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемисы, вотяки, зыряне и многие другие), финны занимали своими редкими поселениями громадные лесные пространства всего русского севера. Разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства слабые финские народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддаваясь всякому вторжению в их земли. Они быстро подчинялись более культурным пришельцам и ассимилировались с ними, или же без заметной борьбы уступали им свои земли и уходили от них на север или восток. Таким образом с постепенным расселением славян в средней и северной России масса финских земель переходила к славянам, и в славянское население мирным путем вливался обруселый финский элемент. Лишь изредка там, где финские жрецы-шаманы (по старому русскому названию «волхвы» и «кудесники») под-

нимали свой народ на борьбу, финны становились против русских. Но эта борьба кончалась неизменной победой славянства, и начавшееся в VIII – X вв. обрусение финнов продолжалось неуклонно и продолжается еще до наших дней. Одновременно со славянским воздействием на финнов началось сильное воздействие на них со стороны тюркского народа болгар волжских (названных так в отличие от болгар дунайских). Пришедшие с низовьев Волги к устьям Камы кочевые болгары основались здесь и, не ограничиваясь кочевьями, построили города, в которых началась оживленная торговля. Арабские и хазарские купцы привозили сюда с юга по Волге свои товары (между прочим, серебряную утварь, блюда, чаши и проч.); здесь они выменивали их на ценные меха, доставляемые с севера Камою и верхнею Волгою. Сношения с арабами и хазарами распространили между болгарами магометанство и некоторую образованность. Болгарские города (в особенности Болгар или Булгар на самой Волге) стали очень влиятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Влияние болгарских городов сказывалось и на русских славянах, торговавших с болгарами, а впоследствии враждовавших с ними. В политическом отношении волжские болгары не были сильным народом. Завися первоначально от хазар, они имели, однако, особого хана и многих подчиненных ему царьков или князей. С падением хазарского царства, болгары существовали самостоятельно, но много терпели от русских набегов и были окончательно разорены в XIII в. татарами. Их потомки чуваша представляют теперь слабое и мало развитое племя.

Женские украшения северян и вятичей

Литовские племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющие особую ветвь арийского племени, уже в глубокой древности (во II в. по Р. Хр.) заселяли те места, на которых их позднее застали славяне. Поселения литовцев занимали бассейны рек Неман и Зап. Двины и от Балтийского моря доходили до р. Припяти и истоков Днепра и Волги. Отступая постепенно перед славянами, литовцы сосредоточились по Неману и Зап. Двине в дремучих лесах ближайшей к морю полосы и там надолго сохранили свой первоначальный быт. Племена их не были объединены, они делились на отдельные роды и взаимно враждовали. Религия литовцев заключалась в обожествлении сил природы (Перкунь – бог грома), в почитании умерших предков и вообще находилась на низком уровне развития. Вопреки старым рассказам о литовских жрецах и различных святилищах, теперь доказано, что у литовцев не было ни влиятельного жреческого сословия, ни торжественных религиозных церемоний. Каждая семья приносила жертвы богам и божкам, почитала животных и священные дубы, угощала души умерших и занималась гаданиями. Грубый и суровый быт литовцев, их бедность и дикость ставили их ниже славян и заставляли литву уступать славянам те свои земли, на которые направлялась русская колонизация. Там же где литовцы непосредственно соседнили с русскими, они заметно поддавались культурному их влиянию.

По отношению к финским и литовским своим соседям русские славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дело с хазарами. Кочевое тюркское племя хазар прочно осело на Кавказе и в южнорусских степях и стало заниматься земледелием, разведением винограда, рыболовством и торговлей. Зиму хазары проводили в городах, а на лето выселялись в степь к своим лугам, садам и полевым работам. Так как через земли хазар пролегали торговые пути из Европы в Азию, то хазарские города, стоявшие на этих путях, получили большое торговое значение и влияние. Особенно стали известны столичный город Итиль на нижней Волге и крепость Саркел (по-русски Белая Вежа) на Дону близ Волги. Они были громадными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане. Влияние ислама и еврейства было особенно сильно среди хазар; хазарский хан («каган» или «хакан») со своим двором исповедовал иудейскую веру; в народе же всего более было распространено магометанство, но держались и христианская вера и язычество. Такое разнoverие вело к веротерпимости и привлекло к хазарам поселенцев из многих стран. Когда в VIII столетии некоторые русские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи) были покорены хазарами, это хазарское иго не было тяжелым для славян. Оно открыло для славян легкий доступ на хазарские рынки и втянуло русских в торговлю с Востоком. Многочисленные клады арабских монет (диргемов), находимые в разных местностях России, свидетельствуют о развитии восточной торговли именно в VIII и IX вв., когда Русь находилась под прямой хазарской властью, а затем под значительным хазарским влиянием. Позднее, в X в., когда хазары ослабели от упорной борьбы с новым кочевым племенем – печенегами, русские сами стали нападать на хазар и много способствовали падению Хазарского государства.

Перечень соседей русских славян необходимо дополнить указанием на варягов, которые не были прямыми соседями славян, но жили «за морем» и приходили к славянам «из-за моря». Именем «варягов» («варангов», «вэрингов») не только славяне, но и другие народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманнов, выходивших из Скандинавии в другие страны. Такие выходцы стали появляться с IX в. среди славянских племен на Волхове и Днепре, на Черном море и в Греции в виде военных или торговых дружин. Они торговали или нанимались на русскую и византийскую военную службу или же просто искали добычи и грабили, где могли. Трудно сказать, что именно заставляло варягов так часто покидать свою родину и бродить по чужбине; в ту эпоху вообще было очень велико выселение норманнов из Скандинавских стран в среднюю и даже южную Европу: они нападали на Англию, Францию, Испанию, даже Италию. Среди же русских славян с середины IX столетия варягов было так много и к ним славяне так привыкли, что варягов можно назвать прямыми сожителями русских славян. Они вместе торговали с греками и арабами, вместе воевали против общих врагов, иногда ссорились и враждовали, причем то варяги подчиняли себе славян, то славяне прогоняли варягов «за море» на их родину. При тесном общении славян с варягами можно было бы ожидать большого влияния варягов на славянский быт. Но такого влияния вообще незаметно – знак, что в культурном отношении варяги не были выше славянского населения той эпохи.

Первоначальный быт русских славян

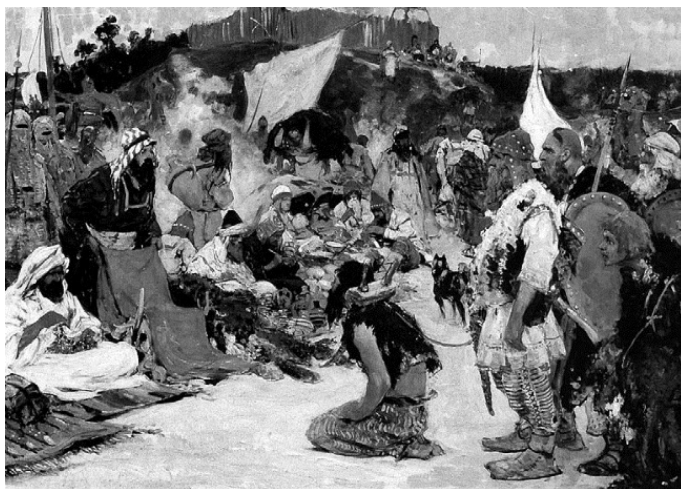
Мы познакомились с теми известиями о славянах, которые позволяют нам сказать, что русские до начала самобытного политического существования имели несколько веков примитивной жизни. Древние писатели византийские (Прокопий и Маврикий) и германские (гот Иордан) раскрывают нам и черты первоначального быта славян, с которыми интересно ознакомиться, чтобы уяснить себе, в каком положении, на какой степени общественного развития застает славян история. Придя в пределы теперешней России, в Поднепровье, славяне не нашли здесь такой культуры и цивилизации, как германские племена, вторгшиеся в Западно-

Римскую империю. Последние сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы; славяне же предстают перед нами в достаточной чистоте примитивного быта. Об этом быте еще в XVIII в. сложились два воззрения. Представителем первого был известный Шлецер; другая же теория получила окончательное развитие в «Истории русской жизни» недавно умершего ученого И. Е. Забелина. Шлецер представлял себе первоначальный быт славян не выше быта дикарей ирокезцев. Еще летописец говорил, что славяне «живяху звериньским образом»; так думал и Шлецер. Первые семена гражданственности и культуры, по его мнению, были брошены варягами, которые вызвали славян за собой на историческую арену. Это взгляд, очевидно, крайний. Забелин же («История русской жизни», 2 тома. М., 1876–1879) рисует нам быт славян русских в IX – X вв. очень сложным и высоко развитым и впадает поэтому в иную крайность. Отрешимся от этих двух точек зрения и рассмотрим, какие несомненные данные для выяснения этого вопроса можем мы найти у древних источников.

К. В. Лебедев. Языческий праздник Ивана Купалы

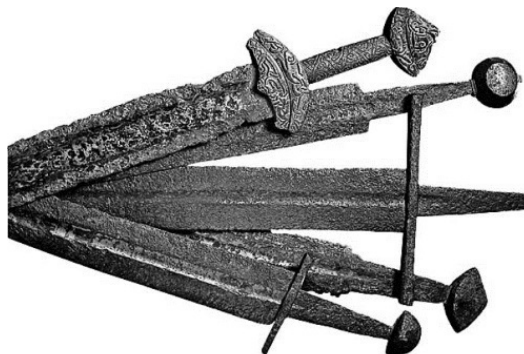
Прежде всего – славяне народ не кочевой, а оседлый. Уже Тацит, который сближает их с сарматами, отмечает, что они были диким народом, но отличались от сарматов тем, что жили оседло и строили дома. Оседлость славян надо понимать в том смысле, что главный капитал их состоял не в стадах и табунах, а в земле, и хозяйство было основано на эксплуатации земли. Но эта оседлость была не прочна, так как, истощив пашню на одном месте, славяне легко покидали свое жилище и искали другого. Таким образом, поселки славян имели первоначально очень подвижный характер. Об этом согласно свидетельствуют и греческие писатели и летописец, который говорит о древлянах и вятичах так, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словам летописца, «живяху звериньским образом», уже ко времени летописца «делают нивы своя и земля своя». Области, в которых приходилось жить и пахать славянам, были лесные, поэтому рядом с земледелием возникла и эксплуатация лесов, развиты лесные промыслы, бортничество и охота с целью промышленною. Воск, мед и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Русь на Дунае. Святослав, например, желая остаться на Дунае, говорит: «Хочу жити в Переяславце на Дунае, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся благая сходятся»; и далее он перечисляет, что привозят туда из Греции и Рима, а о Руси говорит: «Из Руси же скоро и мед, воск и челядь». Охота на пушного зверя составляла один из основных промыслов славян, точно так же, как изделия из дерева (лодки и т. п.).

С. В. Иванов. Торг в стране восточных славян

В оборот хозяйственной жизни славян издавна входила и торговля. На пространстве от южного побережья Балтийского моря до Урала и Волги находят клады с арабскими (куфическими) монетами, относящимися к VIII, даже и к VII в. Если принять во внимание, что у арабов был обычай при каждом халифе перечекивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мере, век, в котором зарыт клад. На основании этого и делают вывод, что в VIII, IX и X вв. те народы, которые жили на Руси, вели торговлю с арабами. Эти археологические предположения совпадают с рассказами арабских писателей, которые передают нам, что арабы торговали в пределах нынешней России и, между прочим, с народом Росс. Велась торговля, вероятно, речными путями, по крайней мере, клады своим местонахождением намекают на это. О размерах торговых оборотов мы можем судить, напр., по тому, что у Великих Лук и недавно у Твери найдены клады в несколько тысяч рублей. Возможность зарыть в одном кладе столько ценностей показывает, что торговля велась большими капиталами. В торговле с Востоком для славян, как мы уже видели, большое значение имели хазары, открывшие им безопасный путь к Каспийскому морю. Под покровительством этих же хазар славяне проникли и в Азию. Это было одно направление торговли славян-русских. Второе вело в Гре-

цию на юг. Древний договор Олега с греками показывает, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что в X в. сложились уже определенные формы и традиции торговых сношений. Указывают и еще торговый путь, который шел из Руси в Западную Европу. Профессор Васильевский, основываясь на хороших данных, говорит, что славяне в глубокой древности под именем «ругов» постоянно торговали на верхнем Дунае.

Образцы оружия древнерусских дружинников

Таким образом, сведения, которые мы имеем от древнейшей поры, показывают, что рядом с земледелием славяне занимались и торговлею; а при таком условии мы можем предположить у славян раннее существование городов как торгово-промышленных центров. Этот вывод – вывод несомненный – проливает яркий свет на некоторые явления древней киевской жизни. Хотя Иордан и утверждал, что у славян не было городов, тем не менее с первого же времени исторической жизни славян мы видим у них признаки развития городской жизни. Скандинавские саги, знакомые с Русью, зовут ее «Гардарик», т. е. страна городов. Летопись уже не помнит времени возникновения на Руси многих городов, они были «изначала». Главнейшие города древней Руси (Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Киев, Чернигов) все расположены на речных торговых путях и имели значение именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вот те несомненные данные о первоначальном быте славян, которые показывают, что последние были далеко не диким народом, что летописец впал в неточность, говоря, что в большинстве своем они «живяху звериньским образом»; но, с другой стороны, у нас нет никакой возможности доказать, что этот быт достигал высоких степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацию имели славяне? Разрешение этого вопроса вводит нас в интересную полемику.

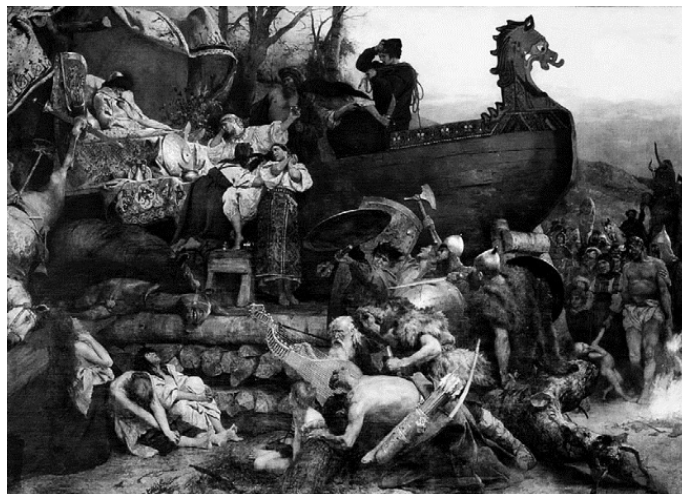
Быт славян вначале был несомненно племенной. На первых страницах летописец постоянно называет их по племенам; но, читая летопись далее, мы видим, что имена полян, древлян, вятичей и т. п. постепенно исчезают и заменяются рассказами о волостях: «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся власти (то есть волости), якоже на думу, на веча сходятся», – говорит летописец и под именем этих «властей» разумеет не членов какого-либо племени, а жителей городов и волостей. Таким образом, быт племенной, очевидно, перешел в быт волостной. Это не подлежит сомнению, нужно только понять, какое общественное устройство действовало внутри крупных племен и волостей. Из каких мелких союзов состояли сперва племена, а затем волости? Какая связь скрепляла людей: родовая, или соседственная, территориальная? Дерптский профессор Эверс в 1826 г. издал книгу «Das aelteste Recht der Russen», в которой впервые попробовал дать научный ответ на эти вопросы (его книга переведена и на русский язык). Во-первых, он отмечает у славян факт общего владения при отсутствии личной собственности; во-вторых, в летописи постоянно упоминается о роде: «живяху родом», «возста

род на род». Святослав «имаше за убиенные глаголы: яко род его возьмет»; и в-третьих, «Русская правда» умалчивает о личной поземельной собственности. На основании этих данных и возникла теория, по которой славяне, на первых ступенях жизни, жили родом, по образцу рода римского, т. е. жили обществами, построенными на родовых началах; во главе рода стояла власть родовладыки – авторитет патриархальный. Со смертью родовладыки родовая собственность не делилась, а движимое и недвижимое имущество все находилось во владении рода. Родовой быт действительно исключал возможность личного владения. Теория Эверса была принята нашей «школой родового быта»: Соловьев и Кавелин развили ее и перенесли в сферу политической истории. Но когда родовая теория легла в основание всей нашей истории, она встретила беспощадного критика в лице известного славянофила К. С. Аксакова, выступившего со статьей «О древнем быте у Славян вообще и у Русских и особенности», и историков-юристов Беляева и Лешкова. Они утверждают, что слово «род» в летописи употребляется не как римское «genus», что оно имеет несколько значений, так как иногда под ним подразумевается семья (в сказаниях о Кие, Щеке и Хориве), иногда род (в призвании князей); стало быть, народ, а с ним и летописец под этим словом понимали различные вещи. Общее же владение и отсутствие личного землевладения могут доказывать не родовые формы быта, а общинную организацию. Под ударами критики родовое учение потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой быт существовал лишь во времена глубокой древности, быть может, доисторические, а затем заменился общинным. Учение об общине было развито Аксаковым и Беляевым. По их мнению, славяне жили общиной не на основании физиологических, кровных начал, а в силу совместного жительства на одних и тех же местах и единства хозяйственных, материальных интересов. Общины управлялись властью избранных старшин, так называемым вечем. Мелкие общины или верви сливались в волости, которые уже были общинами политическими. В первоначальных рассуждениях об общине было много неопределенного. Гораздо удачнее, конкретнее поставил вопрос о первоначальном быте славян профессор Леонтович (его поддержал Бестужев-Рюмин). Взгляды Леонтовича известны под названием теории задружно-общинного быта. По этой теории родственные славянские семьи не принимали строгой родовой организации, но жили, не забывая своего физического родства, уже на началах территориальных, соседственных. Образцом подобного рода общин была сербская задруга. В трудах позднейших этнографов (г-жи А. Я. Ефименко и др.) указано было на существование своеобразных общин архаического склада и у русских людей в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не родовой быт.

Если же славяне не держались исключительно кровного быта и легко соединялись в общины по интересам хозяйственным, то можно объяснить, как и почему племенной быт скоро распался и заменился волостным. В первое время своей жизни на Ильмене и Днепре наши предки жили «каждый своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим». Родовые старейшины, по этому определению летописца, имели большую власть в своем роде; а сойдясь вместе на совет (вече), они решали дела за все свое племя. Но так бывало только в особо важных случаях, например, в минуты общей опасности, грозившей всему племени. С течением же времени, когда племена и роды расселились на больших пространствах, не только ослабела связь между родами, но распадалась и самые роды, поделившись на самостоятельные семьи. Каждая отдельная семья на просторе заводила свою особую пашню, имела свои особые покосы, особо охотилась и промышляла в лесах. Общая родовая собственность переставала существовать, когда расходились семьи, составлявшие род. Она заменялась собственностью семейною. Точно так же переставала действовать и власть родовладыки: он не мог управлять сразу всеми хозяйствами родичей, потому что эти хозяйства были разбросаны на больших расстояниях. Власть родовладыки переходила к отцу каждой отдельной семьи, к домовладыке. С распадом родовых связей родичи перестали чувствовать свое взаимное родство и в случае нужды

соединялись для общих дел уже не по родству, а по соседству. На общий совет (вече) сходились домохозяева известной округи, и родные друг другу и неродные одинаково. Соединенные одним каким-нибудь общим интересом, они составляли общину (задугу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старейшин. Так древнейшее родовое устройство заменялось постепенно общинным, причем в состав общин могли входить семьи, принадлежащие не только к разным родам, но даже к разным племенам. Так бывало в тех местах, где соседнили друг с другом различные племена, или же в тех местах, куда одновременно шла колонизация от нескольких племен (например, в верхнем Поволжье, которое заселялось и от кривичей и от вятичей).

С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам в земле славян стали возникать большие города. Такими были: Киев – у полян, Чернигов – у северян, Любеч – у радимичей, Смоленск и Полоцк – у кривичей, Новгород – у ильменских славян и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. В них встречались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, с русскими промышленниками и торговцами; происходил торг, составлялись торговые караваны и направлялись по торговым путям на хазарские и греческие рынки. Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы, поэтому в городах образовались военные дружины или товарищества, в состав которых входили свободные и сильные люди (витязи) разных народностей, всего чаще варяги. Во главе таких дружин стояли обыкновенно варяжские предводители – конунги (по-славянски конунг – князь). Они или сами торговали, охраняя оружием свои товары, или нанимались на службу в городах и оберегали города и городские торговые караваны, или же, наконец, конунги захватывали власть в городах и становились городскими владельческими князьями. А так как городу обыкновенно подчинялась окружающая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество, более или менее значительное по своему пространству. Такие варяжские княжества были основаны, например, Аскольдом и Диром в Киеве, Рюриком в Новгороде, Рогволодом в Полоцке. Иногда княжеская власть возникала у славянских племен и независимо от варяжских конунгов: так, у древлян был свой местный князь по имени Мал («бе бо имя ему Мал, князю Деревьску», – говорит современник).

Г. И. Семирадский. Погребение знатного руса

Появление городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси колебало старый племенной быт русских племен еще больше, чем расселение на новых местах. Люди, собиравшиеся в города из разных мест, выходили из своих родовых союзов и соединялись по своим делам и занятиям в иные сообщества: становились воинами-дружинниками, всту-

пали в торговые компании, обращались в городских промышленников. Вместо патриархального соединения родичей нарождались общественные классы в нашем смысле слова: людей военных, торговых, промышленных, которые зависели уже не от родовладык, а от городских властей – князей и хозяев. И те люди, которые оставались в волостях на своих пашнях и лесных угодьях, тоже чувствовали на себе влияние городов с их торговлею и промыслами. В прежнее патриархальное время каждый род и даже каждая семья, жившая особым двором, имела свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахал землю и охотился, сам себя обстраивал своим лесом, одевался и обувался в ткани и кожи своего собственного изделия; каждый сам для себя изготовлял все необходимые орудия. Со стороны ничего не покупалось и на сторону ничего не продавалось. Запасалось и готовилось впрок только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, не зависимое от других и не знающее торгового обмена продуктов, называется «натуральным». Когда на Руси развилась торговля и выросли города, на городские рынки стал требоваться товар, всего более мед, воск и меха, бывшие главными предметами русского вывоза. Эти предметы добывались в лесах деревенским людом. Под влиянием спроса из городов их стали добывать уже не только для себя, но и на продажу: из предмета домашнего потребления их обратили в товар и меняли на другие ценности или продавали на деньги, которых раньше не знали. Там, где прежде всего производили сами для себя и сами же все потребляли, понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи, или копить доходы за проданные товары, иначе говоря, образовывали капиталы. Вместо натурального хозяйства начиналось денежное.

Так постепенно изменялся тип жизни наших предков. Из патриархального родового и племенного быта славяне понемногу переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные. С течением времени отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одною государственною властью. Тогда началось единое Русское государство; но оно вначале не отличалось внутренней сплоченностью и однородностью. Когда знаменитый князь Олег брал дань на греках, то брал ее не только для себя, но и на города: «По тем бо городом седяху великий князи, под Олгом сущи». Киевский князь еще терпел других, себе подобных.

Киевская Русь

Образование Киевского княжества

Вопрос об образовании одного на Руси великого княжения (Киевского) приводит нас к вопросу о варягах-руси, которым приписывается водворение на Руси политического единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившие сперва Новгород, а затем и Киев? Вопрос этот возник в русской историографии уже давно, но исследования за 150 лет настолько осложнили его, что и теперь разрешать его нужно очень осторожно.

В. М. Васнецов. Боян

Остановимся прежде всего на двух местах летописи, местах важных, которые, в сущности, и породили варяжский вопрос: 1) летописец, перечисляя племена, жившие по берегам Балтийского моря, говорит: «По сему же морю Варяжскому (т. е. Балтийскому) сядят Варязи... и то Варязи: Свей, Урмане (норвежцы), Готе, Русь, Англяне». Все это северогерманские племена, и варяги поставлены среди них, как их родовое имя среди видовых названий. 2) Далее в рассказе летописца о призвании князей читаем: «Идоша за море к варягам-руси, сице бо ся зваху тыи Варязи Русь, яко се друзи зовутся Сwei, друзии же Англяне, Урмяне, друзии Готе тако и си». Таким образом, по словам летописи, из варягов одни назывались русью, другие англянами, урманями и т. д.; летописец, очевидно, думает, что русь есть одно из многих варяжских племен. На основании этих и других показаний летописей ученые стали искать более точных сведений и увидели, что варягов знал не только наш летописец, но и греки. Слово «варяг» писалось с юсом и, стало быть, произносилось как «варенг». Такое слово встречается и у греческих писателей и служит совершенно определенным понятием – у греков под именем Вараујоі (варанги) разумелись наемные дружины северных людей, норманнов, служивших в Византии. С тем же значением северных дружин встречается слово Waeringer (варанги) и в скандинавских сагах; арабские писатели также знают варангов как норманнов. Следовательно «варанги» представляют собою нечто вполне определенное в смысле этнографическом – дружину норманнского происхождения. В последнее время удалось, как кажется, определить точно и родину варягов, т. е. страну Варангию, благодаря одному известию, найденному и напечатанному профессором Васильевским в его статье «Советы и ответы Византийского боярина XI

века». Этот византийский боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норвежцы и варяги. Этот вывод очень важен в том отношении, что раньше была тенденция толковать слово варанги, как техническое название бродячего наемного войска (варяг – враг – хищник – бродячий); на основании такого понимания Соловьев нашел возможным утверждать, что варяги не представляли отдельного племени, а только сбродную дружину, и не могли иметь племенного влияния на славян.

Итак, варяги – норманны. Но этот вывод еще не решает так называемого «варяго-русского» вопроса, потому что не говорит нам, кто назывался именем русь. Летописец отождествил варягов и русь; теперь же ученые их различают и для этого имеют свои основания. У иностранных писателей русь не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов. Древние арабские писатели не раз говорят о народе русь и жилища его помещают у Черного моря, на побережье которого указывают и город Русию. В соседстве с печенегами помещают русь в Черноморье и некоторые греческие писатели (Константин Багрянородный и Зонара). Два греческих жития (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), разработанные В. Г. Васильевским, удостоверяют присутствие народа русь на Черном море в начале IX в., стало быть, ранее призвания варягов в Новгород. Ряд других известий также свидетельствует о том, что варяги и русь действуют отдельно друг от друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягам, а славянам и всегда обозначало то же, что оно значило в XII в., т. е. Киевскую область с ее населением. Так и склонен решать дело Д. И. Иловайский. Есть, однако, известия, по которым считать русь славянским племенным названием нельзя.

В. М. Васнецов. Варяги

Первые из этих известий – Бертинские летописи, составившиеся в монархии Карла Великого. В них говорится, что в 829 г. цареградский император Феофил отправил послов к Людовику Благочестивому, а с ними людей: «*Rhos vocari dicebant*» – т. е. людей, назвавших себя россами и посланных в Византию их царем, называемым Хаканом («*rex Illorum Chacanus vocabulo*»). Людовик спросил у них о цели их прихода; они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Людовик заподозрил их в шпионстве и стал разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежат к шведскому племени (*eos gentis esse Sueonum*). Таким образом в 839 г. русь относят к шведскому племени, чему в то же время как будто противоречит имя их царя – «*Chacanus*» – Хакан, вызвавшее много различных толкований. Под этим именем одни понимают германское, скандинавское имя «Гакон», другие же прямо переводят это «*Chacanus*» словом «каган», понимая здесь хазарского хана, который

назывался титулом «казан». Во всяком случае известие Бертинских летописей сбивает до сих пор все теории. Не лучше и следующее известие: писатель X в. Лиутпранд Кремонский говорит, что «греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos – по месту жительства (a position loci)», и тут же перечисляет народы «печенеги, хазары, руссы, которых мы зовем норманнами». Очевидно, автор запутался: вначале он говорит, что русь – это норманны потому, что они живут на севере, а вслед за тем помещает их с печенегами и хазарами на юге России.

Таким образом, определяя варягов как скандинавов, мы не можем определить руси. По одним известиям, русь – те же скандинавы, по другим – русь живет у Черного, а не у Балтийского моря, в соседстве с хазарами и печенегами. Самый надежный материал для определения национальности руси – остатки ее языка – очень скуден. Но на нем-то главным образом и держится так называемая норманнская школа. Она указывает, что собственные имена князей руси – норманнские, – Рюрик (Hrurikr), Аскольд (Осколд, Hoskuldr), Трувор (Трувар, Торвард), Игорь (Ингвар), Олег, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянородного наша Ольга называется Elya), Рогволод (Рагнвальд); все эти слова звучат по-германски. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного (в сочинении «Об управлении империей») приведено по-русски и по-славянски, имена русские звучат не по-славянски и объясняются из германских корней (Юссупи, Ульворси, Генадри, Ейфар, Варуфорос, Леанти, Струвун); напротив, те имена, которые Константин Багрянородный называет славянскими, действительно славянские (Островунипрах, Неясит, Вулнипрах, Веруци, Напрези). В последнее время некоторые представители норманнской школы, настаивая на различии руси и славян, ищут Руси не на скандинавском севере, а в остатках тех германских племен, которые жили в первые века нашей эры у Черного моря; так, профессор Будилович находит возможность настаивать на готском происхождении Руси, а самое слово Русь или Рос производит от названия готского племени (произносится «рос»). Ценные исследования Васильевского давно шли в том же направлении и от их продолжателей можно ждать больших результатов.

К норманнской школе примыкает и оригинальное мнение А. А. Шахматова: «Русь – это те же норманны, те же скандинавы; русь – это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом и болотистом славянском севере». И в самом деле, кажется, всего правильнее будет представлять дело так, что русью звали в древности не отдельное варяжское племя, ибо такого не было, а варяжские дружины вообще. Как славянское название сумь означало тех финнов, которые сами себя звали *suomi*, так у славян название русь означало прежде всего тех заморских варягов – скандинавов, которых финны звали *ruotsi*. Это название русь ходило среди славян одинаково с названием варяг, чем и объясняется их соединение и смешение у летописца. Имя русь переходило и на славянские дружины, действовавшие вместе с варяжской русью, и мало-помалу закрепилось за славянским Поднепровьем.

В таком состоянии находится ныне варяго-русский вопрос (доступнейшее его изложение в труде датского ученого Вильгельма Томсена, русский перевод которого «Начало русского государства» издан отдельной книгой и в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей» за 1891 г., книга 1). Наиболее авторитетные силы нашей научной среды все держатся воззрений той норманнской школы, которая основана еще в XVIII в. Байером и совершенствовалась в трудах позднейших ученых (Шлепера, Погодина, Круга, Куника, Васильевского). Рядом с учением, господствующим давно, существовали и другие, из которых большую пользу для дела принесла так называемая славянская школа. Представители ее, начиная с Ломоносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далее Геденовым и, наконец, Иловайским, пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не раз пересматривать вопрос и привлекать к делу новые материалы. Книга Геденова «Варяги и Русь» (два тома: Пг., 1876) заставила многих норманнистов отказаться от смешения варягов и руси и тем самым сослужила большую службу делу. Что касается

до иных точек зрения на разбираемый вопрос, то о существовании их можно упомянуть лишь для полноты обзора (Костомаров одно время настаивал на литовском происхождении руси, Щеглов – на происхождении финском).

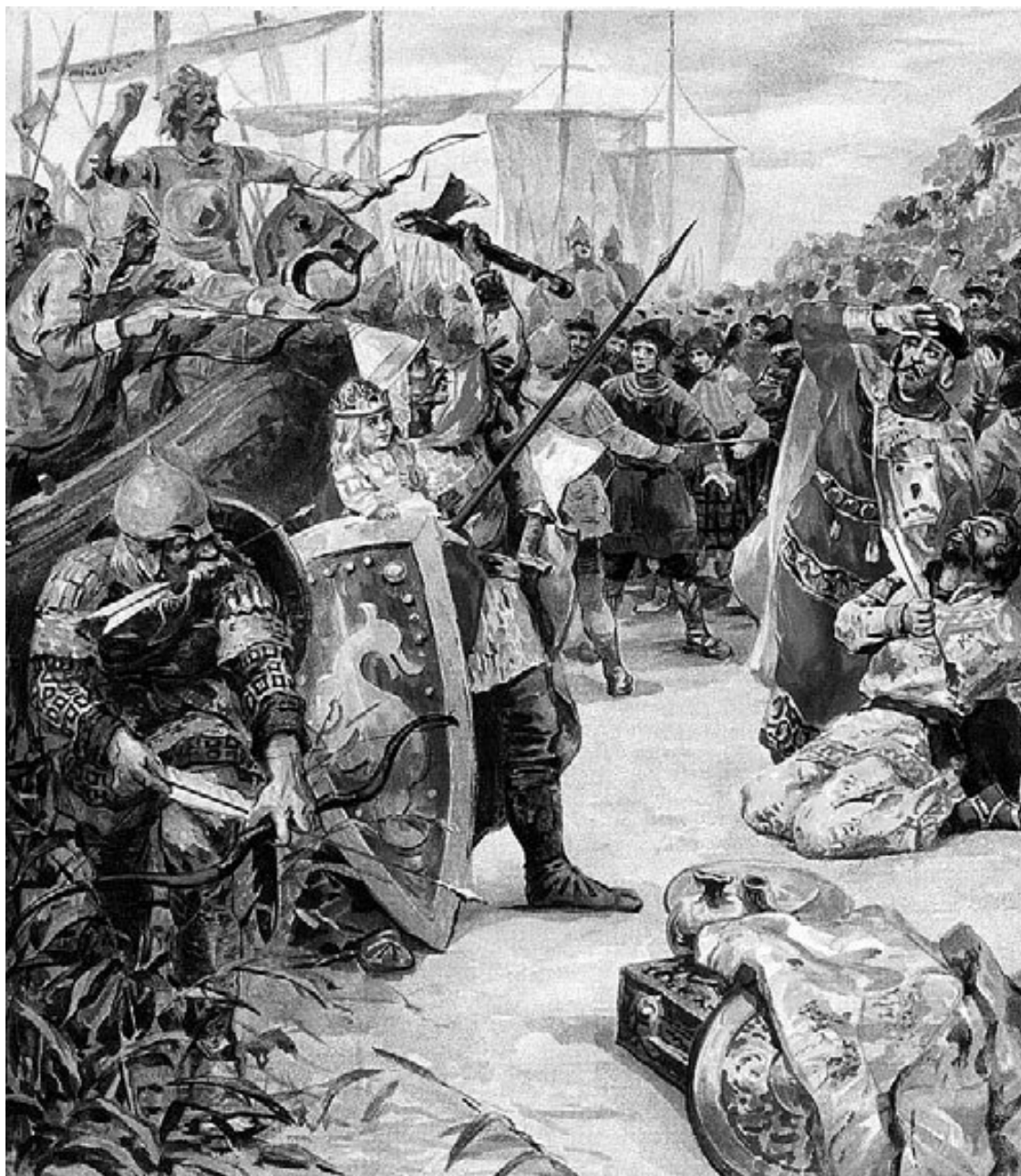
Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племени принадлежали первые русские князья с их дружиною, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними, и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался, и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собой ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, что они, наскучив внутренними раздорами и неурядицами, послали за море к варягам-руси с знаменитым приглашением: «Земля наша велика и обидна, а наряда (в некоторых рукописях: нарядник) в ней нету, до поидете княжить и владеть нами»; и пришел к ним Рюрик и два его брата «с роды своими», «пояша по себе всю русь». Эпический характер этого рассказа ясен из сравнения с другими подобными: известно сказание английского летописца Видукинда о таком же точно призвании бриттами англосаксов, причем и свою землю бритты хвалили теми же словами, как новгородцы свою: «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam*».

Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна лишь со времени новгородского правителя или князя Олега (879–912), который, перейдя с Ильменя (882) на Днепр, покорил Смоленск, Любеч и, основавшись в Киеве на жительство, сделал его столицей своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Олегу удалось объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукою собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хазарской зависимости. Сбросив хазарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хазар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.

К. В. Лебедев. Убиение Аскольда и Дира Олегом

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих киевских предшественников Аскольда и Дира, сделавших набег на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и осадил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», т. е. откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 г. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Русь: Олега воспевали в песнях и его подвиги изукрашили сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и по суку на парусах «через поля» пошел к Царюграду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя победу», повесил свой щит в воротах Царяграда. Олегу дали прозвание «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега в самом деле имела исключительное значение: он создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хазарам и

устроил, путем договоров, правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега вступил во власть Игорь (912–945), по-видимому, не имевший таланта ни воина, ни правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пускали «трубами огонь на ладьи русские». Во второй раз Игорь не дошел до Царяграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 г. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договор Олега. В кампании Игоря против греков принимали участие и печенеги, впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а затем помирившиеся с Игорем. Игорь погиб в стране древлян, с которых он хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески Helga) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством (945–957). По древнему славянскому обычаю вдовы пользовались гражданской самостоятельностью и полноправием и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому не было ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца – самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устройении земли. Объезжая свои владения, она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи Ольгу крестили «царь с патриархом» в Царьграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием в сочинении «Об обрядах Византийского двора», повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сложившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказаться от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он, будто бы, легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться и православною церковью: княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Сражение войск Святослава Игоревича с войсками хазарского князя кагана

Сын Ольги Святослав (957–972) носил уже славянское имя, но нравом был еще типичный варяг-воин, дружинник. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с ней стал искать себе славы и добычи. Он рано вышел из-под влияния матери и «гневался на мать», когда она убеждала его креститься: «Как мне одному переменить веру? Дружина начнет смеяться надо мною», – говорил он. С дружиною он сжился крепко, вел с нею суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардус (барс)», – по выражению летописи.

Еще при жизни матери, оставив на попечении Ольги Киевское княжество, Святослав совершил свои первые блестящие походы. Он пошел на Оку и подчинил вятичей, которые тогда платили дань хазарам; затем обратился на хазар и разгромил Хазарское царство, взяв главные города хазар (Саркел и Итиль). Заодно Святослав победил племена ясов и касогов (черкесов) на р. Кубани и овладел местностью в устьях Кубани и на Азовском побережье под названием Таматарха (позднее Тмутаракань). Наконец, Святослав проникнул на Волгу, разорил землю камских болгар и взял их город Болгар. Словом, Святослав победил и разорил всех восточных соседей Руси, входивших в систему Хазарской державы. Главной силой в Черноморье становилась теперь Русь. Но падение Хазарского государства усиливало кочевых печенегов. В их распоряжение попадали теперь все южнорусские степи, занятые раньше хазарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большие беды от этих кочевников.

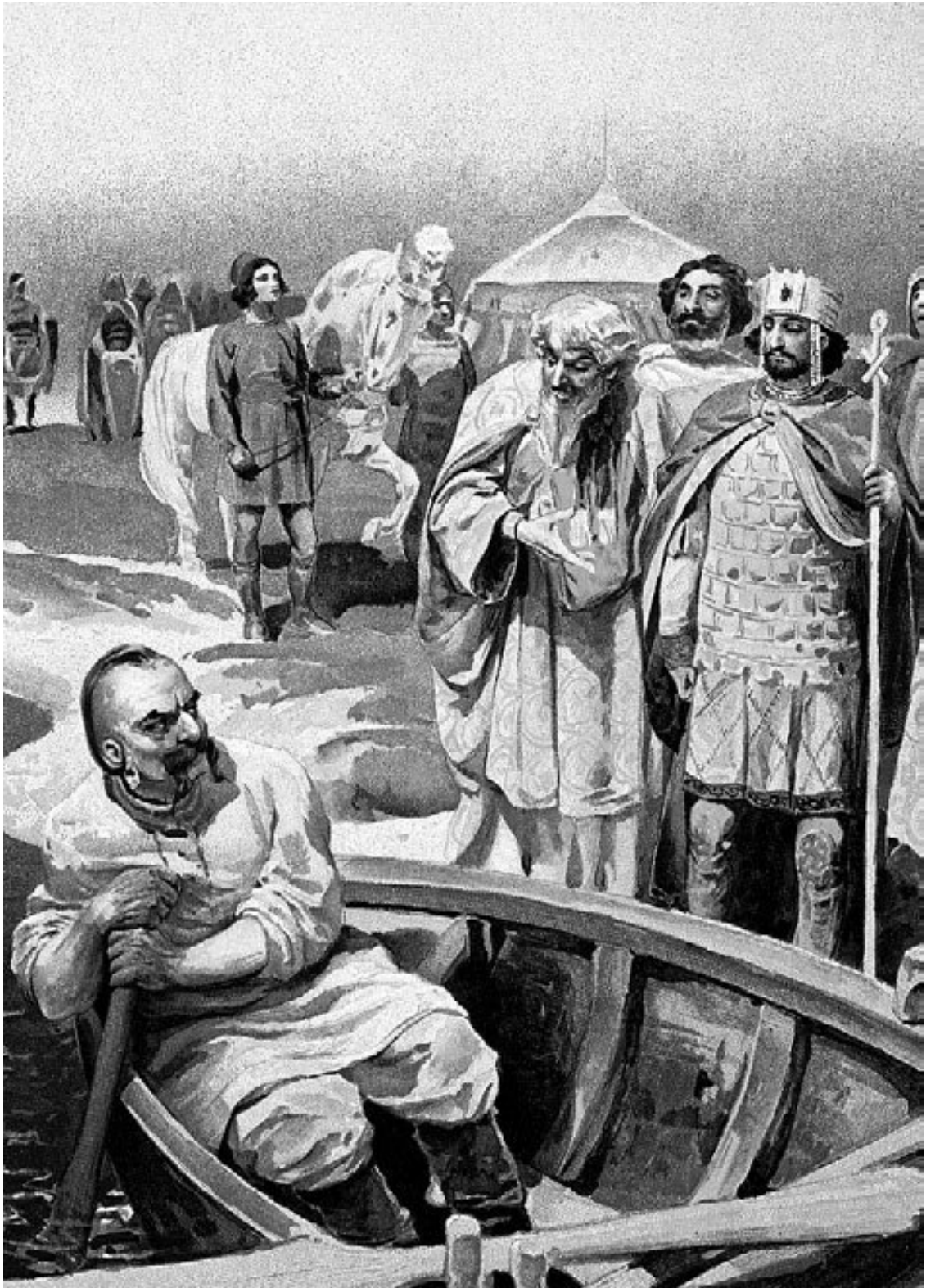
Возвратясь в Киев после своих завоеваний на Востоке, Святослав получил приглашение от греков помочь Византии в ее борьбе с дунайскими болгарами. Собрав большую рать, он завоевал Болгарию и остался там жить в г. Переяславце на Дунае, так как считал Болгарию своей собственностью. «Хочу жить в Переяславце Дунайском, – говорил он: – там середина (центр) моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров – серебро и кони, из Руси меха, воск и мед и рабы». Но ему пришлось на время вернуться из Болгарии в Киев, потому что на Русь в его отсутствие напали печенеги и осадили Киев. Киевляне с княгиней Ольгой и детьми Святослава едва отсиделись от грозного врага и послали к Святославу с упреками и просьбой о помощи. Святослав пришел и прогнал печенегов в степь, но в Киеве не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ее кончины. Он исполнил ее желание, но, похоронив мать, сейчас же ушел в Болгарию, оставив князьями на Руси своих сыновей. Однако греки не желали допустить господства русских над болгарами и потребовали удаления Святослава назад на Русь. Святослав отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византийский император Иоанн Цимисхий одолел Святослава. После ряда тяжелых усилий он запер русских в крепости Доростол (теперь Силистрия) и вынудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию. Войско Святослава, истомленное войной, на пути домой было захвачено в днепровских порогах печенегами и рассеяно, а сам Святослав убит (972). Так печенеги довершили поражение русского князя, начатое греками.

После смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополком, Олегом и Владимиром) произошли междоусобия, в которых погибли Ярополк и Олег, и Владимир остался единодержавным. Потрясенное усобицами государство являло признаки внутреннего разложения, и Владимиру пришлось потратить много сил, чтобы дисциплинировать варягов, у него служивших, и усмирить отложившиеся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось после неудачи Святослава и внешнее могущество Руси. Владимир вел много войн с разными соседями за пограничные волости, воевал также с камскими болгарами. Втянулся он и в войну с греками, в результате которой принял христианство по греческому обряду. Этим важнейшим событием окончился первый период власти варяжской династии на Руси.

Так образовалось и крепло Киевское княжество, объединившее политически большую часть племен русских славян.

Общие замечания о первых временах Киевского княжества

Образование государств совершается различно. Может произойти так, что известное общество складывается естественно: под влиянием мирной деятельности, хозяйственных заимок постепенно обозначаются те или другие границы занятой племенем территории; слагаются определенные общественные связи и затем в обществе выделяется правящий класс, господствующий обыкновенно в силу знатности происхождения или своего экономического преобладания. Всеобщая история показывает нам развившееся таким образом кельтское общество, в котором создался ряд вполне определенных отношений экономического характера, и в силу этих отношений во главе общества, как его вожди, стали лица, имеющие большее количество земли и рабочего скота. Это и была аристократия, господствующий класс, который мало-помалу приобрел полное преобладание. Таков был рост общества, совершившийся в силу кровных и экономических связей. Но бывает и иначе. Известное общество уже сложилось, в нем образовалась или образуется политическая власть, как вдруг является неприятель, захватывает в свои руки путем открытого насилия политическое преобладание и власть, а вместе с этим перерабатывает и все прежние общественные отношения. Так было в Западной Римской Империи, когда в нее вторглись германцы, заняли первое место в старом обществе и захватили себе земли. Экономический порядок, который существовал здесь раньше, перестроился к выгодам господствующего класса.

К. В. Лебедев. Свидание киевского князя Святослава с византийским императором Цимисхием

Который же из этих порядков имел место в Киеве? Мы видим, что племенной быт славян естественно изменился в волостной, и в этом уже сложившемся организме общественной жизни возникла власть варяжских князей. Чрезвычайно важно определить: отразилось ли влияние этих князей с их дружинами на общественных отношениях славян или нет? Судя

по историческим данным, мы скорее можем сказать – нет. Влияние варягов было крайне ничтожно; они не нарушили общего порядка прежней общественной жизни. Какую же роль играли варяжские князья, в чем заключалась их деятельность и какова была их власть? Власть эта была настолько неопределенна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить в готовые формулы. Вообще говоря, теория государственного права различает три главных вида политической власти. Первый вырастает на основании кровных связей: постепенно развивается аристократический (господствующий) род, и его родовладыка признается владыкой и вместе политической властью всего племени. Такой власти присвоено название власти патриархальной, она является у народов кочевых и полукочевых. Второй вид есть так называемая вотчинная, или патримониальная, власть: известное лицо считает своей собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти соблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV вв. и притом в очень чистой форме. Третий вид власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основе, а на основании более сложном. Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием. И такой момент был в истории Руси впервые в XVI в. Что же касается до власти варяжских князей, то она, в сущности, не подходит ни к одному из указанных типов: во-первых, варяжские князья не могли у нас господствовать в силу кровного начала, во-вторых, они не считали землю своей собственностью и, в-третьих, самое понятие земли русской впервые складывается на глазах истории в устах прежде всего князя Святослава, который говорил своим воинам: «Не посрамям земли Русской!» Киевские князья в сущности представляют собой защитников страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля. Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князей направлялась на то, чтобы: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство; 2) устроить как можно выгоднее торговые сношения с соседями и обезопасить торговое движение к иноземным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов.

1. Завладев сначала всем великим водным путем «из варяг в греки», от Ладоги до Киева, киевские князья старались затем покорить себе и те славянские племена, которые жили в стороне от этого пути (древляне, вятичи). В подчиненных областях они или лично устраивали порядок, или посылали туда для управления своих сыновей и дружинников в качестве своих наместников («посадников»), или же, наконец, оставляли там местных князей «под рукою своею». Главной задачей управления был тогда сбор «дани». Константин Багрянородный сообщает любопытные подробности о том, как сам князь или его посадники объезжали волости, творя суд и расправу и собирая дань деньгами или натурой. Такой объезд назывался «полюдьем» и совершался по зимнему пути. К весне собранная князем дань свозилась на речные пристани, грузилась на суда и весной сплавлялась в Киев. В то же время «везли повоз», т.е. доставляли дань в Киев из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинниками. В руках киевских князей сосредоточивались таким образом большие запасы различных товаров, которыми князья и торговали, посылая их от себя в Грецию или к хазарам, или (как Святослав) на Дунай.

2. Весною в Киеве составлялись большие торговые караваны из лодок, которые по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», т.е. однодеревками. Такое название дано было ладьям потому, что их днище (киль) состояло из одного дерева; подобные ладьи подымали несколько сот пудов груза и до 40–50 человек экипажа. К ладьям княжеским присоединялись ладьи княжеской дружины и купцов («гостей»); весь караван охранялся княжеской стражей и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись вниз по Днепру. Вот как рассказывают современники о том караване, который шел в Константинополь: собравшись окончательно верстах в 50 ниже Киева, в Витичеве, караван оттуда дви-

гался «в греческий путь». Плывая по Днепру, он достигал «порогов», т. е. скалистых гранитных гряд, пересекающих течение Днепра в нескольких местах недалеко от нынешнего города Ека-теринослава. В порогах нельзя было плыть меж камней с полным грузом; иногда же и вовсе не было хода ладьям. Тогда русь приставала к берегу, разгружала суда, выводила скованных невольников, которых везла на продажу, тащила товары в обход порога по берегу, иногда даже перетаскивала посуху и сами ладьи. В то время как одни обходили порог, другие охраняли их и сторожили берег, боясь нападения печенегов на караван. Пройдя пороги, русь выходила в Черное море и, держась болгарских берегов, достигала Константинополя. Огромный русский караван греки не пускали в стены своей столицы. Русь помещалась в предместье св. Мамы и жила там с полгода, пока не кончала своих торговых дел. Прибывших русских послов и купцов греки переписывали и по списку доставляли им съестные припасы от казны. Из предместья в самый Царь-град греки допускали русских сразу не более 50 человек, без оружия и с прово-жатым: оставаться на зиму в Греции не позволяли никому. Таким образом греки разрешали Руси устраивать под Константинополем как бы свою ярмарку с их покровительством, но под надзором и с предосторожностями. Правила, которые устанавливали порядок торговли рус-ских в Греции и определяли все возникавшие между Русью и греками во время торго-вых отношений, обыкновенно вносились в договоры и составляли главное их содержание; вот почему эти договоры и называются торговыми. Для того, чтобы устроить общий для всей Руси ежегодный караван в Грецию и такие же караваны в другие места (в хазарский Итиль, в дунайские обла-сти), киевские князья должны были тратить много труда и сил. На них лежала забота о том, чтобы своевременно стянуть к Киеву свои товары, полученные в виде дани, и всякий купече-ский товар, затем снабдить караваны сильной охраной и проводить их до места назначения; наконец, путем мирных отношений или оружием подготовить выгодные условия торговли в чужих странах. Походы киевских князей на Грецию, походы Святослава на Дон и Волгу были тесно связаны с торговыми делами Киева. Таким образом, торговля страны направляла собой внешнюю политику киевских князей.

3. Кроме того, на князьях лежала забота об обороне государства от внешних врагов. Степ-няки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ее – Киев. Этот город лежал слишком близко к степному пространству и был открыт со стороны степи. Поэтому киевские князья понемногу окружают его крепостями, «рубят города» на границах степи и укрепляют самую границу валами и другими сооружениями. Чтобы степняки, печенеги, не мешали торго-вому движению через степь, князья нападают на них в степи или же вступают с ними в дружбу и даже в союз, увлекая их вместе с собой на греков. Но такая дружба была все же исключением: обыкновенно Русь бывала в острой вражде с печенегами.

Вид Константинополя. Миниатюра XV в.

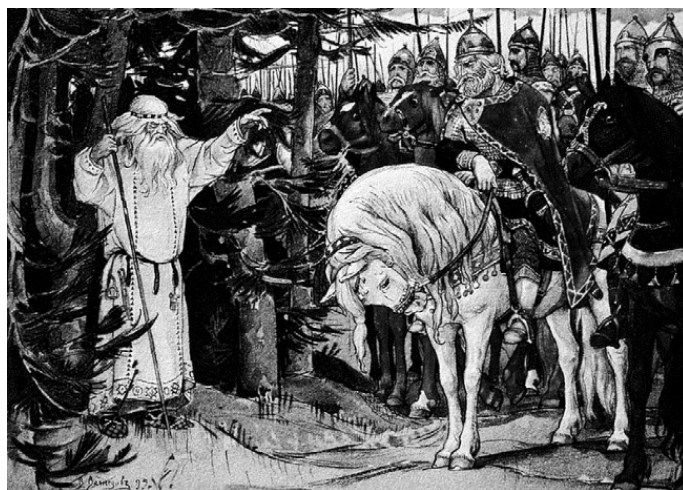
Из того, что было сказано о торговле Руси, можно заключить, в чем именно заключалось значение Киева и почему Олег дал ему имя «матери русских городов». Киев был самым южным городом на Днепре и соседил со степью. Поэтому в Киеве, естественно, собирались все те купцы, которые везли из Руси товары на юг и восток. Здесь устраивали главный склад вывозимых товаров; здесь был главный рынок и для тех товаров, которые привозились на Русь своими и чужими купцами от хазар и греков. Словом, Киев был торговым центром всей тогдашней Руси; прочие торговые русские города зависели от него в своих торговых оборотах. Понятно, почему сильнейшие русские князья предпочитали Киев всякому иному городу и почему именно Киев стал столицей образованного этими князьями государства.

Вот все, что можно сказать несомненного о характере деятельности и власти первых русских князей. Историческое значение их деятельности нетрудно уловить. Будучи первой общей властью среди многих разрозненных раньше миров, варяжские князья с их дружинами были первыми представителями племенного единства. Передвигаясь с места на место по русской земле, соединяя племена и города в общих военных и торговых предприятиях, князья создавали этим почву для национального объединения и национального самосознания. Сплотив государство внешним образом, они создавали и возможность внутреннего сплочения.

Крещение Руси

Другим еще более могучим фактором объединения для Руси послужило христианство. Выше сказано, что киевский князь Владимир Святославич принял христианство. За крещением князя тотчас же последовало принятие христианства всею Русью и торжественное упразднение языческого культа на Руси.

Языческие верования наших предков вообще малоизвестны. Как и все арийцы, русские славяне поклонялись силам видимой природы и почитали предков. Силы природы воплощались у них в личные божества. Первое место среди них занимало божество солнца – Дажьбог или Дажь бог, Хорс, Велес или Волос. Трудно сказать, почему ему давались различные имена: Дажьбога почитали, как источник тепла и света, как подателя всех благ; Велеса – как покровителя стад или «скотьяго бога»; «великим Хорсом» по-видимому называли самое солнечное светило, свершающее путь по небу. Другим божеством был Перун, в котором олицетворялась гроза с страшным громом и смертоносною молниєю. Ветер имел свое божество – Стрибога. Небо, в котором пребывал Дажьбог, звалось Сварогом и считалось отцом солнца, почему Дажьбогу было усвоено отчество Сварожича. Божество земли носило имя Мать-Земля сырая; почитая землю, как свою мать, славяне чтили Дажьбога и Велеса, как дедов человеческих. Но все эти образы богов не получили у славян той ясности и определенности, как, например, в более развитой греческой мифологии. Внешний культ у славян также не был развит: не было ни храмов, ни особого сословия жрецов. Кое-где на открытых местах ставились грубые изображения богов, «идолы». Им приносились жертвы, иногда даже человеческие; этим и ограничивалось идолослужение. Замечательно, что варяжская (германская) мифология не оказала никакого влияния на славянскую, несмотря на политическое господство варягов; так было по той причине, что языческие верования варягов не были ни яснее, ни крепче славянских: варяги очень легко меняли свое язычество на славянский культ, если не принимали греческого христианства. Князь Игорь, варяг по происхождению, и его варяжская дружина уже клялись славянским Перуном и поклонялись его идолу.

В.М. Васнецов. Встреча князя Олега с волхвом

Более культа видимой природы у русских славян был развит культ предков, связанный с родовым бытом. Родоначальник, давно умерший, обоготворялся и считался как бы живым покровителем своего потомства. Его звали родом, щуром (отсюда наше слово пращур) и приносили ему жертвы. Прародительницы рода назывались рожаницами и так же почитались, как и род. С падением родовых связей, когда семьи обособлялись в отдельных дворах, место рода

заступил семейный предок – дедушка домовый, покровитель своего двора, невидимо управляющий ходом его хозяйства. Вера в загробную жизнь, проникавшая весь этот культ предков, сказывалась и в том веровании, что души умерших будто бы бродили по земле и населяли поля, леса и воды (русалки). Веря в существование таинственных хозяев человеческих жилищ, славянин искал таких же хозяев жилищ, в лесу (лешие), в воде (водяные). Вся природа казалась ему одухотворенной и живой. Он вступал с ней в общение, хотел участвовать в тех переменах, которые совершались в природе, и сопровождал эти перемены различными обрядами. Так создавался круг языческих праздников, связанных с почитанием природы и с культом предков.

Наблюдая правильную смену лета зимою, а зимы летом, видя как бы уход солнца и тепла к зиме и их возвращение к лету, славяне приветствовали «поворот солнца на лето» особым праздником – колядою (от латинского *calendae*; другое название этого праздника «овсень» – от «о-весень»). За этим праздником следовали другие в честь того же солнца – проводы зимы, встреча весны («красная горка»), проводы лета (праздник «купалы»). Одновременно шли праздники и в воспоминание об умерших, носившие общее название тризн. Была весенняя тризна по предкам – «радуница», был летний праздник «русалий», такого же поминального характера. Обряды, сопровождавшие языческие праздники, пережили самое язычество. Они удержались в народе даже до нашего времени и были приурочены к праздникам христианского календаря: коляда – к Святкам, проводы зимы – к масленице, красная горка и радуница – к Святой и Фоминой неделям, «купала» и русалий – к Иванову дню.

Христианство на Руси до крещения князя Владимира. Не достигшее большого развития и не имевшее внутренней крепости языческое мирозерцание наших предков должно было легко уступать посторонним религиозным влияниям. Если славяне легко примешивали к своим суевериям суеверия диких финнов и подпадали влиянию финских шаманов – «волхвов» и «кудесников», – то тем более должна была влиять христианская вера на тех из славян, которые могли ее узнать. Торговые сношения с Грецией облегчали для Руси знакомство с Христовою верою. Варяжские купцы и дружинники, раньше и чаще славян ходившие в Царьград, прежде славян стали там обращаться в христианство и приносили на Русь новое учение, передавая его славянам. В княжение Игоря в Киеве была уже христианская церковь св. Илии, так как, по словам летописца, в Киеве «мнози бо беша варязи христиани». В дружине самого князя Игоря было очень много христиан. Жена князя св. Ольга также была христианкой. Словом, христианская вера стала хорошо знакома киевлянам еще при первых варяжских князьях. Правда, Святослав был холоден к греческой вере, а при сыне его Владимире в Киеве еще стояли языческие «кумиры» (идолы) и еще бывали пред ними человеческие «требы» или жертвы. Летописец рассказывает, как при Владимире языческая толпа киевлян однажды (983) убила двух варягов-христиан, отца и сына, за отказ отца добровольно отдать своего сына в жертву «богам». Но все же несмотря на мучение христиан, христианство в Киеве продолжало распространяться и в общем делало большие успехи. Князь Владимир принял новую веру, имея полную возможность познакомиться с ней и узнать ее превосходство и внутреннюю силу.

Летописное предание о крещении князя Владимира. О том, как крестился князь Владимир и как он крестил свой народ, на Руси существовало много преданий. Не помня точных обстоятельств дела, одни рассказывали, что князь крестился в Киеве; другие указывали место его крещения в городе Василеве (в 35 верстах от Киева); третьи говорили, что он принял крещение в Крыму, в греческом городе Корсуне (Херсонесе), после того, как взял этот город у греков. Лет сто спустя после крещения Руси летописец занес в свою летопись такие предания об этом событии:

Пришли (говорит он [летописец]) к Владимиру (968) сначала волжские болгары, похваляя свое магометанство, затем немцы от римского папы, затем хазарские евреи с проповедью своего закона и, наконец, греческий философ с православным учением. Все они хотели привлечь Владимира к своей вере. Он же выслушал их и всех отослал прочь, кроме грека. С греком

он беседовал долго, отпустил его с дарами и почестями, но пока не крестился. В следующем году (987) созвал Владимир своих советников и рассказал им о приходе к нему проповедников, прибавив, что более всего его поразили рассказы греческого философа о православной вере. Советники дали мысль князю послать в разные страны своих послов посмотреть: «кто как служит Богу?» Побывав и на востоке, и на западе, послы попали в Царьград и были поражены там несказанным благолепием греческого богослужения. Они так и сказали Владимиру, прибавив, что сами не хотят оставаться более в язычестве, познав православие. Это испытание вер через послов решило дело. Владимир прямо спросил своих советников: «Где крещение примем?» А они согласно ответили: «Где тебе любо». И вот в следующем, 988 году Владимир пошел с войском на Корсунь и осадил его. Город упорно сопротивлялся. Владимир дал обет креститься, если возьмет Корсунь, и действительно взял его. Не крестясь еще, он послал в Царьград к царям-братьям Василию и Константину, грозя идти на них и требуя за себя замуж их сестру Анну. Цари сказали ему, что не могут выдать царевну замуж за «поганого», т. е. за язычника. Владимир ответил, что готов креститься. Тогда цари прислали в Корсунь сестру свою и с ней духовенство, которое крестило русского князя и венчало его с царевной. Перед крещением Владимир заболел и ослеп, но чудесно исцелился во время самого таинства крещения. Помирясь с греками, он возвратился с православным духовенством в Киев и крестил всю Русь в православную греческую веру.

Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.

Показ греческим философом занавеси с изображением Иисуса Христа Владимиру Святославичу. Приношение даров греческому философу Владимиром Святославичем; уход греческого философа из Киева с почестями. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Таково сказание летописи. В нем, по-видимому, соединились в одну повесть разные предания: во-первых, предание о том, что Владимиру предлагали свою веру болгары, хазары,

немцы и греки, пришедшие в Киев и жившие в нем; во-вторых, предание о том, что Владимир, не только пребывавший во тьме язычества, но пораженный и физической слепотой, чудесно во время крещения прозрел сразу и духовными и телесными очами, и, в-третьих, предание о том, что для принятия греческой веры Владимир считал нужным осадить греческий город Корсунь, чтобы вместе с ним как бы завоевать и греческую веру, приняв ее рукою победителя.

Последнее предание было основано на действительном походе Владимира на Корсунь. В то время в Византийской империи произошло восстание войска под предводительством полководца Варды-Фоки. Греческое правительство, не располагая силами, искало помощи у киевского князя Владимира. Союз был заключен (987): Владимир соглашался послать свои войска в помощь Византии, за что получал руку греческой царевны Анны, а сам обязался принять христианство. Благодаря русскому вмешательству мятеж был подавлен и Варда-Фока погиб (988). Но византийцы после победы не исполнили своих обещаний, данных Владимиру. Тогда Владимир начал войну с греками, осадил и взял Корсунь – главный греческий город в Крыму – и настоял на исполнении греками договора. Он принял христианство и получил в супружество царевну (989). Где именно был он крещен и когда именно состоялось крещение – в 988 или в 989 г., – точно неизвестно.

Возвратившись из корсунского похода в Киев с греческим духовенством, Владимир начал обращать киевлян и всю Русь к новой вере. Он крестил в Киеве народ на берегу Днепра и его притока Почайны. Кумиры старых богов были повергнуты наземь и брошены в реку. На их местах были поставлены церкви. Так было и в других городах, где христианство водворяли княжеские наместники. По преданию, новая вера распространялась мирно, за исключением немногих мест. Так, в Новгороде пришлось применить силу. В глухих углах (например, у вятичей) язычество держалось, не уступая христианской проповеди, еще целые века; да и по всей стране старые верования не сразу были забыты народом и сплетались с новым вероучением в пеструю смесь веры и суеверия.

Последствия принятия Русью христианства

Внешнее устройство церкви в древней Руси. Крещение Руси не следует представлять себе как простую перемену верований. Христианство, став господствующей религией на Руси, выразилось не только в проповеди и богослужении, но и в целом ряде новых установлений и учреждений. Из Греции пришла на Русь иерархия: в Киеве стал жить русский митрополит, поставляемый Константинопольским патриархом; в других городах были поставлены подчиненные митрополиту епископы (на первых порах их было пять, потом число их дошло до пятнадцати). В Киеве и во всех епархиях строились церкви и устраивались монастыри; причты церквей и братия монастырей подчинялись своему епископу, а через него митрополиту. Таким образом власть митрополита простиралась на всю Русь и объединяла все духовенство страны. Вместе с христианством на Русь пришла письменность, а с нею книжное просвещение. Как ни слабо оно было на первых порах, оно все же оказывало могучее влияние на познавших его людей. Богослужебные и священные книги принесены были на Русь на доступном для всех языке – славянском, том самом, на котором изложили их славянские первоучители св. Кирилл и Мефодий и их болгарские ученики. Язык этих книг был вполне понятен русским, и «книжное учение» было поэтому не затруднено. Тотчас по крещении на Руси возникают школы с учителями священниками и появляются книжники – любители просвещения, собиравшие и переписывавшие книги. Митрополит и вообще духовенство управляли и судили подчиненных им людей так, как это делалось в греческой церкви, на основании особого сборника законов Номоканона, получившего на Руси в болгарском переводе название Кормчей книги. В этом сборнике заключались церковные правила Апостольские и вселенских соборов, также гражданские законы православных византийских императоров. Церкви принадлежали земли, на которых

духовенство и монастыри вели хозяйство по-своему, руководствуясь византийскими обычаями и законами, устанавливая такие юридические отношения к земледельцам, какие были приняты в Греции.

Таким образом на Руси вместе с новым вероучением появились новые власти, новое просвещение, новые законы и суды, новые землевладельцы и новые землевладельческие обычаи. Так как Русь приняла веру из Византии, то все новое, что пришло вместе с верою, имело византийский характер и служило проводником византийского влияния на Русь. Для того чтобы понять, как именно сказывалось это влияние, необходимо несколько ознакомиться с теми чертами общественного быта Руси в дохристианское время, которые наиболее характеризуют первобытность тогдашних общественных отношений.

Черты дохристианского быта русских славян. По нашим понятиям, государство, в котором мы живем, имеет право и в то же время обязанность карать виновных за преступления и проступки и по возможности предупреждать всякое нарушение порядка и права. Вор или убийца отыскивается и наказывается независимо от того, просят об этом или не просят потерпевшие от него люди. В древнейшее дохристианское время было не так. Князья не имели ни склонности, ни возможности вмешиваться в общественную жизнь и поддерживать порядок, когда к ним не обращалось за этим само население. Преступление тогда считалось «обиidou», за которую должен был отплатить, «отомстить» сам обиженный или его род. Человека защищал не князь, а свои близкие ему люди; за убитого «мстили» отец, братья, дяди, племянники. Обычай «кровной мести» и вообще «мести» был так широко распространен, что признавался даже законом, как нормальное правило. Иначе и быть не могло в таком обществе, где княжеская власть только что возникла, где князь был иноплеменником и был окружен дружиной таких же иноплеменников-варягов. Наподобие того, как варяжская дружина со своим конунгом-князем составляла особое сообщество среди славян, и самые славяне имели такие же особые союзы и сообщества. Они жили или родами, или общинами; в других случаях они сами устраивали дружины и торговые товарищества в городах. Каждый человек, принадлежавший к какому-нибудь союзу или входивший в какое-нибудь сообщество, пользовался защитой рода, общины, дружины, товарищества, и мало надеялся на князя, потому что княжеская власть была еще слаба. Лишенный покровительства своих близких, прогнанный из какого-либо сообщества человек становился беззащитным, потому что никто не шел к нему на помощь; его можно было, по старому выражению, «убита во пса место» – и остаться без всякого наказания и возмездия. Такие беспризорные и беззащитные люди назывались изгоями (от того же корня, как и слово «гой»: «гой еси» значило: будь здоров, будь жив); изгой были как бы «изжитые», выкинутые из жизни вон люди. В одном церковном уставе XII в. дается такое определение изгоям: «Изгой – трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет».

Родовой быт первоначально вел людей к обособлению. Роды жили замкнуто, чуждались один другого и враждовали один с другим. А между тем каждому роду было необходимо со стороны добывать невест для браков своих родичей. Отсюда возник обычай добывать их насильем и хитростью, посредством «умычки» или увоза. Впоследствии этот обычай смягчился: если невесту «умыкали», то по предварительному с ней уговору. В то же время возникли и другие способы заключения брака: жених мирно приходил за невестой и выкупал ее у рода, уплачивая за нее «вено». Кое-где, там, где нравы были мягче, брак заключался ближе к нашим обычаям: невеста приезжала в дом жениха и за ней привозили ее приданое. Но так бывало, по словам летописца, только у полян. В прочих же местах семейный быт отличался грубостью, тем более, что везде существовал обычай многоженства. Предание говорит, что сам князь Владимир до крещения своего держался этого обычая. Положение женщины в семье, особенно при многоженстве, было очень тяжело, о чем свидетельствуют народные песни. В них горько оплакивается судьба девушки, отдаваемой или продаваемой в чужой род.

В языческое время на Руси было лишь одно сословное различие: люди делились на свободных и несвободных, или рабов. Свободные назывались мужами, рабы носили название челядь (в единственном числе холоп, роба). Положение рабов, очень многочисленных, было тяжело: они рассматривались как рабочий скот в хозяйстве своего господина. Они не могли иметь собственного имущества, не могли быть свидетелями в суде, не отвечали за свои преступления. За них отвечал господин, который имел право жизни и смерти над своим холопом и наказывал его сам, как хотел. Свободные люди находили себе защиту в своих родах и сообществах; холоп мог найти себе защиту только у господина; когда же господин его отпускал на волю или прогонял, раб становился изгоем и лишался всякого покровительства и пристанища.

Таким образом, в языческом обществе княжеская власть не имела той силы и значения, какое имеет государственная власть теперь. Общество делилось на самостоятельные союзы, которые одни лишь своими силами охраняли и защищали своих членов. Вышедший из своего союза человек оказывался бесправным и беззащитным изгоем. Семья, при обычае многоженства, умычки и покупки невест, имела грубый языческий характер. Рабство было очень распространено и притом в тяжелой форме. Грубая сила господствовала в обществе, и человеческая личность сама по себе в нем не имела никакого значения.

Влияние церкви на гражданский быт. Христианская церковь, основанная на Руси князем Владимиром, не могла примириться с таким порядком. Вместе с Христовым учением о любви и милости церковь принесла на Русь и начала византийской культуры. Уча язычников вере, она стремилась улучшить их житейские порядки. Под влиянием христианства отдельные лица из языческой среды изменяли к лучшему свои взгляды и права, шли вслед Христу и являли высокие примеры нравственной христианской жизни и даже подвижничества. О самом князе Владимире предание говорит, что он смягчился под влиянием новой веры, стал милостив и ласков. Среди дружины и земских людей появилось много благочестивых христиан, почитавших церковь, любивших книги и иногда уходивших от мирских соблазнов в монастыри и в пустынное житье. Через свою иерархию и примеров ревнителей новой веры церковь действовала на нравы и учреждения Руси. Проповедью и церковною практикой она показывала, как надо жить и действовать в делах личных и общественных.

Церковь старалась поднять значение княжеской власти. Князей она учила, как они должны управлять: «воспрещать злым и казнить разбойников». «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование», – говорило духовенство князю Владимиру, указывая ему, что князь не может оставаться безучастным к насилию и злу в своей земле, что он должен блюсти в ней порядок. Такой взгляд духовенство основывало на убеждении, что княжеская власть, как и всякая земная власть, учинена от Бога и должна творить Божью волю. Но так как «всяка власть от Бога» и так как князь «есть Божий слуга», то ему надлежит повиноваться и его надлежит чтить. Церковь требовала от подданных князя, чтобы они «имели приязнь» к князю, не мыслили на него зла и смотрели на него как на избранника Божия. Очень грубо было воззрение языческой Руси на князей, как на дружинных конунгов, которые берут дань за свои военные услуги земле и которых можно погонять, если они не угодны, и даже убивать (как древляне Игоря). Церковь всячески боролась с таким взглядом и поддерживала авторитет князей, смотря на них как на прирожденных и богоданных государей. Когда князья сами роняли свое достоинство в грубых ссорах и междоусобиях («которах» и «кормолах»), духовенство старалось мирить их и учить, чтобы они «чтили старейших» и «не переступали чужого предела». Так духовенство проводило в жизнь идеи правильного государственного порядка, имея пред собою пример Византии, где царская власть стояла очень высоко.

Найдя на Руси ряд союзов, родовых и племенных, дружинных и городских, церковь образвала собою особый союз – церковное общество. В состав его вошло духовенство, затем люди, которых церковь опекала и питала, и, наконец, люди, которые служили церкви и от нее зави-

сели. Церковь опекала и питала тех, кто не мог сам себя кормить: нищих, больных, убогих. Церковь давала приют и покровительство всем изгоям, потерявшим защиту мирских обществ и союзов. Церковь получала в свое владение села, населенные рабами. И изгои, и рабы становились под защиту церкви и делались ее работниками. Всех своих людей одинаково церковь судила и рядила по своему закону (по Кормчей книге) и по церковным обычаям; все эти люди выходили из подчинения князю и становились подданными церкви. И как бы ни был слаб или ничтожен церковный человек, церковь смотрела на него по-христиански – как на свободного человека. Для церковного сознания все были братья во Христе, и не было пред Господом ни раба, ни господина. В церкви не существовало рабства: рабы, подаренные церкви, обращались в людей, лично свободных; они были только прикреплены к церковной земле, жили на ней и работали на пользу церкви. Таким образом, церковь давала светскому обществу пример нового, более совершенного и гуманного устройства, в котором могли найти себе защиту и помощь все немощные и беззащитные.

Церковь затем влияла на улучшение семейных отношений и вообще нравственности в русском обществе. На основании греческого церковного закона, принятого и подтвержденного первыми русскими князьями в их «церковных уставах», все проступки и преступления против веры и нравственности подлежали суду не княжескому, а церковному. Церковные суды, во-первых, судили за святотатство, еретичество, волшебство, языческие моления. Церковные суды, во-вторых, ведали все семейные дела, возникавшие между мужьями и женами, родителями и детьми. Церковь старалась искоренить языческие обычаи и нравы в семейном быту: многоженство, умыкание и покупку жен, изгнание жены мужем, жестокости над женами и детьми и т. п. Применяя в своих судах византийские законы, более развитые, чем грубые юридические обычаи языческого общества, духовенство воспитывало лучшие нравы на Руси, насаждало лучшие порядки.

В особенности восставало духовенство против грубых форм рабства на Руси. В поучениях и проповедях, в беседах и разговорах представители духовенства деятельно учили господ быть милосердными с рабами и помнить, что раб – такой же человек и христианин, как и сам его господин. В поучениях запрещалось не только убивать, но и истязать раба. В некоторых случаях церковь прямо требовала у господ отпуска рабов и рабынь на свободу. Получая рабов в дар, церковь давала им права свободных людей и селила их на своих землях; по примеру церкви иногда то же делали и светские землевладельцы. Хотя такие примеры были редки, хотя увещания благочестивых поучений и не искореняли рабства, однако изменялся и смягчался самый взгляд на раба, и дурное обращение с рабами стало почитаться «грехом». Оно еще не каралось законом, но уже осуждалось церковью и становилось предосудительным.

Так широко было влияние церкви на гражданский быт языческого общества. Оно охватывало все стороны общественного устройства и подчиняло себе одинаково как политическую деятельность князей, так и частную жизнь всякой семьи. Это влияние было особенно деятельно и сильно благодаря одному обстоятельству. В то время как княжеская власть на Руси была еще слаба и киевские князья, когда их становилось много, сами стремились к разделению государства, – церковь была едина и власть митрополита простиралась одинаково на всю Русскую землю. Настоящее единовластие на Руси явилось прежде всего в церкви, и это сообщало церковному влиянию внутреннее единство и силу.

Христианское просвещение на Руси. Рядом с воздействием церкви на гражданский быт Руси мы видим и просветительскую деятельность церкви. Она была многообразна. Прежде всего просветительное значение имели те практические примеры новой христианской жизни, которые давали русским людям отдельные подвижники и целые общины подвижников – монастыри. Затем просветительное влияние оказывала письменность, как переводная греческая, так и оригинальная русская. Наконец, просветительное значение имели те предметы и памятники искусства, которые церковь создала на Руси с помощью греческих художников.

Киевский Софийский собор

Практические примеры христианской жизни являли как мирские, так и церковные люди. Летописец говорит, что сам князь Владимир после крещения стал добрым и милостивым, заботился об убогих и нищих, думал о книжном просвещении. Среди его сыновей были также благочестивые князья. В среде простых людей, на первых же порах после принятия новой веры, являются христиане в самом высоком смысле слова. Таков, например, Иларион, из священников села Берестова (около Киева), поставленный в сан русского митрополита за свое благочестие, ученость и удивительный ораторский талант. Таков св. Феодосий, игумен Печерского киевского монастыря, с детства проникнутый Христовым учением, оставивший зажиточный дом для монашеской убогой жизни и стяжавший себе славу подвижника, писателя и проповедника. Влияние подобных людей в русском обществе было очень велико и благотворно. Вокруг них собирались их последователи и ученики и образовывали целые общины, называемые монастырями. Древние монастыри не всегда были похожи на нынешние. Удалясь из городов в лесную глушь, тогдашние монахи составляли свое особое поселение, как бы в пустыне, не имея до времени ни храма, ни монастырских стен. Их община кормилась своими трудами и терпела нужду даже во всем необходимом до той поры, пока не получала известности и не привлекала благочестивых поклонников. Строгая жизнь и трогательное братство иноков, способ

хозяйства их, совершенно новый для языческой среды, основанный наличном бескорыстии иноков и на их неустанном труде на пользу братии, – все это очень сильно действовало на умы тогдашних людей. Они желали помочь благочестивой братии, чем могли: строили в монастыре храмы, дарили монастырю земли и рабов, жертвовали золото и драгоценности. Скрамная община монахов превращалась в богатый и благоустроенный монастырь и делалась религиозным и просветительным средоточием для своей области. Монастырь учил не только вере, но и «книжному почитанию», и хозяйственным приемам. В монастырях образовывались целые библиотеки и процветала грамотность; почти все знаменитые писатели Киевской Руси вышли из монастырей. Хозяйство монастырей устраивалось по византийским образцам и руководилось византийскими законами и правилами. В этом хозяйстве не было рабов, потому что церковь не допускала у себя рабства. Рабочий люд был лично свободен, но прикреплен к церковной земле и управлялся церковными властями. На обширных землях монастырей все хозяйственные порядки устанавливались сообразно указаниям греческого закона и отличались правильностью и стройностью. Поэтому монастырское (и вообще церковное) землевладение становилось образцом не только для частных, но даже и для княжеских земельных хозяйств.

В первое время христианская письменность на Руси не была обширна. Книги, принесенные на Русь вместе с крещением, представляли собой болгарские переводы библии, богослужебных книг, поучений, исторических книг, Кормчей книги и т. п. Под влиянием этой болгарской письменности создавалась и собственная русская письменность, в которой главное место занимали летописи и жития святых, поучения и молитвы. Эта письменность, за немногими исключениями, не отличалась ни ученостью, ни литературным искусством. Первые киевские писатели были просто грамотными людьми, обладавшими некоторою начитанностью. Они подражали переводным образцам так, как умели, без школьной учености и риторического искусства. Тем не менее их произведения оказывали заметное влияние на духовную жизнь наших предков и содействовали смягчению нравов на Руси.

Наконец, христианская вера на Руси совершила переворот в области пластического искусства. Языческая Русь не имела храмов и довольствовалась изваяниями идолов. Христианство повело к созданию громадных каменных храмов в главнейших городах. Киевский храм Успения Богоматери, получивший название Десятинной церкви потому, что Владимир уделил на его содержание «десятину» (т. е. десятую часть) княжеских доходов, был древнейшим каменным храмом в Киеве. Киевская церковь св. Софии, новгородская церковь св. Софии и другие храмы в главнейших городах Руси были созданы вслед за Десятинною церковью. Они строились по византийским образцам и украшались богатейшими мозаиками и фресками. Архитектурное дело и живопись под влиянием церковного строительства достигли в Киеве значительного развития. А с ними вместе развились и прочие искусства и художественные ремесла, в особенности же ювелирное дело и производство эмали. Первыми мастерами во всех отраслях художественного производства были, конечно, греки. Позднее под их руководством появились и русские мастера. Развилось, таким образом, национальное искусство. Но оно в Киевской Руси отличалось резко выраженным византийским характером, и поэтому известно в науке под именем русско-византийского.

Киевская Русь в XI–XII веках

Принятие христианства с его многообразными последствиями представляет собой в истории Киевской Руси тот рубеж, который отделяет древнейшую эпоху от эпохи XI и XII вв. Изучая период дохристианский, мы приходим к тому заключению, что единоедержавия в то время не было; Русь несколько раз дробилась на княжества (после Святослава, Владимира Св.). При жизни князя-отца сыновья сидели наместниками в главных городах и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность

приводила к тому, что в конце концов восстанавливалось единое государство. Братья, враждующие из-за наследства, обыкновенно истребляли друг друга. После такой борьбы между сыновьями Св. Владимира Русь разделилась на две части: левою стороною Днепра владел Мстислав, правую – Ярослав.

Великий князь Ярослав Владимирович. Титулярник 1672 г.

По смерти же Мстислава Ярослав владел всей землей; умирая (1054), он разделил землю таким образом: старшему сыну Изяславу дал Киев и Новгород, т.е. оба конца водного торгового пути (очевидно, что Изяслав был самый богатый, самый могущественный князь), второму сыну Святославу – Чернигов, третьему – Всеволоду – Переяславль (недалеко от Киева), четвертому – Вячеславу – Смоленск, пятому – Игорю – Владимир-Волынский; но у Ярослава был еще внук от старшего сына, Владимира Ярославовича, доблестный Ростислав, о котором сложилось много легенд; ему Ярослав ничего не дал. Ростислав бросился сам на Тмутаракань, захватил ее и оставил за собою. Ярослав велел почитать Изяслава, как старейшего, но Изяслав не сумел поддержать свой авторитет, восстановил против себя киевлян, которые его изгнали. Возвратясь затем в Киев, Изяслав был вторично изгнан оттуда братьями; он бежал в Польшу; киевский стол занял Святослав и княжил там до смерти. Затем Киев опять переходит к Изяславу, а Чернигов в это время достается Всеволоду. После смерти Изяслава, киевский престол занял Всеволод, а второй город – Чернигов – Всеволод отдал своему старшему сыну Владимиру. Детей Святослава он совсем вычеркнул из общего наследия, как изгоев, которые не имели права на великокняжеский престол, ибо отец их не мог бы стать великим князем, если бы соблюдал старшинство и не прогнал с престола старшего брата своего, который его пережил. В 1093 г. умер Всеволод, оставив после себя сына Владимира, прозванного Мономахом по имени своего деда со стороны матери. Владимир не встретил бы препятствий со стороны киевлян, если бы захотел занять отцовский великокняжеский престол, но, не желая новых усобиц и соблюдая родовое старшинство, Мономах предоставляет киевский стол старшему из своих двоюродных братьев, Святополку Изяславичу, который, как старший в роде, имел на великокняжеский стол все права. Этот князь, однако, не умел поддержать спокойствие в русской земле и потому не пользовался народным расположением; во время его княжения Святославичи, признанные изгоями со стороны своих дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться полноправности и заявили притязание на черниговский стол, занятый Мономахом. После долгих смут Любечским съездом 1097 г. права Святославичей на Чернигов были восстановлены и вместе с тем съезд поделил все русские волости между князьями на началах справедливости, утвердив пра-

вило: «каждо да держит отчину свою». Но справедливость была вскоре попорана главным ее блюстителем Святополком, который, действуя заодно с Давидом Игоревичем, ослепил одного из князей изгоев Василька. Это насилие повлекло за собой новые убоицы, для прекращения которых был назначен новый съезд. В 1100 г. в городе Уветичах, или Витичеве, Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собой союз для восстановления мира на Руси. Когда Витичевским съездом был водворен порядок во внутренних делах, тогда стало возможно подумать и о делах внешних – о борьбе с половцами. Владимир и Святополк съехались на берегу Долобского озера (1103) и решили двинуться общими силами на половцев. Эти съезды – Любечский, Витичевский и Долобский – показывают нам, что в важных спорных вопросах князя – внуки Ярослава – прибегают к съездам как к высшему учреждению, имеющему право безапелляционного решения. События же, их вызвавшие, свидетельствуют, что Русь во время княжения Святополка не пользовалась спокойствием и что нарушителем этого спокойствия часто был сам великий князь. Понятно, почему до смерти Святополка (1113) даже летописец, всегда готовый хвалить покойного князя, хранит о нем полное молчание.

А. Д. Кившенко. Владимир Мономах: Долобский съезд в 1103 г.

После смерти нелюбимого князя киевляне посылают звать на великокняжеский престол Владимира Мономаха, но Мономах, не желая нарушать раз признанные права Святославичей, отказывается от великого княжения. Однако киевляне, не любившие Святославичей, не принимают ни Святославичей, ни отказа Мономаха и отправляют к нему новое посольство с тем же предложением, угрожая возмущением в случае его упорства; тогда Владимир вынужден был согласиться и принять Киев. Так воля граждан нарушила права старшинства, передав их в руки достойнейшему помимо старейшего. Однако это нарушение старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новые убоицы, и если при жизни сильного и всеми любимого Мономаха Святославичи должны были затаить свою ненависть к невольному нарушителю их прав, то они передали эту ненависть своим детям; она-то и послужила причиной кровавых убоиц между потомством Святослава и потомством Всеволода. Эти убоицы произошли значительно позднее. Потомки Святослава Черниговского не препятствовали тому, что после смерти Мономаха (1125) занял киевский стол сын его Мстислав. Да и нелегко было оспаривать у него великокняжеский стол: Святославичи, по тогдашним понятиям, потеряли свои права на Киев, оттого что не противились занятию киевского стола Мономахом; этим они понизили свой род перед родом Мономаха и утратили, не только в настоящем, но и в будущем всякое право на великокняжеский стол. Со стороны черниговских князей также не последовало возобновления притязаний на Киев и тогда, когда (1132) Мстислав умер и старшинство перешло в руки

брата его Ярополка Владимировича, что вполне согласовалось с желанием киевлян, никого не желавших, кроме Мономаховичей. Черниговские князья не могли протестовать, ибо они были бессильны, пока мир господствовал в роде Мономаха. В княжение Ярополка, однако, этот мир был нарушен. Перед смертью Мстислав обязал своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславль его старшему сыну Всеволоду Мстиславовичу. Вступив на великокняжеский престол, Ярополк исполнил предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствие со стороны младших сыновей Мономаха – Юрия Ростовского и Андрея Владимиро-Волынского. Узнав о перемещении племянника в Переяславль, они сочли это шагом к старшинству помимо их и поспешили выгнать Всеволода из Переяславля. Тогда Ярополк водворил туда второго Мстиславича – Изяслава, княжившего в Полоцке. Но и это распоряжение не успокоило младших князей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего князя киевского. Чтобы успокоить братьев, Ярополк вывел и Изяслава из Переяславля и послал туда брата своего Вячеслава, но тот скоро сам оставил эту область, и она была уступлена Юрию Ростовскому.

А. И. Иванов. Единоборство Мстислава Удалого с косожским князем Редедей

Враждой между дядями и племянниками в потомстве Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и предъявляли свои права на великое княжение. Обстоятельства сложились благоприятно для Святославичей: Ярополк Владимирович скончался в 1139 г. и место его заступил брат его Вячеслав, человек бесхарактерный и неспособный. Таким ничтожеством великого князя воспользовались Святославичи в лице Всеволода Ольговича; он подступил к

Киеву и занял его. Вячеслав не оспаривал у него великого княжения, и Всеволод не только сам остался в Киеве до своей кончины, но и укрепил там после себя брата своего Игоря. Но едва Игорь вокняжился, как киевляне отправили посольство звать на киевский стол Изяслава Мстиславича. Последний немедленно двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода как мужа старшей сестры своей, но что других Ольговичей на киевском столе не потерпит. Киевляне перешли на его сторону. Игорь был взят в плен и погиб, а Изяслав занял великокняжеский стол.

В лице Изяслава род Мономаха снова восторжествовал над родом Святослава. Но самовольный захват Изяславом киевского стола вооружил против него двух старших Мономаховичей, двух его дядей – Вячеслава, который был изгнан Всеволодом Ольговичем, и Юрия, князя Ростовского. Юрий, недовольный тем, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, начал с Изяславом борьбу и одержал верх. Изяслав удалился во Владимир-Волынский, а в Киеве стал княжить Юрий. Но и он недолго удержал за собой киевский стол; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себе Киев, а чтобы обеспечить себя от обвинений в незаконном захвате престола, он пригласил в Киев старшего дядю Вячеслава, который, довольствуясь почетом, предоставил всю власть племяннику. Однако Юрий не оставил своих притязаний на Киев, несмотря на то, что Изяслав обставил дело вполне законно, воспользовался первой удобной минутой и подступил к Киеву. Изяслав и Вячеслав оставили город, и Юрий вторично завладел им, опять-таки ненадолго. Киевские граждане любили Изяслава и при первом его появлении перешли на его сторону. Юрий снова уехал из Киева, а Изяслав, верный прежнему намерению, стал княжить именем Вячеслава. В 1154 г. Изяслав умер; престарелый Вячеслав вызвал другого своего племянника – Ростислава Смоленского, и киевляне присягнули ему, заключив, однако, договор, что он будет чтить своего дядю Вячеслава, как делал это его покойный брат. После же смерти Вячеслава киевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей, но тут снова явился Юрий, и престол, в третий раз перейдя к нему, остается за ним до его смерти. В 1157 г. Юрий умирает, и киевляне, нелюбившие этого князя, хотя он и был Мономахович, снова зовут на киевский стол Изяслава Давидовича. Тогда один из младших Мономаховичей, Мстислав Изяславич Владимиро-Волынский, опасаясь, что киевский стол уйдет из рук Мономаховичей, изгнал Изяслава из Киева и водворил там своего дядю Ростислава, а после смерти его в 1168 г. сам занял великокняжеский престол. В то же время претендентом на Киев является сын Юрия – Андрей, которого Мстислав обошел, как раньше отец его Изяслав обошел дядю своего Юрия. Победа в борьбе осталась на стороне Андрея: в 1169 г. Киев был им взят, а Мстислав удалился в свою Волынскую область. Киев был ограблен и сожжен, а сам победитель не остался в нем и ушел на север.

Ожесточенное сражение во время грозы войск Мстислава Владимировича Тмутараканского с войсками Ярослава Владимировича Киевского и его союзниками варягами. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Таковы факты политической жизни так называемого Киевского периода. Из всего сказанного мы можем сделать вывод, что в данное время признавался правильным порядок наследования и владения родовой – от брата к брату и от дяди к племяннику, и что этот порядок в первое же время своего существования терпел нарушения. События времени внуков и правнуков Ярослава ясно показывают, что эти нарушения были чрезвычайно часты и что наследование столов запутывалось до чрезвычайности. Вопрос о политическом устройстве Киевской Руси поэтому представляет много трудностей; он вызывал массу исследований и споров между историками. Научная полемика вращалась здесь около двух вопросов: 1) что породило и поддерживало раздробление на княжества древней Руси? 2) на каком принципе, при таком положении дел, держалось единство Русской земли?

Ответ на первый вопрос сначала казался очень простым. Историки прошлого века, и отчасти Карамзин, объясняли его тем, что князья не желали обижать сыновей и всем им давали землю; но впоследствии поняли, что личный княжеский произвол не может раздробить государство, которое обладает национальным единством, и стали искать причину в других явлениях, в обычаях и отвлеченных воззрениях племен. Одни думали, что политическое дробление вообще в нравах и обычаях славян (впервые эта мысль была высказана Надеждиным). Другие (как Погодин) видели причину образования многих княжеских столов в том, что князья, как собственники земли, считали себя вправе, по обычаю славянскому, владеть землею сообща. Наконец, третьи (школа родовой быта) удачно подметили родовой порядок наследования столов и думали, что родовой быт князей в одно время и поддерживал земское единство, и делил землю на части по числу родичей, имеющих право на владение родовым имуществом. В последнее время исследователи искали причины раздробления Руси в реальных условиях общественной жизни: Пассек находил эти причины в стремлении городских общин к автономии; Костомаров полагал, что причины эти вытекали из стремления к обособлению не городских общин, а племен, входивших в состав Киевского княжества (он насчитывал 6 племен); Ключевский, в сущности, поддерживал взгляд Пассека, говоря таким образом: «Русская земля первоначально сложилась из самостоятельных городских областей помощью тесного союза двух аристократий – военной и торговой. Когда этот союз земских сил распался (благодаря подвижности, бродячести князей), составные части земли стали также возвращаться к прежнему политическому обособлению, тогда знать торгового капитала осталась во главе местных миров и аристократии оружия со своими князьями поверх этих миров» («Боярская Дума»).

Второй вопрос – на чем держалось единство земли? – разрешался также различно. Прежние историки и даже Карамзин не останавливались над ним долго: они говорили, что единство земли основывалось на чувстве княжеского родства, которое связывало князей в одно целое. Школа родовой быта первая дала научное построение вопросу, основываясь на понятии родовой владения. Род князей, представляя одно неразрывное целое, соединяет в своем владении землю. Землю сразу владеют все князья, помня, что сами «одного деда внуки». Русь была, таким образом, единым государством, потому что она была владением одного рода. Иного мнения были представители федеративной теории, во главе которой стоял Костомаров: он видел в древней Руси федерацию, основанную на единстве происхождения и языка, единстве веры в церкви и, наконец, на единстве династии, правящей страной. Но федерация предполагает существование некоторых постоянных учреждений, общих для всей федерации, между тем на Руси таких учреждений указать нельзя; княжеские съезды, например, не представляют ничего юридически определенного. Вот почему федеративную теорию сменила новая, договорная, принадлежащая Сергеевичу. Еще Чичерин говорил, что древняя Русь не знала государственного порядка и жила на праве частном, на порядке договорном. Исходя из этой мысли, Сергеевич пришел к тому выводу, что древняя Русь не имела политического единства, и единственным движущим началом жизни было начало личного интереса. Князья не знают сдержки личному произволу, они не наследуют столов по праву, а «добывают» их силой или искусством,

формулируя свои отношения к другим князьям и к земщине условиям «рядов», т.е. договоров; о единстве государства не может быть и речи. Ключевский говорит, что в основании единства русской земли лежат две связи: 1-я родственная, связывающая князей, 2-я экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетание условий, вытекающих из экономической жизни волостей, с условиями родового быта князей породило постоянное движение князей по городам и постоянное взаимодействие земских миров. В этом и выражалось единство Русской земли. Все приведенные учения были правы, потому что все освещали правильно одну какую-нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законного владения, собственно идею порядка (это школа родового быта); другие занимались не столько изучением норм, хотя бы и идеальных, сколько исследованием их нарушений (Сергеевич); третьи отметили роль общества в древней Руси, причем принимали ее различно (Костомаров и Пассек). Каждый вносил свой взгляд, и взгляд этот возбуждал возражения других. При всех разногласиях, существующих в вопросе, можно, однако, сказать, что вопрос теперь достаточно освещен в основных своих чертах. Родовой порядок наследования столов как идеальная законная норма, несомненно, существовал. Но рядом с ним существовали и условия, подрывавшие правильность этого порядка. Так, княжеские съезды нередко постановляли решения, противные законному течению исследования. Любечский съезд князей (1097) поставил решение о князьях, чтобы каждый из них «держал отчину свою». Этот принцип отчинности, т.е. семейного наследования от отца к сыну, бесспорно начинал слагаться в умах этой эпохи, разлагая родовое начало. (Очень хорошо раскрыто это в новой книге «Княжое право в древней Руси» А. Е. Преснякова.) Произвол князей, или не признававших законного порядка и авторитета старших, или же нарушавших, благодаря силе и старшинству, интересы младших князей, – тоже препятствовал правильности политической жизни. Изгойство, исключение князей из прав их состояния создавало по краям Русской земли такие области изгоев, которыми они владели уже прямо по семейному, а не по родовому порядку; владетель-изгой не мог претендовать на иные волости, но и на его волость не должны были претендовать другие князья. Наконец, если мы вспомним вмешательство в политические дела и в вопросы наследования городских веч, которые иногда не признавали для себя обязательными счета княжеского старшинства и звали в города князей по своему выбору, то мы укажем все важнейшие условия, разлагавшие правильный порядок политической жизни.

Великий князь Владимир Мономах. Титулярник 1672 г.

Наличность этих условий служит ясным доказательством того, что политическое устройство Киевского княжества было неустойчиво. Составленное из многих племенных и городских миров, это княжество не могло сложиться в единое государство в нашем смысле слова и в XI в. распалось. Поэтому точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Это самосознание достоверно существовало: с его высоты народ осуждал

свое политическое неустройство, осуждал князей за то, что они «несли землю розно» своими «которами», т.е. распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой «земли Русской».

Политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси.

От общей формы политического быта перейдем к его частностям. Мы заметили, что первой политической формой, которая зародилась на Руси, был быт городской или областной. Когда областная и городская жизнь уже сложилась, в города и области явилась княжеская династия, объединившая все эти области в одно княжество. Рядом с властями городскими стала власть княжеская. Этим и обуславливается тот факт, что в XI–XII вв. наблюдается на Руси два политических авторитета: 1) княжеский и 2) городской, или вечевой. Вече старше князя, но зато князь часто виднее веча; последнее иногда на время уступает ему свое значение.

К. В. Лебедев. Сбор дани князем

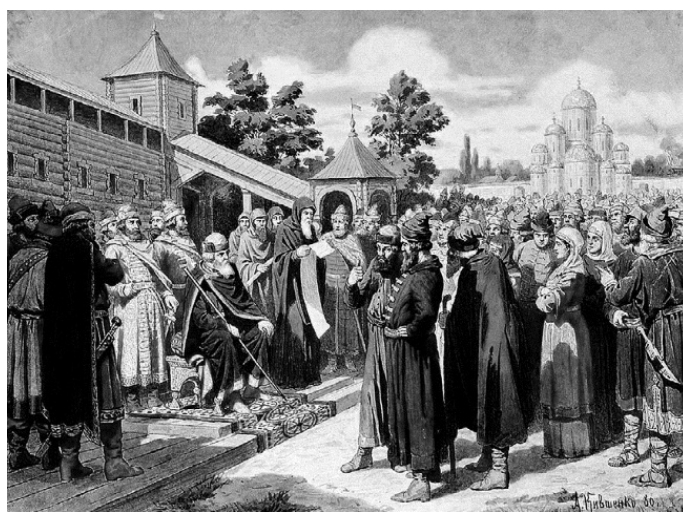
Князья Киевской Руси, старшие или младшие, были все политически друг от друга независимы, на них лежали только нравственные обязанности: князья волостные должны были почитать старшего, великого князя, «в отца место», вместе с ним должны были охранять «от поганых» свою волость, сообща с ним думать-гадать о русской земле и решать важные вопросы русской жизни. Мы отличаем три главные функции деятельности древнекиевских князей. Во-первых, князь законодательствовал, и древний закон, «Русская Правда», несколькими из своих статей прямо подтверждает это. В «Правде» читаем, например, что сыновья Ярослава, Изяслав, Святослав и Всеволод, совместно постановили заменить месть за убийство денежным штрафом. Заглавия некоторых статей «Правды» свидетельствуют, что эти статьи были «судом» княжеским, т.е. были установлены князьями. Таким образом, законодательная функция князей засвидетельствована древним памятником. Вторая функция их власти – военная. Князья явились в первый раз в русскую землю как защитники ее границ, и в этом отношении последующие князья не отличались от первых. Припомним, что Владимир Мономах едва ли не главной своей задачей считал оборону границ от половцев; к борьбе с половцами склонял он и других

князей на съездах и предпринимал вместе с ними общие походы на кочевников. Третья функция есть функция судебная и административная. «Русская Правда» свидетельствует, что князья сами судили уголовные дела. По «Русской Правде» за убийство княжеского конюшего взимался штраф в 80 гривен «яко устави Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобужцы». Здесь «Правда» указывает действительный судебный случай. Относительно административной деятельности князей мы можем сказать, что они с давних пор несли на себе обязанности управления, устанавливали «погосты и дани». Еще на самых первых страницах летописи мы читаем, как Ольга «устави по Месте погосты и дани и по Лузе оброки и дани». (Погосты представляли собой административные округа.) Вот главные обязанности князя киевской эпохи: он законодательствует, он военный вождь, он верховный судья и верховный администратор. Эти признаки всегда характеризуют высшую политическую власть. Сообразно с характером своей деятельности князья имеют и слуг, так называемую дружину, своих ближайших советников, с помощью которых управляют страной. В летописи можно найти много свидетельств, даже с поэтическим характером, о близком отношении дружины к князю. Еще Владимир Святой, по летописному преданию, высказал мысль, что серебром и золотом дружины нельзя приобрести, а с дружиною можно достать и золото, и серебро.

Такой взгляд на дружину, как на нечто неподкупное, стоящее к князю в отношениях нравственного порядка, проходит через всю летопись. Дружина в древней Руси пользовалась большим влиянием на дела; она требовала, чтобы князь без нее ничего не предпринимал, и когда один молодой киевский князь решил поход, не посоветовавшись с ней, она отказала ему в помощи, а без нее не пошли с ним и союзники князя. Солидарность князя с дружиною вытекала из самых реальных жизненных условий, хотя и не определялась никаким законом. Дружина скрывалась за княжеским авторитетом, но она поддерживала его; князь с большой дружиной был силен, с малой – слаб. Дружина делилась на старшую и младшую. Старшая называлась «мужами» и «боярами» (происхождение этого слова толкуют различно, между прочим, существует предположение, что оно произошло от слова «болий», больший). Бояре были влиятельными советниками князя, они в дружине бесспорно составляли самый высший слой и нередко имели свою собственную дружину. За ними следовали так называемые «мужи» или «княжи мужи» – воины и княжеские чиновники. Младшая дружина называется «гриди»; иногда их называют «отроками», причем это слово нужно понимать лишь как термин общественного быта, который мог относиться, может быть, и к очень старому человеку. Вот каким образом делилась дружина. Вся она, за исключением княжеских рабов – холопов, одинаково относится к князю; она приходила к последнему и заключала с ним «ряды», в которых обозначала свои обязанности и права. Князь должен был относиться к дружиннику и «мужу» как к человеку вполне независимому, потому что дружинник всегда мог покинуть князя и искать другой службы. Из дружины князь брал своих администраторов, с помощью которых он управляет землею и охраняет ее. Эти помощники назывались «вирниками» и «тиунами»; обязанность их состояла в суде и взыскании виры, т.е. судебной пошлины, в управлении землею и в сборе дани. Дань и вира кормили князя и дружину. Князь собирал дань иногда с помощью чиновников, а иногда и лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно так же не одной натурой, но и деньгами давалась дружине. Один летописец начала XIII в. пишет о времени более раннем, что князь «еже будяше права вира, и ту возма, – даяше дружине на оружие. А дружина его... не жадаху: маломи есть, княже, 200 гривен, не кладаху на свои жены златых обручей, но хожуху их жены в серебре». Оклад в 200 гривен каждому дружиннику очень велик по тогдашним понятиям и несомненно свидетельствует о богатстве киевских князей (если в гривне считать 1/2 фунта серебра, то ее весовая стоимость около 10 рублей). Откуда же появилось это богатство, какими источниками доходов пользовались князья? Во-первых, средства князьям давала их судебная деятельность. Во-вторых, князья получали дань, о которой уже говорилось. В-третьих, в пользу князей шла военная добыча. Наконец, последний вид кня-

жеских доходов – частные доходы. Пользуясь своим привилегированным положением, князья приобретают себе частные земли (села), которые они строго различают от владений политических. Князь не может завещать политическое владение женщине, а только сыну или брату, а между тем мы видим, что свои частные земли он дает жене или дочери, или в монастыри.

Вече было старше князя. У летописца мы читаем: «Новгородцы бо изначала и смоляныне и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на вече сходятся, и на что же старшие думают, на том и пригороды станут». Смысл этих слов такой: изначала города и волости («сласти») управлялись вечами и вече старшего города управляло не только городом, но и всею его волостью. Рядом с этими вечами, на которых правом голоса пользовались все главы семейств, появилась власть князей, но князья не упразднили веча, а правили землею иногда при содействии, а иногда и с противодействием последнего. Отношения князя к вечу и, наоборот, веча к князю многие историки пытались определить с точки зрения наших политических понятий, но это приводило только к натяжкам. Факты вечевого действия, собранные в книге В. И. Сергеевича «Князь и вече», прежде всего не позволяют установить самой формы веча, которое очень легко спутать с простыми народными сходками, и неопределенность формы часто заставляла исследователей различать вече законное и незаконное. Законным называлось вече, созванное князем; вече же, собранное против воли князя, мятежнически, считалось незаконным. Следствием юридической неопределенности положения веча было то, что последнее было в большой зависимости от условий чисто местных или временных: политическое значение его понижалось при сильном князе, имевшем большую дружину, и, наоборот, усиливалось при слабом; кроме того, в больших городах оно имело большее политическое значение, чем в малых. Изучение этого вопроса заставляет нас убедиться в том, что отношения между князем и вечем постоянно колеблются. Так, при Ярославе и его сыновьях вече далеко не имело той силы, как при его внуках и правнуках. Когда власть князей усилилась и определилась, вече от политической деятельности перешло к хозяйственной – стало заниматься делами внутреннего быта города. Но когда род Рюриковичей размножился и наследственные счета запутались, – городские веча стремились возратить себе политическое значение. Пользуясь смутой, они сами призывали к себе того князя, которого хотели, и заключали с ним «ряды». Мало-помалу вече почувствовало себя настолько сильным, что решалось спорить с князем: случалось, что князь стоял за одно, а вече за другое, и тогда вече зачастую «указывает князю путь», т. е. изгоняет его.

А. Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»

Перейдем к общественному делению древнекиевской Руси. Нужно заметить, что общество, стоящее на первой ступени развития, всегда имеет одно и то же общественное деление:

у всех народов арийского племени мы встречаем следующие три группы: 1) основная масса (в Киевской Руси – люди), 2) привилегированный слой (старцы, бояре) и 3) лишенные прав рабы (или на древнекиевском языке – холопы). Таким образом, первоначальное общественное деление создавалось не каким-нибудь исключительным местным историческим условием, а природою племени, если можно так выразиться. Уже на глазах истории сложились и росли местные условия. Свидетельством этого роста служит «Русская Правда» – почти единственный источник наших суждений о социальном строе Киевской Руси. Она дошла до нас в двух редакциях: краткой и пространной. Краткая состоит из 43 статей, из которых первые 17 следуют друг за другом в логической системе. Новгородская летопись, содержащая в себе этот текст «Правды», выдает ее за законы, изданные Ярославом. Краткая редакция «Правды» многим отличается от нескольких пространных редакций этого памятника. Она, несомненно, древнее их и отражает в себе киевское общество в древнейшую пору его жизни. Пространные редакции «Правды», состоящие уже более чем из 100 статей, заключают в своем тексте указания на то, что возникли они в целом составе в XII в., не ранее; они заключают в себе законоположения князей именно XII в. (Владимира Мономаха) и рисуют нам общество Киевской Руси в полном его развитии. Разнообразие текста разных редакций «Правды» затрудняет решение вопроса о происхождении этого памятника. Старые историки (Карамзин, Погодин) признавали «Русскую Правду» за официальный сборник законов, составленный Ярославом Мудрым и дополнявшийся его преемниками. В позднейшее время такого же мнения держится исследователь «Правды» Ланге. Но большинство ученых (Калачев, Дювернуа, Сергеевич, Бестужев-Рюмин и др.) думают, что «Правда» есть сборник, составленный частными лицами, желавшими для личных надобностей иметь свод действовавших тогда законодательных правил. По мнению В. О. Ключевского, «Русская Правда» возникла в сфере церковной, где была нужда знать мирской закон; здесь и записали этот закон. Частное происхождение «Русской Правды» всего вероятнее потому, что, во-первых, в тексте ее можно указать статьи не юридического, а хозяйственного содержания, имевшие значение только для частного быта, и, во-вторых, внешняя форма отдельных статей и целых редакций «Правды» имеет характер частных записей, составленных как бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной деятельности.

Киевские Золотые ворота

Изучая по «Русской Правде» и по летописи состав древнего киевского общества, мы можем отметить три древнейших его слоя: 1) высший, называемый старцами «градскими», «старцами людскими»; это земская аристократия, к которой некоторые исследователи причисляют и огнищан. О старцах мы уже говорили; что же касается до огнищан, то о них много мнений. Старые ученые считали их домовладельцами или землевладельцами, производя термин от слова огнище (в областных говорах оно означает очаг или пашню на изгари, т.е. на

месте сожженного леса); Владимирский-Буданов говорит в своем «Обзоре истории русского права», что старшие дружинники именовались сначала «огнищанами», но тут же прибавляет, что чешский памятник «*Mater verborum*» толкует слово огнищанин как «вольноотпущенный» («*libertus, cui post servitium accedit libertas*»); видимое противоречие автор думает скрыть тем соображением, что старшие дружинники могли происходить из младших, невольных слуг князя. Слово огнище в древности значило действительно раб, челядь, в таком смысле встречается оно в древнем, XI в., переводе Слов Григория Богослова; поэтому некоторые исследователи (Ключевский) в огнищанах видят рабовладельцев, иначе говоря, богатых людей в ту древнейшую пору жизни общества, когда не земля, а рабы были главным видом собственности. Если же обратить внимание на статьи пространной «Русской Правды», которые, вместо «огнищанина» краткой «Русской Правды», говорят о «князем муже» или «тиуне огнищном», то можно огнищанина счесть именно за князя мужа, и в частности за тиуна, заведующего княжескими холопами, т.е. за лицо, предшествующее позднейшим дворским или дворецким. Положение последних было очень высоко при княжеских дворах, и в то же время они могли быть сами холопами. В Новгороде же, как кажется, огнищанами звали не одних дворецких, а весь княжеский двор (позднее дворяне). Так, стало быть, возможно принимать огнищан за знатных княжеских мужей; но сомнительно, чтобы огнищане были высшим классом земского общества. 2) Средний класс составляли люди (ед. числ. людин), мужи, соединенные в общины, верви. 3) Холопы или челядь – рабы и притом безусловные, полные, обельные (облый – круглый) были третьим слоем.

С течением времени это общественное деление усложняется. Наверху общества находится уже княжеская дружина, с которой сливается прежний высший земский класс. Дружина состоит из старшей («бояр думающих и мужей храборствующих») и младшей (отроков, гридей), в которую входят и рабы князя. Из рядов дружины назначается княжеская администрация и судьи (посадник, тиун, вирники и др.). Класс людей делится определенно на горожан (купцы, ремесленники) и сельчан, из которых свободные люди называются смердами, а зависимые – закупы (закупом ролевым, например, называется сельский земледельческий батрак). Закупы не рабы, но ими начинается на Руси класс условно зависимых людей, класс, с течением времени сменивший собой полных рабов. Дружина и люди не суть замкнутые общественные классы: из одного можно было перейти в другой. Основное различие в положении их заключалось, с одной стороны, в отношении к князю (одни князю служили, другие ему платили; что же касается до холопов, то они имели своим «господином» хозяина, а не князя, который их вовсе не касался), а с другой стороны – в хозяйственном и имущественном отношении общественных классов между собой.

Мы допустили бы большой пробел, если бы не упомянули о совершенно особом классе лиц киевского общества, классе, который повиновался не князю, а церкви. Это церковное общество, состоящее из: 1) иерархии, священства и монашества; 2) лиц, служивших церкви, церковнослужителей; 3) лиц, призреваемых церковью, – старых, увечных, больных; 4) лиц, поступивших под опеку церкви, – изгоев, и 5) лиц, зависимых от церкви, – «челядь» (холопов), перешедшую в дар церкви от светских владельцев. Церковные уставы князей так описывают состав церковного общества: «А се церковны люди: игумен, игуменья, поп, диакон и дети их, а се кто в крылосе: попадья, чернец, черница, проскурница, паломник, свещегас, сторожник, слепец, хромец, вдовица, пущенник (т.е. получивший чудесное исцеление), задушный человек (т.е. вольноотпущенный по духовному завещанию), изгои (т.е. лица, потерявшие права гражданского состояния); ... монастыреве, больницы, гостинницы, странноприимницы, то люди церковныя, богадельныя». Всех этих людей церковная иерархия ведала администрацией и судом: «Или митрополит, или епископ тьи ведают, между ими суд или обиду». Изгоям и холопам и всем своим людям церковь создает твердое общественное положение, сообщает права гражданства, но вместе с тем выводит их вовсе из светского общества.

Настолько развито и сложно стало общественное деление киевского общества к XII в. Раньше, как мы видели, общество было проще по составу и расчленилось уже на глазах истории.

Закончим наш обзор Киевской Руси общей характеристикой ее культурного состояния. Первое же знакомство с киевским бытом покажет нам существование древних и сильных городских общин на Руси и обилие вообще городских поселений; это обстоятельство – лучший признак того, что торговые обороты страны были значительны. Любопытен тот факт, что в скандинавских сагах Киев называли «страной городов», следовательно, городская жизнь была в глазах иноземцев отличительной чертой Руси. По летописи насчитываются сотни городов, тянувших к «старейшим» городским центрам на Руси. Конечно, такая многочисленность городов обуславливалась не одними административными и военными потребностями, но и развитием торговли, которая придавала городу значение рынка. Несомненно, что главным занятием городских жителей была торговля и что масса городского населения состояла из торговых и промышленных людей. О развитии торговли в Киевской Руси говорят нам многие древние авторы. Русские купцы ездили в Грецию, Болгарию, Германию, Чехию и на Восток. В Киеве и Новгороде было постоянное стечение купцов. В Новгороде жили немецкие купцы и имели свою церковь – «Варяжскую божницу»; немецкие же купцы через Польшу ездили в Киев. В Киеве был еврейский и, кажется, польский квартал; жили постоянно купцы католического вероисповедания, которых называли «Латиною»; есть известие и об армянах. Киев был торговой станцией не только между севером и югом, т.е. между варягами и Грецией, но и между Западом и Востоком; т.е. между Европой и Азией; отсюда понятно торговое значение Киева и всей южной Руси. Тихий земледельческий труд мешался здесь с бойким и шумным торговым движением; жизнь отличалась многообразием функций; торговля, вызывая знакомство со многими народами, способствовала накоплению богатств и знаний. Много условий создавалось здесь для культурного развития, и это развитие начиналось и зацветало ярким цветом. Просвещение, принесенное христианством, нашло приют в русских монастырях и приобрело себе много поборников. Мы знаем, что христианская мораль успешно боролась с грубыми воззрениями языческой старины; мы видим князей, читающих и собирающих книги, князей, заказывающих переводы благочестивых произведений церковной литературы на русский язык; мы видим распространение грамотности, видим школы при церквях и епископских дворах; мы любимся фресками, которые писаны по греческим образцам русскими художниками; мы читаем произведения богословски образованных русских людей. Словом, в отношении просвещения Киевская Русь стояла не ниже прочих молодых государств и своих ближайших соседей-славян. Исследователи первоначальных сношений Руси и Польши прямо признают культурное превосходство первой. И материальная культура киевского общества стояла, сравнительно с прочей Европой, не низко. Внешность Киева вызывала панегирики писателей XI в. Западным иностранцам Киев казался соперником Константинополя. Впечатление, которое он производил на иноземцев, вело к невольным гиперболам с их стороны: они, например, считали в Киеве 400 церквей, чего на самом деле не было. Но во всяком случае Киев был крупным торговым городом восточной Европы, городом с разноплеменным населением, высшие классы которого знакомы были с лучшими произведениями окрестных стран и вызывали со стороны нашего летописца даже упреки в роскоши. И если, за исключением Киева и других городов, вся прочая страна была еще в младенческих формах общественного и хозяйственного быта, то все-таки мы не имеем права назвать Киевскую Русь некультурною страной, если возьмем во внимание быт древних городов, отмеченный явно культурными чертами.

Мы видели, что еще в глубокой древности Русь стала терять черты патриархального племенного строя, хотя и не отлилась еще в окончательные формы государственного быта. Долгое совместное жительство, единство племени, языка и религии делали из Руси одну страну, из русских славян – один народ. И это единство чувствовалось и ярко сознавалось нашими

предками. Певец «Слова о полку Игореве», который помнил много такой старины, какая и для его времени была уже седой стариной, мыслил русскую землю единую от южного Галича и Карпат до верхней Волги. Всех князей, и северных и южных, одинаково зовет он помочь беде Игоря и стать «за землю Русскую». В его глазах беда Игоря – беда всей земли русской, а не только Игорева княжества: «Тоска разлилась по Русской земле, обильна печаль потекла среди земли Русския!» – говорит он об этом. В XI в. летописец пишет свою «Повесть» не о том или другом княжестве, а о всей Русской земле. Так вырастало постепенно твердое национальное самосознание, вырастало и в сказаниях, и в летописях, и в самой жизни. В XII в. окончательно определилась русская национальность.

Тем более непонятным должен казаться упадок Киевской Руси к XIII в. Какая же была тому причина? Первая и главная причина заключалась в том, что в единой земле, в едином обществе не было единой политической власти, – владел Русью многочисленный княжеский род; при спутанности родовых и семейных счетов из-за старшинства или из-за каких-нибудь обид, князья часто затевали усобицы и втягивали население в междоусобную войну; от этих усобиц страдали люди, страдало развитие народного быта. Из 170 лет (1055–1224) Погодин насчитывает 80 лет, прошедших в усобицах, и 90 лет мирных; и хотя тот же Погодин говорит, что для массы они не имели важного значения, но в действительности они были несчастьем для страны, как бы легко ни переносилось населением каждое отдельное разорение. Вторым несчастьем Киевской Руси было усиление с половины XII в. ее степных врагов. В южных степях появились половцы и в течение двух столетий 40 раз опустошали русскую землю значительными набегами, а мелких набегов и не перечесать. Торговля с югом стала замирать благодаря тем же половцам; они грабили купцов на нижнем Днепре и Днестре, и торговые караваны бывали вне опасности только под сильным военным прикрытием. В 1170 г. у юных русских князей, по почину Мстислава Изяславича, был съезд, на котором обсуждались средства борьбы с половцами и говорилось, что половцы «уже у нас и Гречьский путь (в Царьград) отнимают, и Соляный (Крымский или же Чешский), и Залозный (на нижний Дунай)». Это было большим бедствием для страны. Из-за половецкой грозы наши предки не замечали, что торговля их падает еще и по другой причине, именно потому, что крестовыми походами был создан новый путь сообщения Зап. Европы с Азией, мимо Киева, – чрез восточные побережья Средиземного моря. К XIII в. жизнь Киевской Руси стала бедней и утратила последнюю безопасность; чем далее, тем труднее становилось жить на юге; вот почему целые города и волости начинают пустеть, тем более, что князья, как прежде ссорились из-за старшинства, так теперь стали ссориться из-за людей, за «полон». Они стали делать набеги на соседние княжества и уводили народ толпами, население не могло жить спокойно, потому что свои же князья отрывали его от земли, от хозяйства.

Эти обстоятельства – усобицы князей, отсутствие внешней безопасности, падение торговли и бегство населения – были главными причинами упадка южнорусской общественной жизни. Появление же татар нанесло ей лишь окончательный удар. После нашествия татар Киев превратился в маленький городок в 200 домов; торговля вовсе заглохла, и мало-помалу Киевскую Русь по частям захватили ее враги. А в то же время на окраинах Русской земли зарождалась новая жизнь, возникали новые общественные центры, слагались новые общественные отношения. Возникновение и развитие Суздальской Руси, Новгорода и Галича начинают уже собою иной период русской истории.

История Киевской Руси стала в последнее время предметом специального изложения ученых, держащихся того взгляда, что историческая традиция древней Киевщины не прервалась, а продолжала жить в украинском народе и в учреждениях Литовского княжества (М. С. Грушевский, А. Я. Ефименко).

Колонизация Суздальско-Владимирской Руси

В XII в., когда вследствие княжеских усобиц и половецких опустошений начинается упадок Киевской Руси, неурядицы киевской жизни вызывают передвижение населения от среднего Днепра на юго-запад и северо-восток, от центра тогдашней Руси, Киева, к ее окраинам.

На северо-востоке русские переселенцы попадают на новые места, в страну с иным географическим характером, чем Поднепровье. Особенности этой страны создают постепенно и новые черты в физическом типе колонистов, и новые социальные и экономические порядки в их быту. Занятая русскими на северо-востоке местность – это страна между верхним течением Волги и Окой. Природа здесь очень рознится от днепровской: ровная плодородная почва здесь сменяется суглинком, болотами и первобытным лесом. Хотя обилие речных вод замечается и здесь, но свойства рек различны: южная Русь имеет большие реки, текущие, в громадном большинстве, к одному центру, к Днепру; в северной Руси – масса мелких речек, не имеющих общего центра, текущих по самым различным направлениям. Климат северо-восточной Руси вследствие обилия воды и леса суровее, почва требует больших трудов для обработки. Первоначальными жителями северо-восточной окраины были финские племена меря и мурома, о быте которых история не знает ничего достоверного. Исследователь древнейшей истории Суздальской Руси, проф. Корсаков («Меря и Ростовское княжество», 1872) пробует восстановить быт мери: 1) по указаниям разных источников, – так как летопись говорит о первоначальных жителях этой страны очень мало; 2) по сравнению быта теперешнего населения губерний Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской с бытом жителей других великорусских губерний: особенности этого быта могут быть объясняемы бытом первоначальных обитателей названных губерний; 3) по сравнению данных летописи о быте мери и мурома с бытом соседних им ныне существующих финских племен: мордвы и черемис; этнография их несколько разработана, и жизнь этих племен может с некоторой вероятностью дать основания для заключений о жизни исчезнувшей их родни; 4) по указаниям, добытым из раскопок, на местах поселения мери и мурома; эти раскопки, произведенные здесь археологами Савельевым и графом Уваровым, дают ряд отрывочных, правда, указаний на особенности мери и мурома. Тщательные изыскания Корсакова не привели к большим результатам: он указывает, что меря и мурома – племена финского происхождения, близкие по быту к мордве; религия их была не развита; политической организации не существовало, не было и городов; культура была на очень низкой ступени развития; первенствующее значение принадлежало жрецам.

Собор Рождества Богородицы в Суздале

Колонизационное движение Руси по Волге – явление очень древнее: на первых уже страницах летописи мы встречаемся с городами Суздалем и Ростовом, появившимися неизвестно когда. Откуда, т.е. из каких мест Руси, первоначально шла колонизация в суздальском крае, можно догадываться по тому, что Ростов в древности политически тянул к Новгороду, составляя как бы часть Новгородского княжества. Это давало повод предположить, что первыми колонистами на Волге были новгородцы, шедшие на Восток, как и все русские колонизаторы, по рекам. Против такого предположения возражали, что Новгород от Волги и рек ее бассейна отделяется водоразделами (препятствия для свободного передвижения), и указывали на различие наречий суздальского и новгородского. Но против первого положения можно сказать, что водоразделы никогда не могут задержать переселения; а второе объясняется историческими причинами: под влиянием новых природных условий, встречи с чуждым народом и языком в языке колонистов могли выработаться известные особенности. Во всяком случае, нет достаточных оснований отрицать, что первыми русскими колонистами в Суздальской Руси могли быть новгородцы. В последнее время ученые (Шахматов, Спицын, Соболевский и др.) заново подняли вопрос о заселении среднего Поволжья славянами и, не сходясь в деталях, однако согласно представляют нам дело так, что славянский народный поток непрерывно стремился на северо-восток от области кривичей и, может быть, вятичей, заполняя Поволжье многими путями и из многих мест, между которыми Новгород играл в свое время важнейшую, но, вероятно, не исключительную роль. Позднее, с упадком Киева, в XII в. главные массы колонистов в эту область стали двигаться с юга, от Киева. Сообщение Киева с Суздальской землей в первые века русской жизни совершалось кругом – по Днепру и верхней Волге, потому что непроходимые леса вятичей мешали от Днепра прямо проходить на Оку, и только в XII в. являлись попытки установить безопасный путь из Киева к Оке; эти попытки и трудности самого пути остались в памяти народа в рассказе былины о путешествии Ильи Муромца из родного села Карачарова в Киев. Со второй половины XII в. этот путь сквозь вятичей устанавливается и начинается заметное оживление Суздальского княжества, – туда приливает население, стро-

ятся города, и в этой позднейшей поре колонизации замечается любопытное явление: появляются на севере географические имена юга (Переяславль, Стародуб, Галич, Трубеж, Почайна), верный признак, что население пришло с юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпос, – факт, что былины южнорусского цикла сохранились до наших дней на севере, также ясно показывает, что на север перешли и люди, сложившие их.

Страна, в которую шли поселенцы, своими особенностями влияла на расселение колонистов. Речки, по которым селились колонисты, не стягивали поселения в густые массы, а располагали их отдельными группами. Городов было мало, господствующим типом селений были деревни, и таким образом городской быт юга здесь заменился сельским. Новые поселенцы, сидя на почве не вполне плодородной, должны были заниматься, кроме земледелия, еще лесными промыслами: угольничеством, лыкодерством, бортничеством и пр.: на это указывают и названия местностей: Угольники, Смолотечье, Деготино и т. д. В общем характере Суздальской Руси лежали крупные различия, сравнительно с жизнью Киевской Руси: из городской, торговой она превратилась в сельскую, земледельческую. Переселяясь в Суздальский край, русские, как мы сказали, встретились с туземцами финского происхождения. Следствием этой встречи для финнов было их полное обрусение. Мы не находим их теперь на старых местах, не знаем об их выселении из Суздальской Руси, а знаем только, что славяне не истребляли их и что, следовательно, оставаясь на старых местах, они потеряли национальность, ассимилировавшись совершенно с русскими поселенцами как расой более цивилизованной. Но вместе с тем и для славянских переселенцев поселение в новой обстановке и смешение с финнами не осталось и не могло бы остаться без последствий: во-первых, изменился их говор; во-вторых, совершилось некоторое изменение физиологического типа; в-третьих, видоизменился умственный и нравственный склад поселенцев. Словом, в результате явились в северорусском населении некоторые особенности, выделившие его в самостоятельную великорусскую народность.

Со времени Любечского съезда, с начала XII в., судьба Суздальского края связывается с родом Мономаха. Из Ростова и Суздаля образуется особое княжество, и первым самостоятельным князем суздальским делается сын Мономаха, Юрий Владимирович Долгорукий. Очень скоро это вновь населенное княжество становится сильнейшим среди других старых. В конце того же XII в. владими́ро-суздальский князь, сын Юрия Долгорукого, Всеволод III уже считается могущественным князем, который, по словам певца «Слова о полку Игореве», может «Волгу веслы раскропити и Дон шеломами выльяти». Одновременно с внешним усилением Суздальского княжества мы наблюдаем внутри самого княжества следы созидющего процесса: здесь слагается иной, чем на юге, общественный строй. В XI и даже в XII в. в Суздальской Руси, как и на юге, мы видим развитие городских общин (Ростов, Суздаль) с их вечевым бытом. Новые же города в этой стране возникают с иным типом. «Разница между старыми и новыми городами та, – говорит Соловьев, – что старые города, считая себя старше князей, смотрели на них, как на пришельцев, а новые, обязанные им своим существованием, естественно, видят в них своих строителей и ставят себя относительно них в подчиненное положение». В самом деле, на севере князь часто первый занимал местность и искусственно привлекал в нее новых поселенцев, ставя им город или указывая пашню. В старину на юге было иначе: пришельцем в известном городе был князь, исконным же владельцем городской земли – вече; теперь на севере пришельцем оказывалось население, а первым владельцем земли – князь. Роли переменялись, должны были измениться и отношения. Как политический владелец князь на севере по старому обычаю управлял и законодательствовал; как первый заимоу земли он считал себя и свою семью сверх того вотчинниками – хозяевами данного места. В лице князя произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца и прав частного собственника. Власть князя стала шире и полнее. С этим новым явлением не могли примириться старые вечевые города. Между ними и князем произошла борьба; руководителями городов в этой борьбе были, по мнению Беляева и Корсакова, «земские бояре». И в южной Руси, по «Русской

Правде» и летописи, мелькают следы земской аристократии, которая состояла из земских, а не княжеских бояр – градских старцев. На севере в городах должна была быть такая же аристократия с сельскохозяйственным характером. В самом деле, можно допустить, что «бояре» новгородские, колонизуя восток, скупали себе в Ростовской и Суздальской земле владения, вызывали туда на свои земли работников и составляли собою класс более или менее крупных землевладельцев. В их руках, независимо от князя, сосредоточивалось влияние на вече, и вот с этой-то землевладельческой аристократией, с этой силой, сидевшей в старых городах, приходилось бороться князьям; в новых построенных князьями городах такой аристократии, понятно, не было. Борьба князей со старыми городами влечет за собою неминуемо и борьбу новых городов со старыми. Эта борьба оканчивается победой князей, которые подчиняют себе старые города и возвышают над ними новые. Полнота власти князя становится признанным фактом. Князь не только носитель верховной власти в стране, он ее наследственный владелец, «вотчинник». На этом принципе вотчинности (патримониальности) власти строятся все общественные отношения, известные под общим названием «удельного порядка» и весьма несходные с порядком Киевской Руси.

Влияние татарской власти на удельную Русь

Новый порядок едва обозначился в Суздальской Руси, когда над этой Русью стала тяготеть татарская власть. Эта случайность в нашей истории недостаточно изучена для того, чтобы с уверенностью ясно и определенно указать степень исторического влияния татарского ига. Одни ученые придают этому влиянию большое значение, другие его вовсе отрицают. В татарском влиянии прежде всего надо различать две стороны: 1) влияние на государственное и общественное устройство древней Руси и 2) влияние на ее культуру. В настоящем курсе нас главным образом должен занимать вопрос о степени влияния татар на политический и социальный строй. Эта степень может быть нами угадана по изменениям: во-первых, в порядке княжеского престолонаследия; во-вторых, в отношениях князей между собой; в-третьих, в отношениях князей к населению. В первом отношении замечаем, что порядок наследования великокняжеского престола при татарах, в первое столетие их власти (1240–1340), оставался тем же, каким был до татар; это – родовой порядок с нередкими ограничениями и нарушениями. Великое княжение оставалось неизменно в потомстве Всеволода Большого Гнезда, в линии его сына Ярослава. В течение немногим более 100 лет (с 1212 по 1328) пятнадцать князей из четырех поколений было на великокняжеском столе и из них только три князя захватили престол с явным беззаконием, мимо дядей или старших братьев (сыновья Всеволода: 1) Юрий, 2) Константин, затем опять Юрий, ранее сидевший не по старшинству, 3) Ярослав, 4) Святослав; сыновья Ярослава Всеволодовича: 5) Михаил Хоробрит, захвативший силой престол у дяди Святослава мимо своих старших братьев, 6) Андрей, 7) Александр Невский, который был старше Андрея и со временем сверг его, 8) Ярослав Тверской, 9) Василий Костромской; сыновья Александра Невского: 10) Дмитрий, 11) Андрей; 12) сын Ярослава Тверского Михаил; 13) внук Александра Невского Юрий Данилович; 14) внук Ярослава Тверского Александр Михайлович; 15) внук Александра Невского Иван Данилович Калита). Если мы обратимся к дотатарскому периоду, в так называемую Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменила в старом проявлении этого обычая. Мало того, и этим правом своим она как будто не дорожила и не всегда спешила его осуществлять: самоуправство князей оставалось подолгу ненаказанным. Михаил Хоробрит умер, владея великокняжеским столом и не быв наказан за узурпацию власти.

Успенский собор во Владимире

Попранные им права дяди Святослава, санкционированные ранее татарами, не были им восстановлены даже и тогда, когда после смерти Хоробрита власть и стольные города – Владимир и Киев – выпросили себе племянники Святослава, Андрей и Александр. В поколении внуков и правнуков Всеволода Большого Гнезда образовалась даже таковая повадка, которая явно изобличает слабость татарского авторитета и влияния; удельные князья неизменно враждовали с утвержденным татарами великим князем и старались, в одиночку или все сообща, ослабить его. Александр Невский враждовал с великим князем Ярославом Тверским, Дмитрий Александрович – с великим князем Василием Костромским, Андрей Александрович – с великим князем Дмитрием Александровичем и т. д. Татары видели все эти свары и усобицы и не думали, что их существование подрывает на Руси значение татарской власти; напротив, не следуя никакому определенному принципу в этом деле, они смотрели на ссоры князей как на лишний источник дохода и цинично говорили князю: будешь великим, «оже ты даси выход (т. е. дань), больши», т. е. если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались в Орде даже друг с другом. Искали, например, великого княжения Михаил Тверской и Юрий Московский, и Михаил посулил больше «выхода», чем Юрий; тогда Юрий «шед к нему рече: отче и брате, аз слышу, яку хочещи большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Русская нас ради, – и шедше к хану, объявиша ему о сем; тогда даде хан ярлык Михаилу на великое княжение и отпусти я». Таким образом, татарская власть не могла здесь что-либо установить или отменить, так как не руководилась никаким сознательным мотивом. Татары застали на Руси распад родового наследования и зародыши семейно-вотчинного владения; при них продолжался распад, и развивались и крепили зародыши семейно-вотчинного владения. Нарушений этого процесса, давно и глубоко изменявшего основы общественной организации, мы не замечаем.

Во взаимных отношениях северно-русских князей в XIII и XIV вв. несомненно происходят изменения, и, по сравнению их с более древним порядком, мы замечаем, некоторые резкие особенности, которые многие ученые приписывают татарскому игу; но, всматриваясь внимательнее, мы убеждаемся, что причины, вызывавшие эти особенности, действовали в русской земле и раньше татар. К этим особенностям принадлежат: 1) полное пренебрежение родовым единством; 2) передача владений от отца к сыну, иначе – начало вотчинного наследования; 3) оседание княжеских линий по волостям; князья северо-восточной Руси (первые: Ярослав Тверской и Василий Костромской Ярославичи), добившись великокняжеского престола, не идут из удела княжить во Владимир, а присоединяют его к своему княжеству и управляют им из своих уделов; 4) определение междукняжеских отношений договорами, в которых подробно объясняются все частности совместной деятельности и степень зависимости одного князя от другого. Все исчисленные особенности суть прямое следствие того вотчинного характера, какой усвоила себе княжеская власть с самого начала своей деятельности в Суздальской земле. Доведя надзор за порядком в Русской земле старшему, великому князю, татары без призыва самих князей не имели ни повода, ни желания вмешиваться в княжеские дела. Наконец, 5) и отношение князей к населению не подвергалось постоянному надзору и регламентации татарской власти, определяясь тем же принципом вотчинности. Полнота княжеского авторитета могла, конечно, вырасти от того, что он опирался на татар, но существо княжеской власти оставалось то же.

Да и как татарское влияние на русскую жизнь могло быть значительно, если, завоевав Русь, татары не остались жить в русских областях, богатых неудобными для них лесами, а отошли на юг, в открытые степи? На Руси они оставили, для наблюдения, своих наместников «баскаков» с военными отрядами. Особые татарские чиновники, «численники» или «писцы», изочли и переписали все население Руси, кроме церковных людей, и наложили на него дань, получившую название «выхода». Сбором этой дани и вообще татарским управлением на Руси

заведовали в Золотой Орде особые чиновники – «даруги» или «дороги», посылавшие на Русь «данщиков» для дани и «послов» для других поручений. Русские князья у себя дома должны были иметь дело с баскаками и послами; когда же князей для поклона или дел вызывали в Орду, то там их «брали к себе в улус» дороги, заведовавшие их княжествами. Редко появляясь массами в покоренной стране в начале своего господства, татары впоследствии еще реже появлялись там – исключительно для сбора дани или в виде войска, приводимого большей частью русскими князьями для их личной цели. Этот обычай брать дружину у соседних народов – обычай стародавний; еще в X и XI вв. князья нанимали себе в помощь варягов, половцев и т. д. При таких условиях если и находятся следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления, то они невелики и носят характер частных отрывочных заимствований; такие заимствования были и от варягов, и из Византии. Поэтому мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига и следуя, таким образом, мысли С. М. Соловьева, который с особым ударением говорил: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий, именно, постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные, вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений» (История России, т. 1).

Ощутительно сказалось не влияние татар, а сказался самый факт их господства над русской землей только в том отношении, что содействовал окончательному разделению Руси на две половины: на северо-восточную и юго-западную, центром которой на время является Галич. Опасным соседом южной и западной Руси с XIII в. становится вместе с поляками и Литва. Возвышение Литвы начинается с княжения Миндовга, который, соединив под своей властью мелкие литовские племена, увеличил свое княжество присоединением к нему некоторых соседних слабых княжеств западной Руси. Одновременно с этими врагами северо-западной Руси являются немецкие рыцари, основавшие на берегах Балтийского моря два ордена: меченосцев и тевтонов, соединившихся затем в один. Придя сюда для обращения Литвы в христианство с помощью меча и путем ее порабощения, немцы очень скоро столкнулись здесь и с Русью. Они стали тревожить земли Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпор. Героями борьбы с немцами являются во Пскове князь Довмонт, прибежавший во Псков из Литвы, в Новгороде – Александр Невский. Наблюдая одновременно с появлением татар на Руси наступательные действия против Руси новых пришельцев – рыцарей и старого врага – Литвы, мы можем сказать, что XIII век в русской истории – время создания той внешней обстановки, в которой впоследствии многие века действовали русское племя; в XIII в. являются те враги, с которыми Русь сравнительно только недавно кончила борьбу. При таком значении века его героями становятся именно те люди, которые выдвинулись в этой борьбе с врагами: Александр Невский, Довмонт Псковский и Даниил Галицкий.

Удельный быт Суздальско-Владимирской Руси

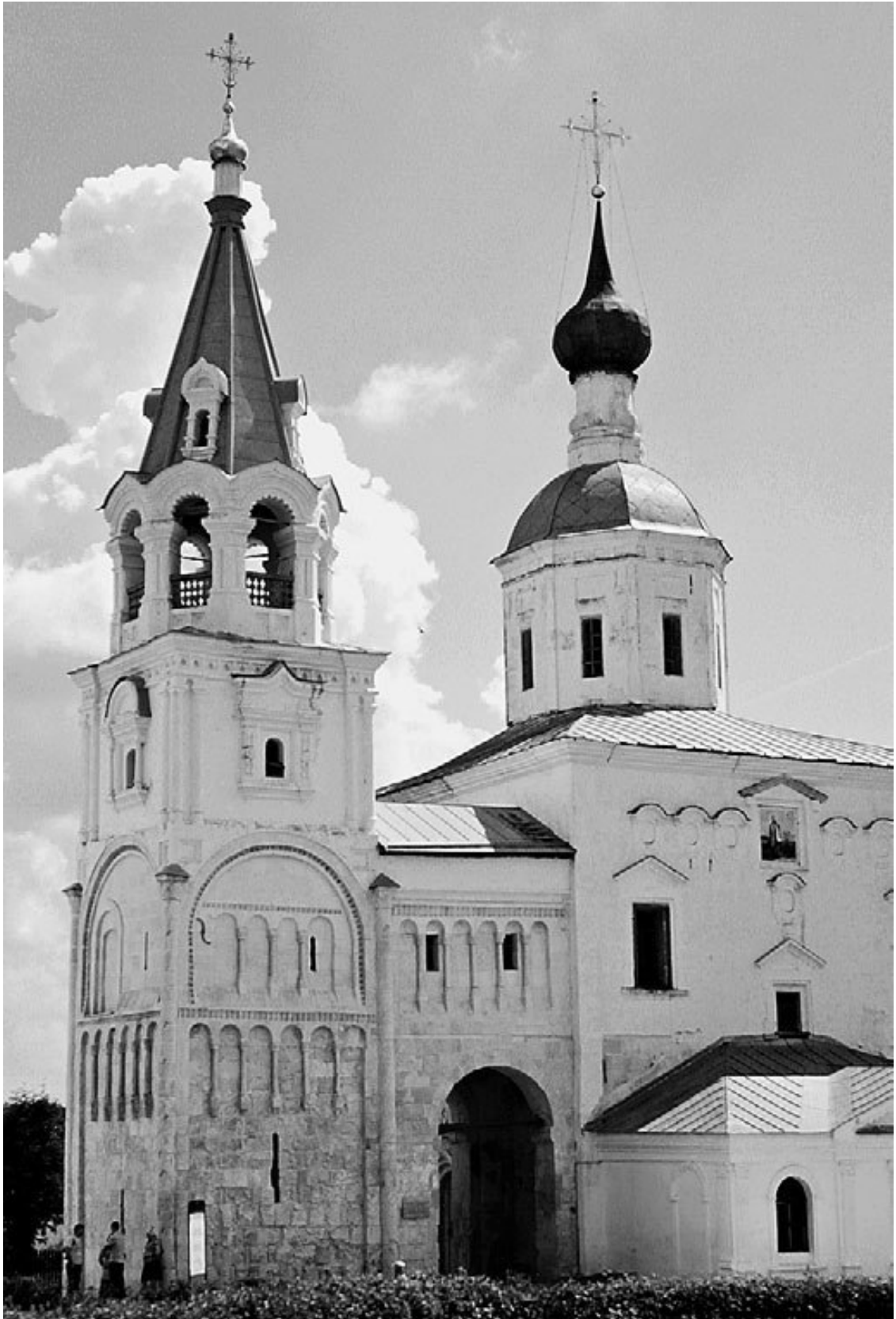
Определив наше отношение к вопросу о татарском влиянии, мы можем обратиться к изучению основных отличий общественного быта в период удельный. Это – период, в который северо-восточная Русь раздробилась в политическом отношении на независимые один от другого уделы. За начало периода мы можем принять тот момент, когда князья начинают усваивать привычку, даже и владея Владимиром, жить в своих уделах, а окончанием периода можем считать княжение Ивана III, когда все крупные уделы уже объединились под властью Москвы. Таким образом, удельный период обнимает время от XIII до конца XV в., когда уже устанавливается единодержавие. Что же такое удел?

По литературным трудам вы составите себе понятие об уделе, как о территории, находящейся в потомственном владении какой-либо княжеской семьи. Такое определение наши исследователи дают уделам только с XIII в., с того времени, когда князья уже не переходят с удела на удел, а оседают в одной какой-нибудь местности и передают свои территории не в род, а по завещанию своему личному потомству. До XIII в. на юге мы видим волости, а не уделы. Однако необходимо оговориться, что термины «удельный», «удельно-вечевой» прилагаются иногда и к разным явлениям южнорусской жизни XI и XII вв., хотя и совсем неправильно. Под уделами и удельным периодом в своем изложении мы будем разуметь княжеские владения и все особенности древней жизни только в XIII и более поздних веках. Отличиями этого удельного периода являются: ослабление (а по взгляду некоторых, и полное отсутствие) государственного единства и господство частнопроводных начал во всех сферах тогдашней жизни. Такая характеристика периода создавалась на основании исследования трех преимущественно сторон удельного быта, отличных от быта Киевской Руси: 1) отношений князей к подвластной территории и населению, 2) отношений князей между собой и 3) положения общественных классов.

Исследование этого периода, именно его особенностей, сравнительно с более ранним и более поздним временем, началось не так давно. Прежде не выделяли в самостоятельный период русскую историческую жизнь с XIII до XV в. Так, Шлецер брал для характеристики этого времени чисто внешний факт порабощения татарами и называл Русь в это время «*Russia oppressa*». По представлению Карамзина, до Ивана III была одна эпоха – «древнейшая», и «система уделов была ее характером». Особенности удельной эпохи первый указал С. М. Соловьев в своей диссертации «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (М., 1845) и еще больше развил свой взгляд в своем исследовании «Об отношениях князей Рюрикова дома».

Ф. Г. Солнцев. Великий князь Андрей Боголюбский

Палаты князя Боголюбского

Схема русской истории, данная Соловьевым, нам известна. По его взгляду, Киевская Русь – родовая собственность князей, находящаяся в общем их владении. Порядок владения волостями там обусловлен родовыми счетами. Политическое положение каждого князя определя-

ется его положением в роде, и нарушение этого положения другими князьями ведет к усобицам. Усобицы идут не за волости, потому что волости не принадлежат одному какому-либо князю, а за порядок владения волостями. Но в XII в. начинается разложение родового порядка благодаря младшим городам северной Руси, которые, получая особого князя, более ему подчиняются, чем старые, старшие города, что и позволяет князьям усилить свою власть. Князья, возвышая эти города в ущерб старым, смотрят на них, как на собственность, устроенную их личным трудом, и стараются как личное владение передать их в семью, а не в род. Благодаря этому родовое владение падает, родовое старшинство теряет значение, и сила князя зависит не от родового значения, а от материальных средств. Каждый стремится умножить свою силу и средства увеличением своей земли, своего удела. Усобицы идут уже за землю, и князья основывают свои притязания не на чувстве родового старшинства, а на своей фактической силе. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшего в роде князя. Теперь единства нет, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создано. Есть только уделы, враждующие за материальное преобладание, – идет «борьба материальных сил», и из этой борьбы, путем преобладания Москвы, рождается государственная связь. Итак, род, распадение рода и борьба материальных сил, государство – вот схема нашей истории. В ней три части. Средний период есть период удельный. По Соловьеву, это переходный период: в нем нет государственного единства, – каждый князь – хозяин своего хозяйства, его политика руководится видами «личных целей с презрением чужих прав и своих обязанностей». В этом периоде конец кровных связей, в нем зарождение связи государственной.

Иначе смотрит на дело К. Д. Кавелин. В своих трудах (Сочинения, т. I и II) Кавелин вносит поправки к историческим воззрениям Соловьева и именно к периоду удельному. По его мнению, возвышение младших городов – факт случайный, который не мог иметь влияния на изменения в гражданском быте. Князь-член рода естественно должен был замениться князем-хозяином вотчины. Крайнее развитие княжеского рода на Руси повело к его разложению и утрате родственных связей. Родовой быт сменился, естественно, семейным, родовое владение перешло, естественно, в личное. При дробности уделов князья стали простыми вотчинниками-землевладельцами: «наследственными господами отцовских имений», а уделы – простыми вотчинами. Князья начали завещать эти вотчины как простое имущество, а не как государственную территорию; стало быть, род и родовое владение естественно заменялись семьей и частной собственностью; результатом же этой смены было падение политического единства и частный характер всей жизни и управления. Потом, при этом господстве частного быта, естественно развивается личное начало и, воплощаясь в личности московского князя, создает государственный порядок. Таковы черты удельного периода, из которого вышло государство московское: в этом периоде – полное господство частных начал.

Б. Н. Чичерин в статье «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных» исходит из теоретических понятий права; желая определить физиономию удельного периода, он задает вопрос: на каком праве создалась удельная жизнь? «Исходная точка гражданского права, – говорит он, – есть лицо с его частными отношениями; исходная точка государственного права – общество, как единое целое». Изучение фактов удельной поры убеждает его, что в удельной жизни господствовало право частное. Князья в своих уделах не различали оснований, на которых владели городами и всей территорией удела, с одной стороны, и каким-нибудь мелким предметом своего обихода, вроде одежды и утвари, – с другой. В своих частных духовных завещаниях они одинаково распоряжались самыми различными предметами своего владения. Междукняжеские отношения регулировались договорами, а договор – факт частного права. Стало быть, ни в отдельных уделах, ни во всей русской земле не существовало ни государственной власти, ни государственных понятий и отношений в среде князей; не было их и в отношениях князей к населению. Сословий тогда не было, и каждый член общества связан с князем не государственными узами, а договорными отношениями. Одним словом, удельное

общество есть «общество, основанное на частном праве». Впоследствии, путем фактического преобладания одного князя, образуется единовластие и государственный порядок.

Таким образом, все упомянутые исследователи историко-юридической школы в сущности одинаково характеризовали удельный быт, как быт гражданский, частный, лишенный государственных установлений и понятий. Факты были собраны ими добросовестно, анализ фактов был талантлив, но точка зрения вызвала возражения со многих сторон от людей разных направлений.

Относительно удельного быта первый представил веские возражения профессор государственного права А. Д. Градовский («История местного управления в России», т. I). По его мнению, удельные князья, завещая по духовным грамотам волости и рядом села, в сущности, передают своим наследникам разные предметы владения в волостях (т. е. административных округах) и селах. Села они передают целиком, как полную собственность, а в волостях завещаются ими потомству только доходы и права управления. Князья сознавали различие своего владения селом и волостью, и это служит для Градовского доказательством, что в удельном периоде существовали понятия, вышедшие из сферы гражданского права и имевшие характер понятий государственных. Эти замечания Градовского вполне разделяет К. Н. Бестужев-Рюмин («Русская История», т. I). Он признает существование двух категорий владения, но думает, что логика людей XIV–XV вв. не могла их ясно различать и формулировать.

Между указанными мнениями становится В. О. Ключевский. В своем «Курсе» и в труде «Боярская Дума» он проводит резкую грань между Русью Киевской и Суздальской, северо-восточной. На северо-востоке иная почва и природа, чем на юге; иной физиологический и духовный склад народности (великоруссы), иные экономические условия жизни, – поэтому иными становятся и формы общественного быта. Общество северо-восточной Руси имеет характер преимущественно сельский, а князья приближаются к типу простых сельских хозяев. «Приближение княжеского владения к вотчинному владению частного собственника» видно из двух признаков: уделы 1) завещаются женщинам и 2) управляются княжескими холопами. Это признаки боярского землевладения в древней Киевской Руси. Но, сделавшись вотчинником, князь оставался и политической властью в уделе; он сохранял такие права, каких не имели другие, простые вотчинники. Впрочем, эти верховные права он понимал не в государственном смысле, а как важные статьи дохода, которые иногда уступал и другим лицам в виде льготы. Поэтому северо-восточный удельный князь может быть определен, как «вотчинник с правами государя, государь с привычками вотчинника». Князь вполне различал села от волостей по праву владения, но вполне их смешивал по способу эксплуатации.

Оригинальная попытка характеристики удельного периода сделана И. Е. Забелиным (см. в «Историческом Вестнике» за 1881 г. его статью «Взгляд на развитие московского единодержавия»). Характеристика эта совершенно лишена черт юридического определения. Единственной связью Русской земли в удельном периоде, по мнению Забелина, было чувство национального единства, жившее в народе. Князья совершенно забыли это единство и заботились о своем только уделе, и лучшим князем считался тот, кто лучше хозяйничал, лучше устраивал свой удел, «собирал его». Князьями-собирателями назывались не те князья, которые стремились к единодержавию, а те, которые лучше устраивали свое хозяйство; хозяйственные же и экономические наклонности князей зависели от наклонностей всего народонаселения, по преимуществу, «посадского», «рабочего и промышленного». Тех князей, которые лучше хозяйничали (т. е. князей московских), народные симпатии постепенно поднимали на высоту национального государя.

Таковы главнейшие оценки удельного быта, существующие в нашей литературе. К чему же все они сводятся? Историко-юридическая школа дала нам картину частного быта в удельном периоде, понимая этот быт, как подготовительный или переходный к государственному бытию. На основании воззрений этой школы об уделе мы можем сказать, что удел есть тер-

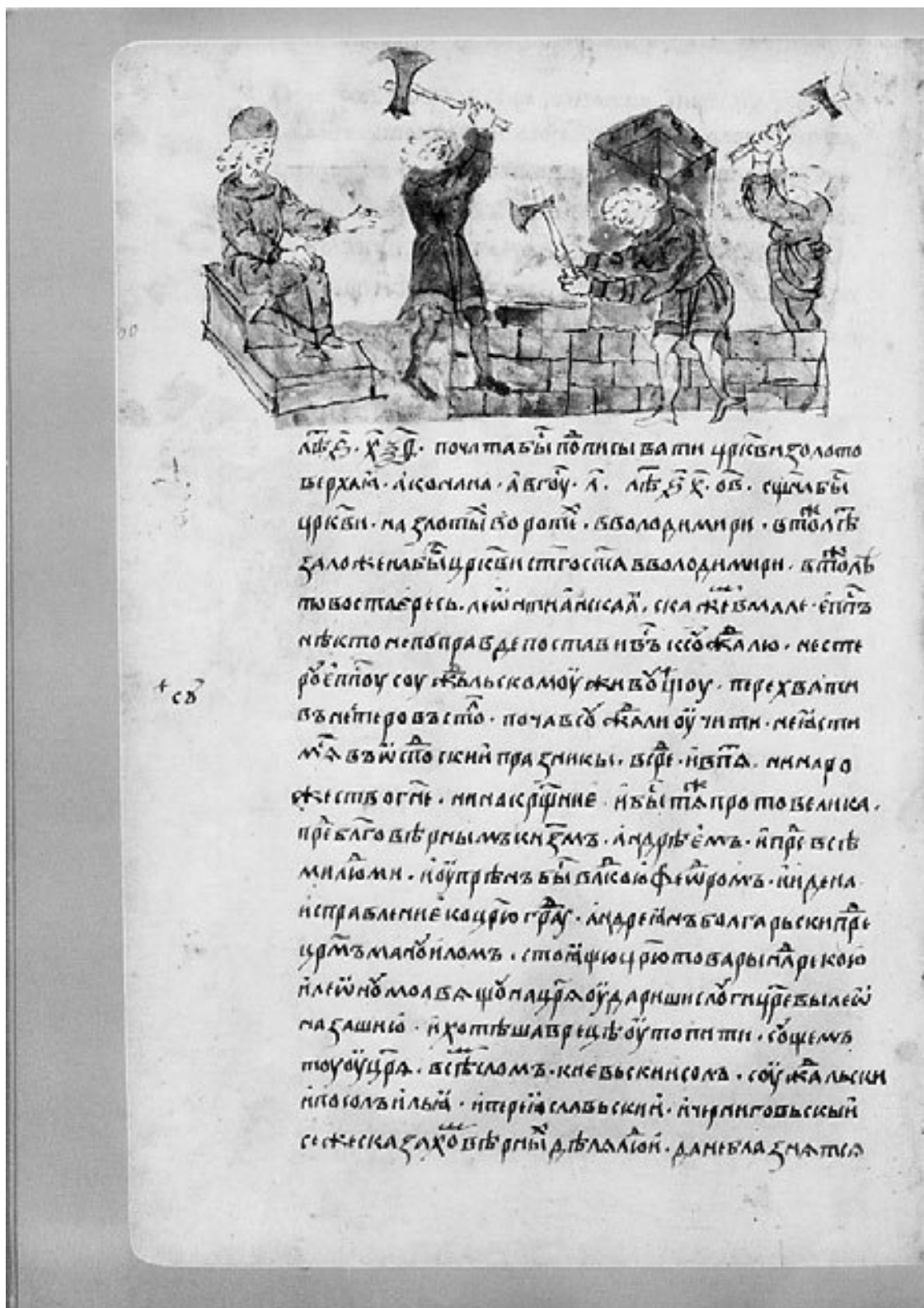
ритория, подчиненная князю на праве гражданском, как частная земельная собственность, т. е. вотчина. Однако некоторые исследователи находили в удельное время явления и понятия государственного порядка и поэтому отрицали исключительное господство в уделе частноправовых начал. На основании их воззрений мы можем сказать, что удел есть территория, подчиненная князю наследственно и управляемая им на основании начал и государственного, и частного права, причем различие этих начал князьями чувствуется, но в практике не проводится. В мнении Ключевского перевес на стороне явлений частного права. Хотя он признает политическое значение за княжеской властью, но проявления этой власти считает хозяйственно-административными приемами, а не государственною деятельностью. На основании его воззрений мы можем сказать, что удел есть вотчина с чертами государственного владения или государственное владение с вотчинным управлением и бытом. Наконец, Забелин, с национально-экономической (если можно так выразиться) точки зрения на удельную жизнь, берет старое определение удела, но этому определению дает новую, не юридическую форму. По его представлению, удел есть личное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусским племенем. Знакомая со всеми существующими взглядами на удел, нетрудно заметить, что у всех исследователей принят один термин для обозначения существа удела. Этот термин – вотчина. Все признают, что этот термин возможен, но все разное определяют ценность этого термина. Одни видят тождество удела и вотчины, другие – только сходство (и то в разной степени). Нетрудно понять также, почему термин «вотчина» привился и имеет право на существование: с развитием удельного порядка, при постоянном дроблении уделов между наследниками многие уделы измельчали и фактически перешли в простые вотчины (как, например, многие уделы Ярославской линии князей, в которых не бывало ни одного городка и было очень мало земли). Это обстоятельство измельчания уделов имеет значение, между прочим, и потому, что указывает на слабую сторону всех рассмотренных нами теорий об удельной эпохе. Все они как бы забывают, что княжеские удельные владения были крайне разнообразны по размерам: одни из них были незначительны настолько, что ничем не могли отличаться от частного владения, а другие вырастали в громадные области (московский удел в XV в.). Эти-то последние уделы по своим размерам уже заставляют предполагать, что власть их владетелей должна отличаться некоторыми государственными чертами.

Принимая это во внимание, мы должны поставить определение удела так, чтобы избежать некоторой неточности и неполноты и в то же время не впасть в противоречие с установленными наукою взглядами. Кажется, мы достигнем этого, если скажем, что удел северо-восточного князя есть наследственная земельная собственность князя, как политического владетеля (как частный землевладелец, он владел селами), собственность, по типу управления и быта подходящая к простой вотчине, а иногда и совсем в нее переходящая.

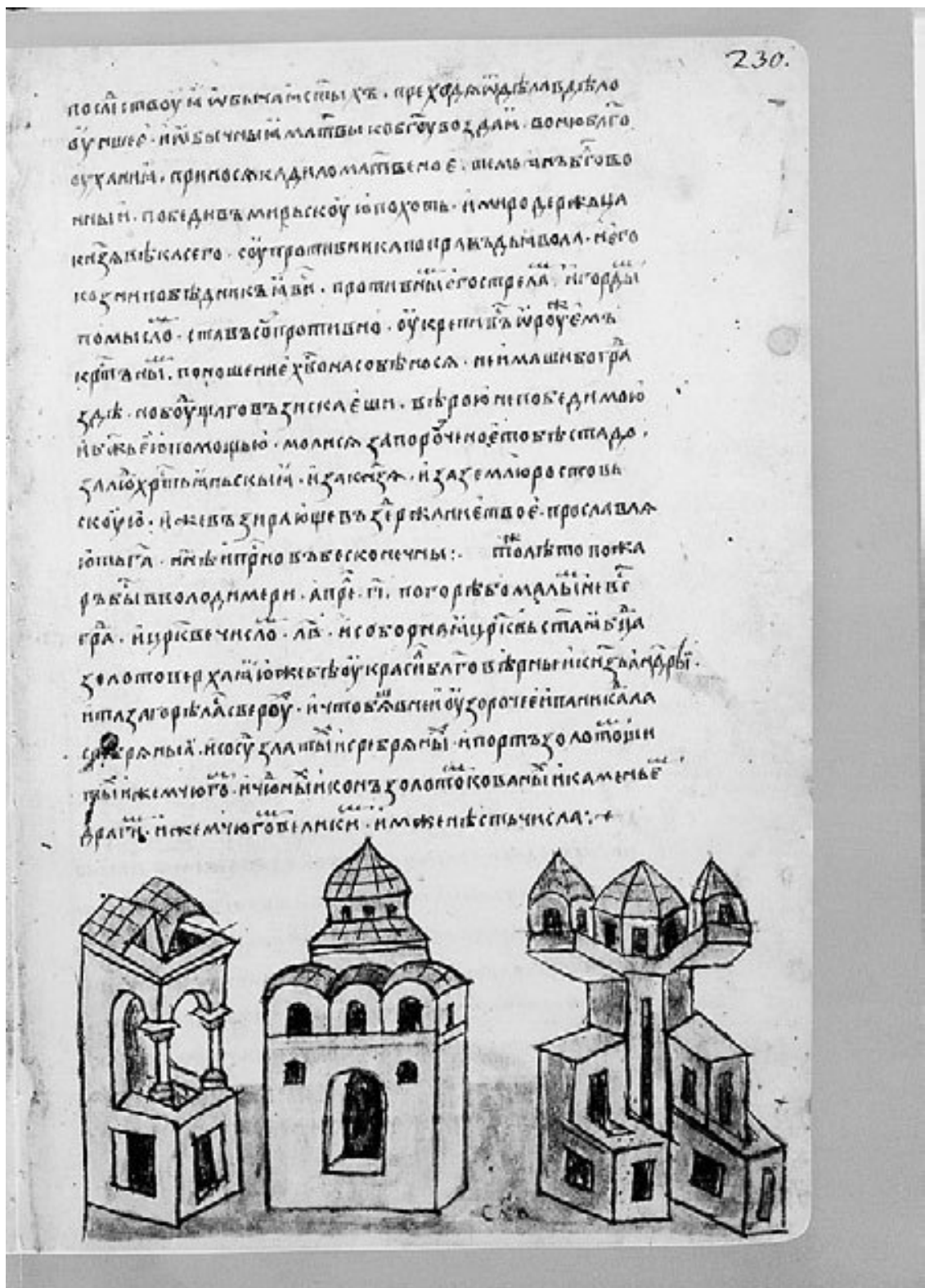

Поставление Андреем Юрьевичем Боголюбским (Владимирским) иконы Богоматери, вывезенной из Киева, во Владимирской Богородицкой церкви. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Раз старинная княжеская «волость» заменилась «уделом», которым князь владеет как собственностью, – всякое основание политического единства исчезает, князья уже не имеют привычки вспоминать, что они «одного деда внуки» и что у них должен быть старший, который бы «думал-гадал» о русской земле. Только единство зависимости от татар оставалось у различных княжеских семей, а в остальном эти семьи жили особо. Каждая из них, разрастаясь, превращалась в род и, пока родичи помнили о своем родстве, имела одного «великого князя». Рядом с великим князем Владимирским были такие же князья в Твери, Рязани и т. д. И отношения между этими княжескими родами и семьями уже не имели ничего родственного, а определились договорами. Когда же дробление княжеских родов и земель достигало полного развития, договорами стали определяться даже отношения родных братьев. И нетрудно указать причины, по которым князья нуждались в договорах. Как личные землевладельцы-собственники, интерес которых заключался в увеличении личной, семейной собственности, князья заботились о примыслах, т. е. об увеличении своего имущества, движимого и недвижимого, за счет других князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали для себя ту дань, которая собиралась на татар, и иногда или вовсе, или частью не была им передаваема. Эти заботы о примыслах превращали князей в хищников, от которых страдали интересы их соседей. Для этих соседей договор являлся средством оградить свои интересы от насилия смелого и сильного князя или привлечения его в союз, или уступкой ему некоторых прав и выдачей обязательств. Договорами определялись и взаимные отношения заключивших их князей и единство их политики по отношению к прочим князьям и внешним врагам Руси. Если князья договаривались как равноправные владетели, они называли себя «братьями»; если один князь признавал другого сильнейшим или становился под его покровительство, он называл сильнейшего «отцом» или «братом старейшим», а сам назывался «братом младшим». Владимирский-Буданов склонен думать, что междукняжеские договоры, определяя точно взаимные отношения северо-русских княжеств, превращали эти княжества в «северно-русский союз». В XIV и XV вв. является в договорах понятие княжеской службы: служебный князь XV в., не теряя фактически распоряжения вотчиной, становится мало-помалу из государя простым вотчинником и слугой другого князя. По договорам можно проследить, как мелкие князья входят все в большую и большую зависимость от сильных, и, наконец, все впадают в полную зависимость от одного московского князя, причем удельные князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передают ему верховные права на их вотчины, сохраняя в то же время в этих вотчинах права державного собственника. Эта зависимость одних князей от других любопытна в том отношении, что дает многие параллели с феодальным порядком Зап. Европы. Совокупность князей северо-восточной Руси как бы делит между собой верховную власть, сливая ее права с правом простого землевладения. Будучи все «государями» в своих уделах, князья в то же время зависят один от другого, как вассалы от сюзерена. По земле устанавливаются разные виды зависимости, изучение которых в последнее время привлекает силы многих ученых. В особенности много работал над исследованием «феодализма на Руси» покойный П. Н. Павлов-Сильванский. Обзор же сделанного до сих пор по этому вопросу можно найти в книге проф. Кареева «Поместье – государство» (СПб., 1906. Приложение I).

Строительство Успенского собора во Владимире по повелению Андрея Юрьевича Боголюбского (Ростовского). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Условные изображения города Владимира (справа), Успенского собора в архитектурных формах времени Андрея Боголюбского и великокняжеского терема (слева). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Смешение начал государственного и частного, с преобладанием последнего, мы встречаем и в устройстве самого удельного общества и в отношении его к князьям. В отношении к князьям население делится на людей служилых, которые князю служат, и тяглых, которые ему

платят. (Эти термины позднейших времен, эпоха Московского государства, но они могут быть употреблены в данном случае, так как в XIII и XIV вв. для обозначения общественных групп не существовало определенных названий.) Во главе служилых людей стояли те лица, которые участвовали в княжеской администрации. Первым лицом финансового управления считался дворский (дворецкий), управитель княжеского двора. В попытках точно определить значение должности дворского ученые расходятся. Одни говорят, что дворский управлял вообще княжеским двором; другие – что он управлял только княжеским земледельческим хозяйством. В зависимости от дворского находились «казначей», «ключники», «тиуны», «посельские» (сельские приказчики). Должность казначея с течением времени становилась почетнее, и впоследствии она сделалась «боярскою»; в эпоху более древнюю и казначеи, и ключники часто выбирались из холопов. Все эти лица ведали дворцовое, т. е. частное княжеское хозяйство; во главе же правительственной администрации находились бояре. Им давались в управление города и волости. Управляющие городом носили название «наместников», а управляющие волостью – название «волостеля». Из городов и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы для князя, но и средства на свое содержание, или «кормились» от населения; отсюда самая их должность носила название «кормлений», и таким образом провинциальное управление имело целью скорее содержание княжеских слуг, чем государственные потребности. Что же касается до участия бояр в дворцовом управлении, то здесь мы встречаемся с термином «путные бояре». «Путем» называлась статья княжеского дохода. Лицо, которому князь доверял управление «путем», называлось «путным боярином», если это был боярин, или «путником», если это не был боярин. Кроме «путных бояр», мы встречаем еще «введенных» и «больших» бояр. Что значили эти термины, точно до сих пор не объяснено. Бояре составляли думу князя и в ней пользовались большим значением, не меньшим, чем в Киевской Руси. Люди, занимавшие низшие ступени княжеской администрации, известны под именем «слуг» и «детей боярских» и «слуг под дворским»; последние не могли переходить, как бояре и слуги вольные, на службу от одного князя к другому, не теряя при этом своей земли. Вообще же княжеские слуги находились в двояком отношении к князю: они были или холопы князя, или же вольные его слуги, которые имели право перехода на службу от одного князя к другому, сохраняя при этом за собой свои земли (вотчины) в том уделе, откуда уходили. Только в одном случае бояре были безусловно обязаны службой тому князю, в уделе которого находились их земли, – если город, в области которого лежала вотчина боярина, был в осаде, то боярин был обязан помочь осажденному городу. Князь, имея таких вольных слуг, должен был им давать вознаграждение или «жалованьем» (деньгами и вотчинами) или «кормлением» (т. е. посылкою на должности «наместника» и «волостеля»). Кроме этих средств обеспечения вошло в обычай обеспечение «поместьем». Поместьем называлась земля, данная во владение князем его слуге условно, т. е. до тех пор, пока продолжалась его служба. Вопрос о времени и порядке возникновения поместий не решен. Известно, что в XIV в. поместья уже были, что видно, между прочим, из завещания Ивана Калиты. О происхождении системы поместий существуют различные мнения. Старые ученые (Неволин) смешивали кормления и поместья в один вид условного владения и говорили, что поместья произошли от кормления; но между тем и другим существует громадная разница: в кормление давались области на праве публичном, т. е. давалось право сбора дани за обязанность управления. Поместье же давалось на частном праве, как владение за службу лица, из сел, принадлежавших лично князю.

Люди, не принадлежавшие к служилому сословию, т. е. люди «тяглые», разделились на купцов, или гостей, и людей «черных», «численных», позднее «крестьян». Купцов в северовосточной Руси было немного, так как торговля не была особенно развита, и они не были особым сословием с известными юридическими признаками: купцом мог быть всякий по желанию. Люди черные или численные жили или на своих собственных землях, или на землях владельческих (т. е. монастырских, боярских), или же на княжеских землях, так называемых «чер-

ных». Крестьяне на черных землях платили за пользование ею князю дань и оброк; крестьяне на владельческих землях, платя подати князю, в то же время платили оброк и землевладельцу деньгами, натурой или барщиной и пользовались правом перехода от одного землевладельца к другому.

Новгород

Центром исторической жизни северной Руси в удельный период, кроме Суздальско-Владимирского княжества, был Новгород. Он представлял собой целое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее в упадок благодаря внутренним неурядицам. Вследствие оригинальных особенностей своей жизни, которыми он так отличался от других русских областей, Новгород обращает на себя внимание многих исследователей, так что мы имеем обширную литературу, посвященную его истории. Важнее прочих труды: Беляева «История Новгорода Великого» в его «Рассказах по Русской Истории», кн. 2-я; Костомарова «Севернорусская народоправства» в его «Исторических монографиях и исследованиях», т. VI и VIII; Пассека «Новгород сам в себе» в «Чтениях Импер. Общ. Истории и Древностей», 1869, кн. IV, и в сборнике Пассека «Исследования в области Русской Истории». М., 1870; Никитского: а) «Очерк внутренней истории Пскова». СПб., 1873, б) «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде». СПб., 1879, и в) «История экономического быта Великого Новгорода». М., 1893.

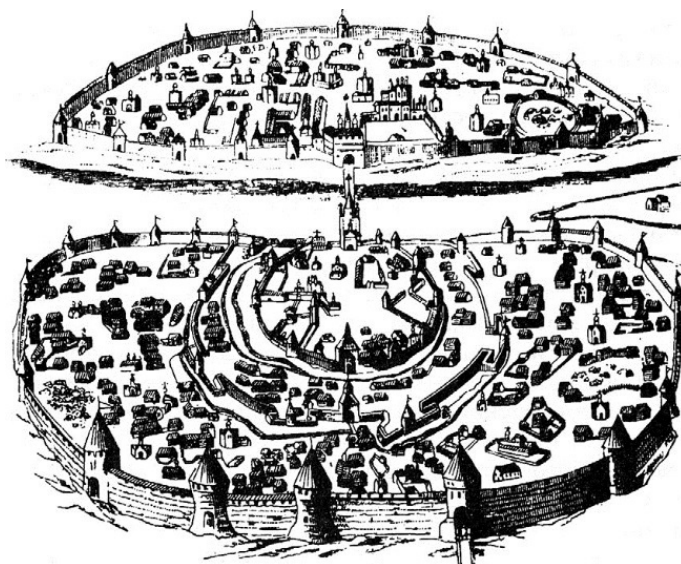

И. Ф. Некрасов. Новгородская торговля

О племени, издревле населявшем Новгород, существует много различных мнений. Некоторые ученые, как, например, Беляев и Иловайский, считают новгородских славян тождественными с кривичами, жившими в областях Полоцкой и Смоленской. Костомаров считает их южно-руссами, так как говор новгородских жителей схож с южнорусским; Гильфердинг сближал новгородских славян с балтийскими. Местность, заселенная новгородскими славянами, была болотиста, лесиста и малоплодородна, вследствие чего в этом крае особенно развились торговля, промышленность и колонизация; этому много способствовал и энергичный, смелый и предприимчивый характер населения, близость судоходных рек и положение Новгорода на главном торговом пути «из Варяг в Греки». Главным городом новгородских славян был Новгород. Вопрос о времени его происхождения очень темен. В «Повести временных лет» есть известие о том, что Новгород стоял во главе племен, признавших варягов, следовательно, в IX в. он уже достиг большой влияния и силы. Существует мнение, что Новгород вырос из старых отдельных поселений, которые потом получили названия «концов». Город был расположен по обеим сторонам реки Волхова, недалеко от озера Ильменя. Волховом Новгород

делился на две «стороны»: одна из них, восточная, носила название «Торговой» от находящегося здесь рынка, другая – «Софийской» – от храма во имя святой Софии. Новгородская крепость называлась «детинец», или кремль. Стороны делились на пять «концов». Концы, по всей вероятности, были первоначально отдельными слободами, а так как население постепенно двигалось к центру, то место, которое было слободой, становилось концом. То, что концы были отдельными самостоятельными слободами, подтверждается их особым управлением, частыми враждебными столкновениями между ними. Кругом Новгорода лежали громадные пространства земли, принадлежавшие Новгороду и называвшиеся «землей св. Софии». Эта земля делилась на пятины и области. Число пятин соответствовало числу концов. К северо-востоку от Новгорода, по обеим сторонам Онежского озера, лежала пятина Обонежская; к северо-западу, между Волховом и Лугой, – Водьская; к юго-востоку, между Мстой и Ловатью, – пятина Деревская; к юго-западу, по обеим сторонам реки Шелони, – Шелонская, наконец, на юго-востоке простиралась пятина Бежецкая. В пятинах находились пригороды Новгорода: Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды были в зависимости от Новгорода, принимали участие в его делах и призывались на новгородские веча; из них только Псков в XIV в. достиг государственной независимости и стал называться «младшим братом Новгорода». За пятинами находились новгородские «волости» или «земли», имевшие отличное от пятин устройство; число их в разное время было различно. Среди них самое видное место занимали Заволочье и Двинская земля, лежащие за водоразделом бассейна Онеги, Западной Двины и Волги. К востоку простиралась Пермская земля, лежащая по рекам Вычегде и Каме; к северо-востоку от Заволочья и Пермской земли находилась волость Печора, расположенная по реке Печоре; по другую сторону Уральского хребта земли Югра, а на берегах Белого моря земля Терская, или «Тре», и др.

Ход обособления Новгорода и условия, создавшие особенности новгородской жизни. Если мы рассмотрим в историю Новгорода, то заметим такие особенности новгородской жизни, которых нет в южной Руси. Первоначально Новгород был в таком же отношении к великому князю, как и другие города. При переселении из Новгорода в Киев Олег обложил его данью в триста гривен и назначил ему посадника; при следующих князьях положение Новгорода было одинаково с положением прочих городов древней Руси, и это продолжается до XII в. С половины же XII в. мы встречаем в новгородской жизни ряд явлений, существенно отличающих ее от жизни других областей. Отдаленность от Киева заставляет князей считать Новгород в числе не самых важных волостей, и таким образом Новгород, не будучи предметом княжеских распрей, мало-помалу освободился от давления князя и дружин и мог на просторе развивать свой быт.

План древнего Новгорода

Неплодородие почвы заставило новгородцев искать занятий помимо земледелия, вследствие чего, как уже выше было сказано, в Новгороде сильно была развита промышленность и торговля, обогатившая его. О торговом значении Новгорода мы имеем многочисленные известия в летописи. Об обширности торговых сношений Новгорода свидетельствуют восточные монеты, находимые в большом количестве в бывших новгородских землях. Новгород торговал и с Грецией и с Западом. Когда торговое значение балтийских славян перешло к острову Готланду, тогда Новгород вел с ним торговлю, а в XII в., когда торговое преобладание перешло к ганзейскому городу Любеку, новгородцы помимо Готланда завели торговые сношения с немцами, на что указывают дошедшие до нас договоры, в которых определяются отношения немецких, готландских и русских купцов. При постоянно возрастающем торговом могуществе Новгорода распри князей из-за уделов и их частая смена в Новгороде уронили их авторитет перед новгородцами и дали возможность укрепить и узаконить двум особенностям новгородской жизни, помогшим политическому обособлению Новгорода: договорам с князьями и особому характеру выборной администрации. «Ряды» с князьями, имевшие целью определить отношение князя к Новгороду, скрепляемые обыкновенно крестным целованием, мы встречаем уже в XII в., хотя условий этих договоров до второй половины XIII в. не знаем. Так, например, до нас дошло известие о ряде Всеволода-Гавриила в 1132 г. В 1218 г., когда новгородцы на место Мстислава Удалого, князя торопецкого, призвали Святослава Смоленского, то последний потребовал смены посадника Твердислава «без вины», как он объявил. Тогда новгородцы заметили ему, что он целовал крест без вины мужа должности не лишать. Из дошедших до нас древнейших договорных грамот с Ярославом Тверским в 1264–1265 и 1270 гг. мы можем вполне определить отношение князя к Новгороду, степень его власти и круг его деятельности. Князь не мог управлять иначе, как под контролем посадника, получая определенный доход; он и его дружина не имели права приобретать в собственность земли и людей. Право суда было тоже точно определено: князь должен был судить в Новгороде и с содействием посадника. Кроме того, князь обязан был не только дать льготы для торговли новгородским купцам в своем уделе, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положение князя зависело от силы партии, которая его призвала, от отсутствия сильных соперников и от личности самого князя. Помощник князя в управлении, «посадник», при первых князьях назначался князем и служил представителем его интересов перед новгородцами. С половины XII в. мы замечаем обратное: посадник уже избирается новгородцами и служит представителем Новгорода перед князем. Около этого времени и должность тысяцкого становится выборной.

В управлении Новгорода большое значение имеет епископ (позднее архиепископ) – высшее духовное лицо. До XII в. епископ назначался митрополитом из Киева, так как Новгород в это время находился в зависимости от Киева, а в 1156 г. новгородцы сами избрали себе в епископы Аркадия и через два года послали его в Киев для посвящения. После этого новгородцы всегда сами избирали епископов (впрочем, Аркадий назначил себе преемника). Вскоре установился порядок выбора епископа из 3 кандидатов (назначаемых вечем), причем три жребия с именами трех намеченных в иерархи лиц клали на престол в храм св. Софии и давали мальчику или слепому взять два из них; чей жребий оставался, тот считался избранным Божьей волею и посылался на утверждение киевского митрополита. Таким образом, путем рядов и установлением выборных властей Новгород выделился политическим устройством из ряда других областей. Высшим политическим органом в Новгороде стало с этих пор вече, а не княжеская власть, как это было в то время в северо-восточной Руси.

Устройство и управление. Новгородское вече, по своему происхождению, было учреждением однородным с вечами других городов, только сложившимся в более выработанные формы; но оно тем не менее не было вполне благоустроенным, постоянно действующим политическим органом. Вече созывалось не периодически, а тогда, когда в нем была надобность, князем, посадником или тысяцким на Торговой стороне города, на Ярославском дворе, или же звонили вече по воле народа, на Торговой или на Софийской стороне. Состояло оно из жителей как Новгорода, так и его пригородов; ограничений в среде новгородских граждан не было, всякий свободный и самостоятельный человек мог идти на вече. Вече призывает князей, изгоняет их и судит, избирает посадников и владык (архиепископов), решает вопросы о войне и мире и законодательствует. Решения постановлялись единогласно; в случае несогласия вече разделялось на партии, и сильнейшая силой заставляла согласиться слабейшую. Иногда, как результат распри, созывались два вечера; одно на Торговой, другое на Софийской стороне; раздор кончался тем, что оба вечера сходились на Волховском мосту, и только вмешательство духовенства предупреждало кровопролитие. При таком устройстве вечера ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящие на очереди вопросы, ни создавать законопроекты; нужно было особое учреждение, которое предварительно разрабатывало бы важнейшие вопросы, подлежащие решению вечера. Таким учреждением был в Новгороде особый правительственный совет, называемый немцами «Негген», «совет господ», так как этот правительственный совет состоял из старых и степенных посадников, тысяцких и сотских и носил аристократический характер; число его членов в XV в. доходило до пятидесяти. Указания на существование такого совета в научной литературе появились не особенно давно; долгое время историки и не подозревали о его существовании, так как это учреждение никогда не получало правильного юридического устройства. Честь его исследования принадлежит Никитскому.

Главной исполнительной властью в Новгороде был «посадник», пользовавшийся большим значением; как представитель города, он охранял интересы его перед князем. Без него князь не мог судить новгородцев и раздавать волости; а в отсутствие князя он управлял городом, часто предводительствовал войсками и вел дипломатические переговоры от имени Новгорода. Определенного срока службы для посадника не было: он правил, пока его не отставляло вече, и его отставка значила, что партия, представителем которой он был, потерпела поражение на вече. В посадники мог быть избран каждый полноправный гражданин Новгорода, но по летописи видно, что должность посадника сосредоточивалась в небольшом числе известных боярских фамилий, – так, в XIII и XIV вв. из одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадников. Посадник не получал определенного жалованья, но пользовался известным доходом с волостей, называемых «поралье». Рядом с посадником видим другого важного новгородского сановника – «тысяцкого». Характер власти тысяцкого темен; немцы называют его «Herzog», стало быть, эта власть военная, на это намекает и русское название «тысяцкий», т.е. начальник городского полка, называемого тысячей. Он, насколько можно судить, явля-

ется представителем низших классов новгородского общества, в противоположность посаднику. У тысяцкого был свой суд; городская тысяча делилась на сотни, с сотским во главе, которые подчинялись тысяцкому. Кроме посадника, тысяцкого и сотских, в Новгороде замечаем еще территориальные власти – это старосты концов и улиц, а концы и улицы представляли из себя автономные административные единицы. Что касается до областной жизни Новгорода, то вопрос об управлении областей очень смутен. Все пятины Новгорода, за исключением Бежецкой, своими пределами доходят до Новгорода; на основании этого можно предположить, что новгородские пятины первоначально были маленькие области, примыкавшие к концам и управлявшиеся кончанскими старостами. С распространением новгородских завоеваний каждая завоеванная область приписывалась к тому или другому концу, так что увеличение новгородской территории шло вдаль от Новгорода по радиусам окружности. Но нельзя скрыть, что это предположение гадательное, основанное на совпадении числа пятин и концов и на аналогии со Псковом, где все пригороды были приписаны к городским концам. Что касается до документальных свидетельств, то они заключаются лишь в одном темном месте записок Герберштейна о России: Герберштейн говорит о Новгороде, что Новгород имел обширную область, разделенную на пять частей (*Latissimam ditionem, In quinque partes distributam habebat*); далее он говорит, что каждая из них ведалась у своего начальника, и житель мог заключать сделки только в своей части (*in sua dumtaxat civitatis regione*). Здесь являются два труднопереводимых места: во-первых, каким словом надо перевести «*ditio*»? место, занимаемое городом? территория, занимаемая государством? или государственная власть, как это слово понималось в классической латыни? и, во-вторых, что надо понимать под словом «*civitas*», город или государство? Что касается до толкования этого места Герберштейна в русской науке, то мнения расходятся. Неволин, Беляев, Бестужев-Рюмин под ним понимают только город, а Ключевский и Замысловский склонны видеть здесь всю новгородскую территорию. Таким образом, вопрос об управлении пятин остается нерешенным. Что касается до новгородских пригородов и волостей, то известно, что Новгород предоставляет им полную внутреннюю самостоятельность, – так, Псков имел своего князя и право суда, а пример Двинской земли с ее собственными князьями говорит о малой зависимости от Новгорода и его властей. Таким образом, политической формой новгородской жизни была демократическая республика, – демократическая потому, что верховная власть принадлежала вечу, куда имел доступ всякий свободный новгородский гражданин. Но хотя все свободное население Новгорода принимало участие в управлении и суде, тем не менее оно, при полном политическом равенстве, представляется нам разделенным на разные слои и классы. В основе этого деления легло экономическое неравенство. Оно, создав сильную аристократию, имело важное влияние на развитие и падение Новгорода, при нем не осуществлялось должным образом и политическое равенство.

Георгиевский собор Юрьева монастыря

Церковь Спаса на Ильинке улице в Великом Новгороде

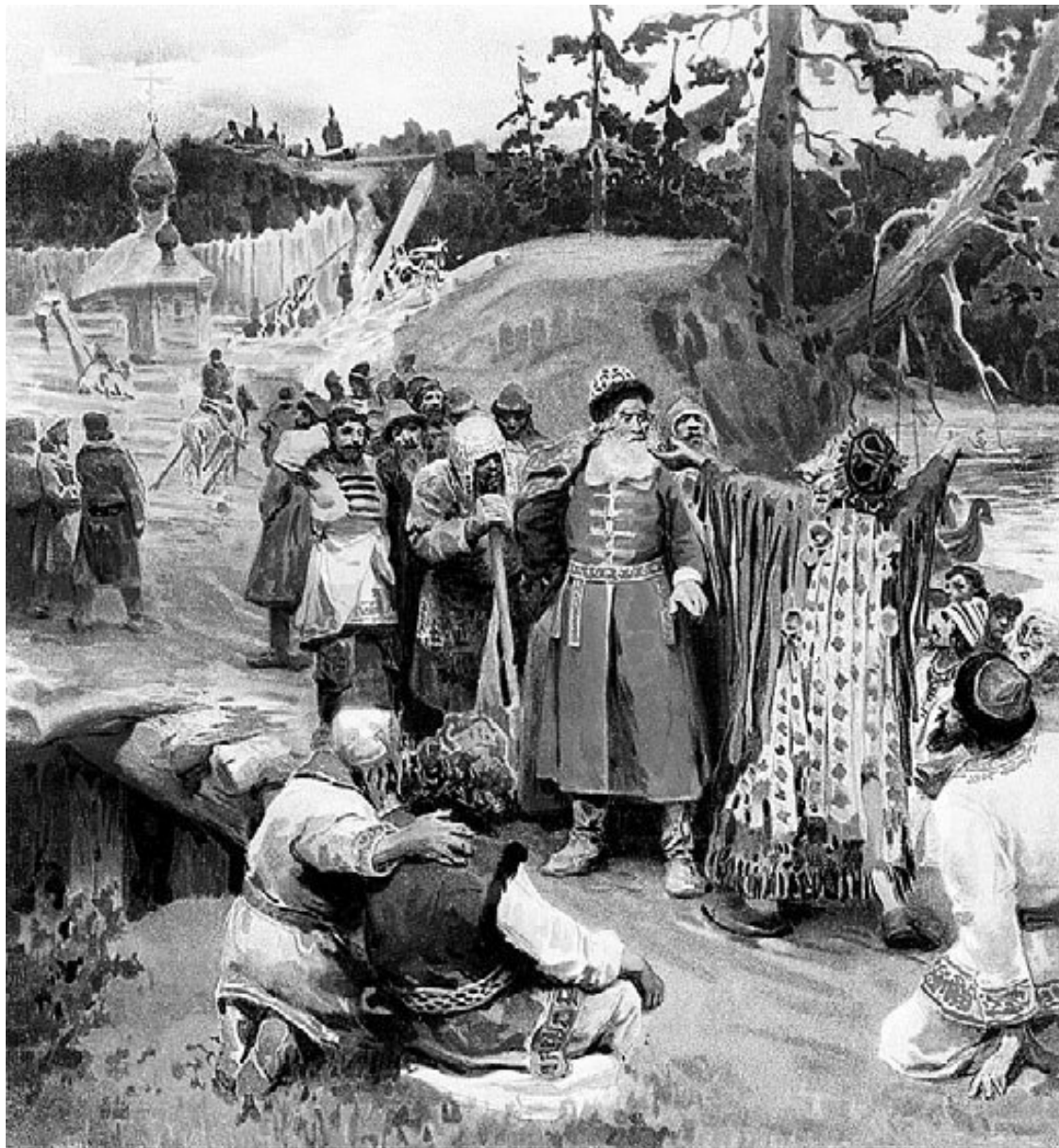
Новгородское население делилось на лучших и меньших людей. Меньшие не были меньшими по политическим правам, а лишь по экономическому положению и фактическому значению. Экономическим неравенством, при полном равенстве юридическом, и обуславливаются новгородские смуты, начиная с XIV столетия; под экономическим давлением высших слоев масса не могла пользоваться своими политическими правами – являлось противоречие права и факта, что дразнило народ и побуждало его к смутам. В более раннюю пору новгородской жизни, как это видно по летописям, смуты возникали из-за призвания князей: князья, призываемые в Новгород, должны были открыть новгородцам, по замечанию Пассека, торговлю в других частях Руси, и при призвании князя принималось в расчет – какая область всего удобнее для новгородской торговли, при этом сталкивались интересы разных кружков новгородской аристократии, крупных новгородских торговцев. Таким образом, до XIV в. смуты возникали из-за торговых интересов и происходили в высших классах. Но с XIV в. обстоятельства переменились. Усиление Москвы, с одной стороны, и Литвы, с другой, уменьшив число князей, упростило вопрос о призвании их, и он перестал быть источником смут: но вместе с тем в XIV в. сильно увеличилась в Новгороде разница состояний, вследствие чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характер, – мотивы торгово-политические сменились экономическими. Эти-то смуты и содействовали полному упадку Новгородского государства.

Древний собор святой Софии в Новгороде

Кроме общего деления на «лучших и меньших» людей встречаем деление новгородского населения на три класса: высший класс – бояре, средний – житы люди и купцы и низший – черные люди. Во главе новгородского общества стояли бояре: это были крупные капиталисты и землевладельцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участия в торговле, но, ссужая своими капиталами купцов, торговали через других и таким образом стояли во главе торговых оборотов Новгорода. Многих ученых занимал вопрос, каким образом явилось боярство, которое в древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, в том краю, где княжеская власть была всегда слаба. Беляев объясняет его происхождение развитием личного землевладения, образование больших боярских вотчин он относит еще к тому времени, когда Новгород не обособился от остальной Руси; Ключевский же говорит, что новгородское боярство вышло из того же источника, как и в других областях; этим источником была служба князю, занятие высших правительственных должностей по назначению князя, – князья, приезжая в Новгород, назначали тысяцких и посадников, по его мнению, из туземцев, которые приобретали сан боярина, сохраняли его за собою и передавали потомству. Следует отдать предпочтение первому мнению. Следующий класс составляли «житы люди». По мнению одних, это – новгородские землевладельцы, по мнению других –

средние капиталисты, живущие процентами со своих капиталов. За ними следовали купцы, главным занятием которых была торговля. Купцы делились на сотни и основывали купеческие компании, куда принимали внесших 50 гривен серебра; каждый член такого купеческого общества в своих торговых оборотах пользовался поддержкой своей общины.

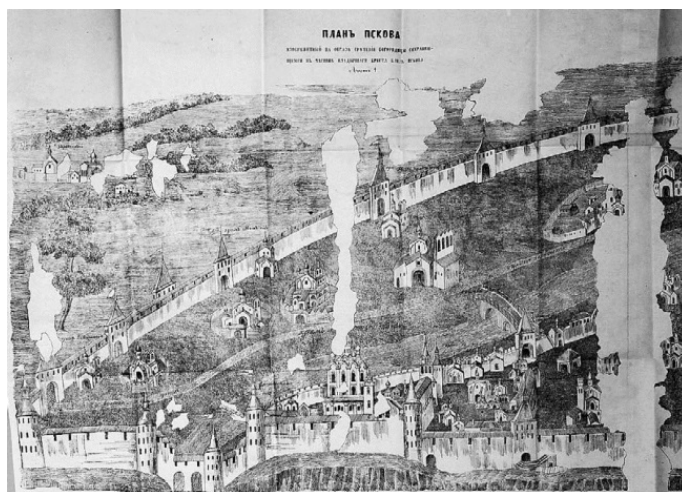
К. В. Лебедев. Ушкуйники. (Поселение вольной новгородской дружины в финском Заволжье)

Вся остальная масса народа носила название «черных людей». К ним принадлежали жившие в городах ремесленники, рабочие и жившие в погостах смерды и земцы. Под земцами, как кажется, следует подразумевать мелких землевладельцев, а что касается до смердов, то, по мнению Костомарова, это были безземельные люди, а по мнению Бестужева-Рюмина, все сельское население Новгородской области. Противоречие экономического устройства новгородской жизни политическому, как сказано выше, было причиной смут Новгорода и ускорило падение его вечевой жизни. В XV в. управление фактически перешло в руки немногих бояр, вече превратилось в игрушку немногих боярских фамилий, которые подкупали и своим влиянием составляли себе большие партии на вече из так называемых «худых мужиков вечников»,

заставляя их действовать в свою пользу; таким образом, с течением времени новгородское устройство выродилось в охлократию, которая прикрывала собой олигархию. Другой политической слабости Новгорода, кроме внутреннего сословного разлада, было равнодушие областей к судьбе главного города, вследствие чего, когда Москва стала думать о подчинении Новгородской области, она незаметно достигла этого подчинения и не встретила крепкого отпора со стороны новгородского населения. Таким образом, причина падения Новгорода была не только внешняя – усиление Московского государства, но и внутренняя; если бы не было Москвы, Новгород стал бы жертвою иного соседа, его падение было неизбежно, потому что он сам в себе растил семена разложения.

Псков

Псков, один из пригородов Новгорода, расположенный на конце новгородских владений, на границе Руси и Литвы, по соседству с немцами, играл роль передового русского поста на Западе и добросовестно исполнял свою задачу – задержать немцев в их движении на русские земли. Псков, по своему внутреннему устройству, подходил к Новгороду – то же вече, как господствующий орган правления, та же посадничья власть (два посадника), подобные новгородским сословные деления. Только Псков был централизованнее и демократичнее. А это, наряду с местными особенностями жизни, дало другое содержание истории Пскова. Псков, как город с малой территорией, достиг централизации в управлении, которой не мог достигнуть Новгород. Пригороды Пскова были или административные или военные посты, которые выставлял Псков на литовской и ливонской границе, но эти пригороды не имели самостоятельности. Псков настолько владел ими, что переносил их с места на место и налагал на них наказания. Благодаря малой территории, боярские владения не достигли во Псковской земле таких размеров, как в Новгороде, вследствие чего не было большой разницы состояний; низшие классы не находились в такой зависимости от высших, и боярский класс не был таким замкнутым, как в Новгороде.

План Пскова с иконы XVII в.

С другой стороны, бояре не держали в своих руках политическую судьбу Пскова, как это было в Новгороде. Вече, которое во Пскове было мирным, избирало обыкновенно двух посадников (в Новгороде же вече избирало только одного), часто их сменяло и успешнее контролировало. Все общество имело более демократический склад с преобладанием средних классов над высшими. Того внутреннего разлада, какой губил Новгород, не было. Самостоятельность Пскова пала не от внутренних его болезней, а от внешних причин, – от усиления Москвы, которым выражалось стремление великорусского племени к государственному объединению.

Литва

Рядом с расцветом политической жизни в Новгороде и Суздальско-Владимирской Руси мы замечаем оживление и усиление Волыни и особенно Галича. «Центр жизни перешел в Руси южной от Днепра к Карпатам, – говорит проф. Бестужев-Рюмин, – это перенесение средоточия исторической жизни становилось заметным уже давно, хотя князья продолжали добиваться Киева и перед самым почти взятием его татарами велись из-за него распри... но несмотря на эти распри Киев уже пал еще после взятия его войсками Боголюбского» (1169) ... Жизнь историческая нашла себе новое русло: руслом этим была земля галицкая. Но Мономаховичам, утвердившимся на Волыни и в Галиче, пришлось бороться за власть с могучим галицким боярством, которое выросло там в независимую от князя политическую силу и выносит большое давление иноземных соседей: татар, поляков, угров и литвы. Открытая война и дипломатическая игра с этими соседями окончилась победой не Галича. Волынь перешла под власть Литвы в середине XIV в., а за обладание Галичем та же Литва спорила с 1340 г. с Польшей. Галичу выпала недолгая слава, и та миссия соединения южной и западной Руси, которая, казалось, была суждена именно Галичу, перешла от него к Литве.

Герб Великого княжества Литовского. 1575 г.

Благодаря тому, что Литовское государство составилось преимущественно из русских областей, жило общей политической жизнью с Польшей и имело постоянные, хотя и враждебные сношения с немцами, оно заинтересовало своей судьбой не только русских, но и польских и немецких историков; в немецкой и польской литературах есть очень серьезные труды по литовской этнографии и истории. Немецкая литература располагает такими солидными сочинениями, как Voigt, *Geschichte Preussens* (1827–1837) Roppel und Caro, *Geschichte Polens* (1840–1869). В польской литературе после старых баснословий, вроде Нарбута (*Dzieje starozytne narodu Litewskiego* и др.) и Лелевиля (*Dzieje Litwy i Russi* и др.), явились очень хорошие монографии по литовской истории, например: Стадницкого (ряд монографий о литовских князьях: *Sunowie Gedumina* и др.), Вольфа (Wolff, *Rod Gedumina*), Смольки (*Smolka Szkice historyczne* и др.), Прохаски (*Prochazka, Ostatni lata Witolda*, 1882; *Szkice historyczne z XV wieku*, 1884) и

ряд прекрасных изданий памятников в сборнике «*Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae Illustrantia*» (в котором принимают участие и другие ученые: Соколовский, Шуйский, Левицкий). Что касается русских ученых, то они прежде мало обращали внимания на историю Литвы, и только в последнее время развилось сознание, что Литва была государством по населению русским и что изучение ее, с точки зрения этнографической и исторической, составляет интерес первостепенной важности для русского историка, в Литве, история которой шла иным путем, чем история Москвы, сохранились чище и яснее некоторые черты древнерусской жизни, и русское общество в Литве осталось в своей массе верным своей народности, хотя и поставлено было в тяжелые условия жизни и развития. Из старых историков Карамзин в своей «Истории Государства Российского» почти ничего не говорит о Литве; Соловьев, хотя и отмечает литовские события, но отдел о Литве у него менее обработан, чем история Московской Руси. В трудах ученых позднейшего времени история Литвы выступает в более полном виде. Отметим из более ранних монографий: Владимирского-Буданова, «Немецкое право в Литве и Польше» и др.; Васильевского «Очерк истории города Вильны» и др.; Антоновича «Очерк истории Великого княжества Литовского» (в «Монографиях по истории западной и юго-западной России», т. 1, 1885 г.); Дашкевича «Заметки по истории Литовско-Русского княжества». Для первоначального руководства следует взять только что названный труд Антоновича, у которого находится свод достоверных известий о Литве с начала ее истории до уний с Польшей; обстоятельный критический обзор этого труда составлен Дашкевичем в его «Заметках»; Антонович и Дашкевич взаимно дополняют один другого, и в их трудах мы имеем первую научно-достоверную историю Литвы. Затем в «Истории России» Иловайского история Литвы излагается на разных правах с историей Москвы. Подробные обзоры литовской истории находим также в «Русской Истории» Бестужева-Рюмина. Наконец, в позднейшие годы появились монографии: Владимирского-Буданова: «Поместья Литовского Государства», «Формы крестьянского землевладения в Литве» и др.; Любавского «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства» и «Литовско-русский сейм»; Леонтовича «Очерки истории литовско-русского права»; Максимейко «Сеймы Литовско-Русского государства до 1569 г.»; Лаппо «Великое княжество Литовское во 2-й половине XVI в.» (два тома); Довнар-Запольского «Государственное хозяйство вел. княжества Литовского» и «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.» Из популярных изложений литовской и западнорусской истории следует упомянуть: Беляева «Рассказы из русской истории», т. IV; Кояловича «Чтения по истории Западной России» и превосходный курс проф. М. К. Любавского «Очерк по истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910).

Литовская печать 1407 г.

Племя, известное под названием литовского, является рассеянным с давних пор на Балтийском поморье, между Западной Двиной и Вислой; на востоке оно распространяется на весь

почти бассейн реки Немана и своими крайними южными поселениями достигает до среднего течения Западного Буга. Литовцы, как можно заключить по остаткам литовского языка, составляли самостоятельную ветвь арийского племени, близкую славянам. По немногочисленным сведениям, дошедшим до нас о первоначальном быте литовцев, мы можем указать в X и XI вв. следующие народности или племена, на которые распалось литовское племя: на севере литовской территории, на правой стороне Двины жило племя, называемое летгола; к югу от него по левому берегу Двины – жемгола или семигола; на полуострове между Балтийским морем и Рижским заливом – корс или куроны; к западу между устьем Немана и Вислы – пруссы. Они разделялись на десять колен; название двух прусских колен «судинов» и «галиндов» находим у Птоломея, писателя II в. по Р. Х. Он помещает их на тех же местах, где они были позже, на основании чего ученые склонны думать, что литовское племя поселилось у Балтийского моря очень рано. По бассейну Немана жили: жмудь по нижнему течению и литва по среднему течению. Наконец, по реке Нареву простирались поселения последнего литовского народа ятвягов. Что касается до быта литовцев в древности, то, как замечено было выше, сведения о нем скудны. Религия их состояла, вероятно, в поклонении силам природы. Исторические известия об именах литовских божеств (за исключением разве Перкуна) и религиозных обрядах (за исключением немногих) подвергаются сильному подозрению со стороны позднейших ученых и часто опускаются в ученых трудах. По дошедшим до нас сведениям можем заключить, что у них существовал очень влиятельный класс жрецов, находящихся в подчинении у главного жреца Криве или Криво-Кривейто, который пользовался громадным уважением. Характерной чертой быта литовцев было отсутствие первых начал государственности, которые, например, у славян выражались основанием городов. В древнейших летописях, описывающих походы русских на Литву, не упоминается о городах на литовской территории. Время их возникновения Антонович относит лишь к XIII в., ссылаясь на летописи, которые впервые под 1252 г. упоминают о литовских городах: «Ворута» и «Твереметь» (Ворута был расположен в местности, занятой племенем литвой, а Твереметь – в местности, занятой жмудью). Дашкевич говорит, что летописи под 1252 г. упоминают не об основании городов, а об их существовании; основаны они были, по его мнению, немного раньше. Наряду с отсутствием в древнейшей Литве городов как объединяющих центров заметно и полное отсутствие политической власти. До половины XIII в. польские и немецкие летописи, описывая столкновения литовцев с соседними народами, не только не называют литовских вождей, но не упоминают о существовании каких бы то ни было правителей; до половины XIV в. упоминаются лишь вожди, но власть их простиралась на незначительные округа; в летописях на незначительном пространстве территории обыкновенно указывают на целую группу таких начальников. Это были скорее представители отдельных родов, чем племенные правители. Таким образом, литовское племя до половины XIV в. не только не составляло государства, но даже сплоченных племен, а представляло массу небольших волостей, управляемых независимыми вождями без всякой политической связи между ними. Только тождество происхождения, быта, языка, преданий и религиозного культа объединяло отдельные части этого племени. Но опасность со стороны внешних врагов заставила литовцев ускорить процесс своей политической организации и заменить опиравшуюся на нравственное влияние власть жрецов властью князей. Этими врагами были немецкие рыцари, которые с начала XIII в. появились на окраинах литовской земли с целью обращения литовцев в христианство и вместе с тем в крепостную зависимость от победителей. К концу XIII в. немцы подчинили себе пруссов, земли летголы и жемголы и приблизились к поселениям собственно литвы и жмуди; но эти народы, в то время как их современники боролись с немцами, успели уже создать довольно крепкий государственный строй и оказали сильное сопротивление последним; этому помогли те отношения, в какие стали литва и жмудь в XIII в. к русским. Одновременно с возвышением Владимирской Руси (в XIII в.) русские западные княжества, соседние литовскому государству, – Смоленское, Полоцкое и другие, – вследствие

нападений внешних врагов и внутренних неурядиц, слабеют и делятся на мелкие части. Междоусобиями русских князей пользуются литовцы, которых сами русские призывают на помощь и вмешивают в свои распри. Они, помогая той или другой стороне, вторгаются в жизнь русских и пользуются этим для своих собственных целей. Раньше всего литовцы вмешиваются во внутренние дела Полоцкой земли, знакомятся с ее положением, свыкаются с мыслью о ее слабости и внутреннем устройстве. С конца XII в. литовцы уже не ограничиваются участием в полоцких междоусобиях, но начинают предпринимать походы с целью территориального захвата. С XIII в. литовцы начинают вторгаться и в другие русские княжества, так, например, в Новгородскую землю, в Смоленское и Киевское княжества. Кто были первые литовские князья, неизвестно; самые ранние известия о них, и то легендарные, дошли до нас только от XIII в. В XIII в., по литовским преданиям, Эрдивил, современник Батые, предпринял поход на русские земли и завладел Городном; в то же время другой литовский князь – Мингайло предпринял будто бы поход на Полоцк и основал в нем второе литовское княжество. Эти известия о первых литовских княжествах на русской почве, однако, недостоверны. Первое достоверное княжение – княжение Миндовга. Миндовг, сын Ромгольда, около 1235 г. завладел русским городом Новгородском (Новогрудком) и основал там полурусское-полулитовское княжество. Расширяя свои владения на счет русских и литовцев, он действовал с помощью русских против литовцев и с помощью литовцев против русских. В стремлении к расширению своего княжества он встретился с двумя врагами: с возвышавшимся на юге Галицким княжеством и с Ливонским орденом. Миндовгу (точнее, его сыну Войшелку) удалось заключить договор с галицким князем Даниилом, под условием уступки Роману, сыну Даниила Галицкого, русских земель, занятых Миндовгом Литовским, но с признанием верховной власти Миндовга над этими землями. Этот договор, выгодный для Миндовга, был скреплен брачным союзом дочери Миндовга с сыном Даниила Шварном. Что касается Ливонского ордена, то Миндовг умиротворил его, приняв крещение в 1250 г. и выдав ордену грамоты на литовские земли, ему прямо не принадлежащие. Так завязывалось и формировалось первое Литовское княжество, распавшееся, однако, после Миндовга, убитого вследствие заговора против него удельных князей.

После его смерти в Литве произошли междоусобия, вследствие которых Литовское княжество в значительной степени потеряло приобретенную при Миндовге силу и внутреннюю связь; однако оно уже настолько окрепло при Миндовге, что не могло окончательно разложиться после его смерти. Основателем же могущества Литовского княжества считается Гедимин, хотя и предшественник его Витень много сделал в этом отношении.

О происхождении Витеня и Гедимины и времени их вокняжения летописи не дают точных сведений. В рассказах летописцев мы встречаем известия о военной деятельности Витеня (1293–1316) и Гедимины (1316–1341), причем характер их военных действий указывает на новый переворот, происшедший во внутреннем строе Литовского княжества. У Витеня и Гедимины были уже дисциплинированные войска вместо прежних нестройных ополчений. Войска эти предпринимают осаду городов, умеют брать приступом укрепления, им знакомо употребление осадных орудий. Литва защищена не только дремучими лесами и болотами, но укреплениями, замками и городами, жители которых несут правильно распределенные государственные повинности и главным образом обязаны защищать свои города и крепости. Перемена в организации военных сил государства произошла от прилива русской народности, на которую главным образом опирались литовские князья; доказательством этого служат известия летописей, в которых постоянно встречаются названия ополчений Витеня и Гедимины не литовских только, а литовско-русских. Участие русских не ограничивалось только военной помощью литовским князьям; они участвуют в дипломатических делах, правят посольства от литовских князей, имеют влияние и на внутреннее управление Литвы. Так, главным сподвижником Гедимины был русский человек Давид – воевода Гродненский. По дошедшим о нем сведениям он занимал высокое положение в стране, пользовался большим влиянием на внутреннее управле-

ние Литвой; по словам литовских источников, он занимал первое место после великого князя; кроме того, ему была поручена охрана одной из важнейших крепостей, Гродны, и начальство над армиями в тех походах, в которых Гедимин лично не принимал участия; в одном из таких походов Давид был изменническим образом убит одним мазовецким князем Андреем.

Гедимин, как и его предшественники, держался завоевательной политики; однако летописи и предания часто приписывают ему завоевание таких областей, которые или были покорены Литвой уже после его смерти, или же были присоединены к Литве мирным образом. (Так, например, мы находим в летописях известия о походе Гедимины на Волынь и Киев в 1320 г., причем летописцы передают это как достаточно верный факт; изображают битвы, результатом которых якобы явилось подчинение Волыни и Киева; между тем из более подробного изучения этих рассказов и сличения с более достоверными источниками видно, что это вымысел). При таких недостоверных источниках историческая критика может только указать на некоторые земли, присоединенные Гедимином к Литве: Киевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразим количественное отношение территорий, населенных русскими и литовцами, то увидим, что около двух третей территории было занято русскими, так что в первой четверти XIV в. Литовское княжество приобрело значение сильного центра, около которого группировались более слабые русские области. Московское государство находилось в таком же положении; политика как московских, так и литовских князей была одинакова: те и другие стремились стягивать более слабые русские области вокруг сильного политического центра.

Между Москвой и Литвой в XIV в. находилась целая полоса княжеств, которые служили предметом споров между этими двумя державами; Гедимин соперничал с Москвой из-за влияния на дела Пскова и Новгорода и затем из-за влияния на смоленских князей. Известно, например, что во время несогласий в Новгородской земле, происходивших из-за стремления Пскова отделиться от Новгорода, псковитян поддерживала Литва, а Новгород – московские князья. Из-за этой полосы слабейших земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы с Литвой в XIV и XV вв.

Гедимин оставил семь сыновей, между которыми и поделил литовские земли. Из них Ольгерд получил Крево и Витебск, Кейстут – Троки, Гродно и Жмудь, а младший, Явнутий, – столицу Вильно. В. Б. Антонович, вопреки старому мнению, что после Гедимины великим князем стал считаться Явнутий, высказывается в том смысле, что Явнутий, как самый младший и неопытный в делах правления, не мог быть назначен отцом на великое княжение; он поддерживает свое мнение тем, что в источниках о влиянии Явнутия как великого князя на событие того времени не упоминается; напротив, каждый удельный князь действует вполне самостоятельно: заключает договоры с иностранцами, предпринимает походы. Поэтому Антонович и предполагает, что в данный промежуток времени скорее никто не наследовал старшего стола, пока Ольгерд и Кейстут не вступили в союз с целью восстановить в Литве великокняжескую власть. По мнению же Бестужева-Рюмина, великокняжеский престол достался именно младшему Явнутию, как и позднее Ольгерд тоже отдал великокняжеский престол своему младшему сыну Ягайло. Это говорит Бестужев, указывая на известный обычай, схожий со старым гражданским обычаем: по «Русской Правде» отцовский дом доставался младшему сыну. Однако Явнутий недолго оставался на великокняжеском престоле. Кейстут в союзе с Ольгердом сверг Явнутия, и Ольгерд был провозглашен великим князем. Другие князья должны были признать его власть и обязались повиноваться ему как великому князю и верховному распорядителю их делов.

Антонович дает нам следующую мастерскую характеристику Ольгерда: «Ольгерд, по свидетельству современников, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованиями, он умел пользоваться обстоятельствами, верно намечал цели своих политических стремлений, выгодно располагал союзы и удачно выбирал время для осуществления своих

политических замыслов. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгерд отличался умением в непроницаемой тайне сохранять свои политические и военные планы. Русские летописи, не расположенные вообще к Ольгерду вследствие его столкновений с северо-восточной Русью, называют его «зловерным», «безбожным» и «льстивым»; однако признают в нем умение пользоваться обстоятельствами, сдержанность, хитрость, – словом, все качества, нужные для усиления своей власти в государстве и для расширения его пределов. По отношению к различным национальностям можно сказать, что все симпатии и внимание Ольгерда сосредоточивались на русской народности; Ольгерд, по его взглядам, привычками и семейным связям, принадлежал русской народности и служил в Литве ее представителем». В то самое время, когда Ольгерд усиливал Литву присоединением русских областей, Кейстут является ее защитником перед крестоносцами и заслуживает славу народного богатыря. Кейстут – язычник, но даже его враги, крестоносцы, признают в нем качества образцового христианина-рыцаря. Такие же качества признавали в нем поляки.

Оба князя так точно разделили управление Литвой, что русские летописи знают только Ольгерда, а немецкие – только Кейстута. О характере борьбы Кейстута с немцами мы находим блестящую страницу в уже указанной книге Антоновича (с. 99). Крестоносцы делали ежегодно на Литву набеги, называемые «рейзами». Литовцы платили ордену тем же, но так как литовские нападения требовали больших приготовлений, то они бывали вдвое реже. Таким способом шли войны из года в год, составляя главное занятие литовцев и русских в течение всего княжения Ольгерда. Эти набеги, более или менее опустошительные и кровопролитные, обыкновенно не приводили к окончательному результату, и больших и решительных битв было мало; в княжение Ольгерда их насчитывают две: на реке Страве (1348) и у замка Рудавы (1370). Они не имели никаких последствий, хотя немецкие летописцы придают этим битвам решительный характер и преувеличивают размеры побед. По отношению к Руси Ольгерд продолжает политику своего отца. Он старается влиять на Новгород, Псков, Смоленск; поддерживает тверских князей против Москвы, хотя его вмешательство в этом случае и неудачно. Соперничество Ольгерда с Москвой в стремлении подчинить русские земли, пограничные с Литвой, и в Новгороде и Пскове склонялось в пользу Москвы, но зато Ольгерд умел захватить северную Русь: Брянск, Новгород-Северский и др.

После смерти Ольгерда на престол вступил Ягайло, и наступило время династического соединения Литвы с Польшей в унии 1386 г. Соединение это было предложено Польшей с целью направить силы обоих государств на общего врага, на немцев. Успех был достигнут. Соединенные литовско-русские и польские войска нанесли немцам роковой удар под Грюнвальдом (Танненбергом, 1410), и сила немецкого ордена была сломлена навсегда. Но были и другие результаты унии, неблагоприятные для Литвы. Литва была вполне русским государством с русской культурой, с господством русского князя и православия. А между тем уния политическая, по мнению Ягайло и католиков, должна была вести к унии и религиозной. Поляки стремились окатоличить «языческую» Литву и ввести в ней «культуру», т. е. польские обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба, и борьба, направленная против нее, скоро перешла в борьбу с православием. Именно таким образом в новом государстве создались обстоятельства, которые должны были дурно отозваться на его политическом могуществе, и вследствие национального и вероисповедного внутреннего разлада Литва начинает клониться к гибели в то самое время, когда она достигает, казалось бы, полного расцвета своих сил. Это было при Витовте. В русской части Литвы уния и в особенности принятие католичества официальными лицами не могло обойтись без протеста: русские с той поры, как Ягайло стал польским королем, захотели иметь своего особого князя, что заставило их сгруппироваться сначала вокруг Андрея Ольгердовича, попытка которого захватить власть, однако, окончилась неудачей. Тем не менее в Литве недовольствие против унии все росло, чем и воспользовался

сын Кейстута – Витовт. Заручившись союзниками, он вступил в борьбу с Ягайло, и тот в конце концов должен был уступить Литву Витовту и признать последнего князем литовским.

Литовскому государю предстояла теперь задача охранять независимость своего государства от Польши, но ум Витовта на этот раз не подсказал ему, на какое начало должен он опереться в этом деле. Каро говорит, что Витовта считали своим и католики, и православные; язычники же думали, что в нем не угас дух предков. В этом была и его сила, и его слабость. Действительно, сближаясь со всеми, будучи нерешителен, меняя несколько раз свою религию, Витовт не мог твердо и прочно опереться на сильнейший в Литве элемент, на русскую народность, как мог бы сделать чисто православный князь. Русские в конце концов отнеслись к Витовту как к врагу Руси вообще: «Был убо князь Витовт прежде христианин (говорит летописец), и имя ему Александр, и отвержеся православныя веры и христианства и прия Лядскую... а помыслил тако, хотел пленити русскую землю, Новгород и Псков». Раз образовался такой взгляд, Витовт лишен был надежнейшей опоры для его политики, клонившейся к образованию из Литвы единого независимого государства, но окончившейся тесным сближением с Польшей. Все княжение Витовта наполнено блестящими делами, но вместе с тем Польша все больше и больше приобретала влияние на Литву. В 1413 г. в городе Городле собрался польско-литовский сейм, на котором торжественным актом был скреплен союз Польши с Литвой. На основании Городельского акта подданные великого князя литовского, принимая католичество, получали те права и привилегии, какие имели в Польше лица соответствующего сословия; двор и администрация в Литве устраивались по польскому образцу, причем должности в них предоставлялись только католикам. Укрепляя польское влияние в Литовском государстве, Городельская уния отчуждала от литовской династии русскую православную народность и послужила началом окончательного разделения и вражды Литвы и Руси. Литва же с этого момента, все более и более подпадая под влияние Польши, наконец окончательно сливается с ней в нераздельное государство.

Московское княжество до середины XV века

Начало Москвы. Во второй половине XIII и начале XIV в. на северо-востоке Руси начинает возвышаться до сих пор незаметное княжество Московское. Прежде чем перейти к определению причин и хода возвышения этого княжества, скажем несколько слов об его главном городе – Москве. Начнем с первых известий о Москве и не будем касаться басен о начале Москвы, приведенных у Карамзина (т. II, примеч. 301). Первые упоминания о Москве мы встречаем в летописи не ранее XII в. В ней рассказывается, что в 1147 г. Юрий Долгорукий пригласил своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговского, на свидание в Москву, где они пировали (учинили «обед») и обменялись подарками. При этом не говорится, что Москва была «городом», так что можно подумать, что в 1147 г. она была селом, вотчиной князя.

А. М. Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля в XII в.

Это представляется вероятным тем более, что есть известие о построении Москвы-города в 1156 г. Известие это таково: «Того же лета (6664) князь великий Юрий Володимерич заложил град Москву на устниже Неглинны выше реки Аузы». Прямой смысл этих слов, действительно, говорит, что город Москва был основан на девять лет позже княжеского обеда в Москве-вотчине. Но этому не все верят: истолковать и объяснить последнее известие очень трудно. Во-первых, оно дошло до нас в позднем (XVI в.) летописном Тверском сборнике, автор которого имел обычаи изменять литературную форму своих более старых источников. Нельзя поэтому быть уверенным в том, что в данном случае составитель сборника не изменил первоначальной формы разбираемого известия; его редакция отличается большой обстоятельностью и точностью географических указаний, что намекает на ее позднее происхождение. Таким образом, уже общие свойства источника заставляют заподозрить доброкачественность его сообщений. Во-вторых, автор Тверской летописи, заявив об основании Москвы в 1156 г., сам же повествует о Москве ранее: он сокращает известие Ипатьевской летописи о свидании князей в Москве в 1147 г. и ничем не оговаривает возникающего противоречия, не объясняет, что следует разуметь под его Москвой 1147 г. Это прямо приводит к мысли, что автор в данном случае или сам плохо понимал свой разноречивый материал, или же в известии о построении города Москвы хотел сказать не совсем то, что можно прочесть у него по первому впечатлению. И в том, и в другом случае обязательна особая осторожность при пользовании данным известием. В-третьих, наконец, сопоставление известия с текстом других летописей убеждает, что автор Тверского сборника заставил князя Юрия «заложить град Москву» в то время, когда этот князь

окончательно перешел на юг и когда вся семья его уже переехала из Суздаля в Киев через Смоленск. По всем этим соображениям невозможно ни принять известия на веру целиком, ни внести в него какие-либо поправки.

Так, из двух наиболее ранних известий о Москве одно настолько неопределенно, что само по себе не доказывает существования города Москвы в 1147 г., а другое, хотя и очень определенно, но не может быть принято за доказательство того, что город Москва был основан в 1156 г. Поэтому трудно разделять тот взгляд, что время возникновения Москвы-города нам точно известно. Правильнее в этом деле опираться на иные свидетельства, с помощью которых можно достоверно указать существование Москвы только в семидесятых годах XII в. При описании событий, последовавших в Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбского, летописи впервые говорят о Москве, как о городе, и о «Москвлянах», как его жителях. Ипатьевская летопись под 1176 г. (6684) рассказывает, что больной князь Михалко, направляясь с юга в Суздальскую Русь, был принесен на носилках «до Куцкова, рекше до Москвы»; там он узнал о приближении своего врага Ярополка и поспешил во Владимир «из Москвы» в сопровождении москвичей. «Москвляне же, – продолжает летописец, – слышавше, оже идет на не Ярополк, и взвратишася вспять, блюдуче домов своих». В следующем 1177 г. (6685) летописец прямо называет Москву городом в рассказе о нападении Глеба Рязанского на князя Всеволода. «Глеб же на ту осень приеха на Москвь (в других списках: в Москву) и пожже город весь и села». Эти известия, не оставляя уже никаких сомнений в существовании города Москвы, в то же время дают один любопытный намек. В них еще не установлено однообразное наименование города: город называется то – «Москвь», то – «Кучково», то – «Москва»; не доказывает ли это, что летописцы имели дело с новым пунктом поселения, к имени которого их ухо еще не привыкло? Имея это в виду, возможно и не связывать возникновение Москвы непременно с именем князя Юрия. Легенды о начале Москвы, собранные Карамзиным, не уничтожают такой возможности, – их нельзя эксплуатировать как исторический материал для изучения событий XII в.

Так, оставаясь в пределах летописных данных, мы приходим к мысли о том, что факт основания Москвы-города в первой половине или даже середине XII в. не может считаться прочно установленным. С другой стороны, и торговое значение Москвы в первую пору ее существования не выясняется текстом летописей. Если вдуматься в известие летописей о Москве до половины XIII в. (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы. Нет сомнения, что Москва была самым южным укрепленным пунктом Суздальско-Владимирского княжества. С юга, из Черниговского княжества, дорога во Владимир шла через Москву, и именно Москва была первым городом, который встречали приходящие из юго-западной Руси в Суздальско-Владимирскую Русь. Когда, по смерти Боголюбского, князь Михалко Юрьевич и Ярополк Ростиславич пошли на север из Чернигова, – именно в Москве, на границах княжения Андрея Боголюбского встретили их ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, которого не желали пускать внутрь княжества, они указали: «Пожди мало на Москве». Ярополк отправился «к дружине Переяславлю», а Михалко, не слушая ростовцев, поехал во Владимир. Москва здесь рисуется как перекресток, от которого можно было держать путь и в Ростов, на север, и во Владимир, на северо-восток. Внутренние пути Суздальской Руси сходились в Москве в один, шедший на юг, в Черниговскую землю. Через год Михалко, выбитый из Владимира, опять идет из Чернигова на север по зову владимирцев. Навстречу ему выходят и владимирцы, его друзья, и племянник Ярополк – его враг. Первые хотят его встретить и охранить, второй желает не допустить его в занятую Ростиславичами землю. При разных целях враги спешат в один и тот же пункт – в Москву. Очевидно, в данном случае встречать Михалку всего удобнее было на границе княжества, с какой бы целью его ни встречали. Когда, наконец, Михалко и брат его Всеволод укрепились прочно во Владимире, князь черниговский, Святослав Всеволодович, отправил к ним их жен, «приставя к ним сына своего Олга проводить е до Москве». Проводив княгинь, Олег вернулся «во свою волость в Лопасну». Здесь опять не

требует доказательств пограничное положение Москвы: княгинь проводили до первого пункта владений их мужей. Все приведенные указания относятся к 1175–1176 гг. Не менее любопытен и позднейший факт. Князь Всеволод Юрьевич, затеяв в 1207 (6715) г. поход на юг, на Ольговичей («хочу пойти к Чернигову», – говорит он), послал в Новгород, требуя, чтобы сын его Константин с войском пришел оттуда на соединение с ним; Константин послушался и «дождася отца на Москве». На Москву пришел и сам Всеволод и, соединясь там со своими сыновьями, «поиди с Москвы... и придоша до Оки», которая была тогда вне пределов Суздальского княжества. В этом случае Москва ясно представляется последним, самым южным городом во владениях Всеволода, откуда князь прямо вступает в чужую землю, во владения черниговских князей. Пограничное положение Москвы, естественно, должно было обратить ее на этот раз в сборное место дружин Всеволода, в операционный базис предпринятого похода.

Но не только по отношению к Черниговской земле Москва играла роль пограничного города, – с тем же самым значением являлась она иногда и в отношениях Суздальской или Рязанской земель. В 1177 (6685) г. князь рязанский Глеб, нападая на владения Всеволода, обратился именно на Москву, как это указано выше. То же повторилось и в 1208 (6716) г.; рязанские князья «начаста воевати волость Всеволожу великого князя около Москвы». Москва по отношению к Рязани представляется нам первым доступным для рязанцев пунктом Суздальской земли, к которому у них был удобный путь по Москве-реке. Этим путем так или иначе воспользовались и татары Батые, пришедшие из рязанской земли, от Коломны, прежде всего к Москве.

Итак, следуя по летописям за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встречаем ее имя в рассказах о военных событиях эпохи. Москва – пункт, в котором встречаются друзья и отражают врагов, идущих с юга. Москва – пункт, на который прежде всего нападают враги суздальско-владимирских князей. Москва, наконец, – исходный пункт военных операций суздальско-владимирского князя, сборное место его войск в действиях против юга. Очевидно, что этот город был построен в видах ограждения Суздальско-Владимирской земли со стороны черниговского порубежья. По крайней мере об этом скорее всего позволяет говорить письменный материал.

Князь Даниил Московский. Титулярник 1672 г.

Как маленький и новый городок, Москва довольно поздно стала стольным городом особого княжества. Наиболее заметным из первых московских князей был Михаил Ярославич Хоробрит, прозванный так за то, что он без всякого права, благодаря одной своей смелости,

сверг князя Святослава и захватил в свои руки великое княжение. Вскоре за Хоробритом московский стол достался князю Даниилу Александровичу, умершему в 1303 г., который сделался родоначальником московского княжеского дома. С тех пор Москва стала особым княжеством с постоянным князем.

Причины возвышения Москвы и Московского княжества. Припомним обстоятельства политической жизни Суздальско-Владимирской Руси. Вся она была в обладании потомства Всеволода Большое Гнездо; его потомки образовали княжеские линии: в Твери Ярослав Ярославич – внук Всеволода, брат Александра Невского; в Суздале Андрей Ярославич – внук Всеволода; затем около 1279 г. Андрей Александрович, сын Александра Невского; в Ростове Константин Всеволодович и в Москве – Даниил, сын Александра Невского, правнук Всеволода. Только земля Рязанская, политически и географически притянутая к совместной жизни с Суздальской Русью, находилась во владении не Мономаховичей, а младших Святославичей, потомков Святослава Ярославича. Из этих княжеств сильнейшими в XIV в. становятся Тверское, Рязанское и Московское. В каждом из этих княжеств был свой «великий» князь и свои «удельные» князья. Владимирское княжение существует без особой династии, его присоединяют великие князья к личным уделам. Последним из великих князей, княжившим по старинному обычаю в самом Владимире, был Александр Невский; братья его – Ярослав Тверской и Василий Костромской, получив владимирское великое княжение, живут не во Владимире, а в своих уделах. Добиться владимирского княжения для князей теперь значит добиться материального обогащения и авторитета «великого» князя. Средства добыть великое княжение уже не нравственные, не только право старшинства как прежде, но и сила удельного князя, поэтому за обладание Владимиром происходит борьба только между сильными удельными князьями. И вот в 1304 г. начинается борьба за великое княжение между тверскими и московскими князьями, – многолетняя кровавая распря, окончившаяся победой московского князя Ивана Калиты, утвердившегося в 1328 г. с помощью Орды на великокняжеском престоле. С этих пор великое княжение не разлучалось с Москвой, а между тем за какие-нибудь тридцать лет до 1328 г. Москва была ничтожным уделом: Даниил еще не владел ни Можайском, ни Клином, ни Дмитровом, ни Коломной, и владел лишь ничтожным пространством между этими пунктами, по течению Москвы-реки. Калита же в 1328 г. владел только Москвой, Можайском, Звенигородом, Серпуховым и Переяславлем, т. е. пространством меньше нынешней Московской губернии. Что же дало возможность Москве получить великое княжение и увеличиться, и каким путем шло это возвышение?

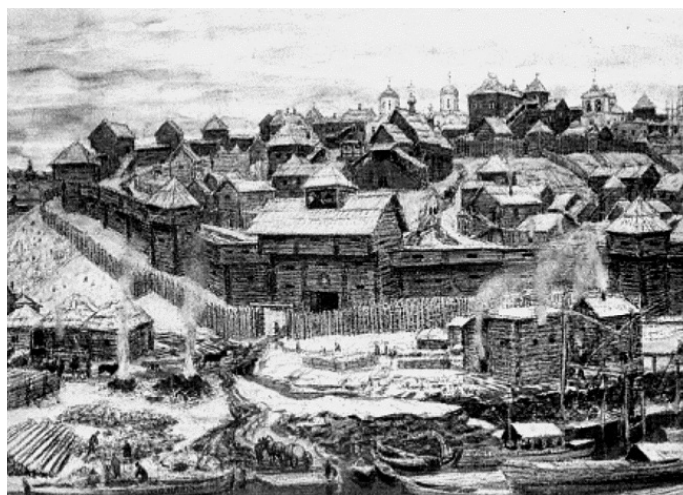
Князь Юрий Долгорукий. Титулярник 1672 г.

Князь Иван Калита. Титулярник 1672 г.

На этот вопрос мы находим много ответов в исторической литературе. Карамзин, например, в пятом томе «Истории Государства Российского» упоминает и таланты московских князей, и содействие бояр и духовенства, и влияние татарского завоевания. Татарское иго, которое, по его мнению, начало «новый порядок вещей» в исторической жизни русского народа, изменило отношение князей к населению и отношение князей друг к другу, поставило князей в зависимость от хана и этим имело влияние на ход возвышения Московского княжества. Карамзин находит, что «Москва обязана своим величием ханам». Погодин, возражая Карамзину, поражается счастливыми совпадениями «случайностей», которые слагались всегда как раз в пользу возвышения и усиления Московского княжества. Блестящую характеристику усиления Московского княжества дает нам Соловьев. В I и IV томах своей «Истории России» он не раз, говоря вообще о важном влиянии географических условий, отмечает выгодное положение Москвы – на дороге переселенцев с юга, на середине между Киевской землей – с одной стороны и Владимирской и Суздальской – с другой. По бассейну Москвы-реки переселенцы, идя с юга, оседали густыми массами и делали Московское княжество одним из самых населенных. Кроме переселенцев с юга, в Москву шли переселенцы из других областей Руси северной, вследствие отсутствия в Московском княжестве междоусобиц и бедствий от татар. Население приносило князю доход; давало ему большие средства; мы знаем, что московские князья употребляли эти большие денежные средства на покупку городов и выкуп из Орды пленных, которых и селили в Московском княжестве. Срединное положение Москвы-реки между Новгородом и востоком (Рязанью) имело также весьма важное значение. Если мы всмотримся в географическую карту, то увидим, что Москва-река сокращала водный путь между Новгородом и Окой, следовательно, Москва лежала на торговом пути Новгорода и Рязани. Срединное положение Москвы было важно и для церковного управления. Митрополиты переселились из Владимира в Москву, потому что считали необходимым находиться в центральном пункте между областями севера и юга Руси. Таким образом, главное условие возвышения Москвы, по мнению Соловьева, – это срединность ее положения, дававшая политические, торговые и церковные преимущества. В разных местах своего труда Соловьев указывает и на другие условия, содействовавшие успеху Москвы, – личность князей, деятельность бояр, сочувствие общества и так далее, но в оценке разных фактов он кладет видимое различие, одно

– первая причина усиления и возвышения Москвы, другое – благоприятные условия, помогавшие этому усилению. Костомаров, излагая ход возвышения Московского княжества, объясняет усиление Москвы главным образом помощью татар и даже самую идею самодержавия и единодержавия трактует как заимствованную от татар. Бестужев-Рюмин находит, что положение князей, при зависимости великого княжения от хана, должно было развивать в князьях политическую ловкость и дипломатический такт, чтобы этим путем привлечь милость хана и захватить великокняжеский престол. Такой ловкостью и таким тактом обладали именно московские князья. Кроме того, усилению Москвы помогало духовенство, которому, при владении большими вотчинами, было выгодно отсутствие междоусобий в Московском княжестве, и сверх того полнота власти московского князя соответствовала их высоким представлениям об единодержавной власти государя, вынесенным из Византии. Далее деятельность бояр была направлена также на помощь московским государям. Что же касается до срединности положения Москвы, то К. Н. Бестужев-Рюмин считает это причиной второстепенной. С оригинальным взглядом на этот вопрос выступает Забелин. Он главное условие возвышения Московского княжества видит в национальном сочувствии, вызванном хозяйственной деятельностью московских князей. Народ, отягченный и татарским погромом, и междоусобными распрями князей, естественно, относился сочувственно к московским князьям. Эклектическим характером отличается мнение Иловайского, который главной причиной роста Москвы как политического центра считает пробуждение народного инстинкта: народ, который чувствовал опасность от татар, должен был сплотиться. Кроме того, Иловайский находит следующие причины, способствовавшие усилению Московского княжества: 1) географическое положение, дающее политические и торговые выгоды; 2) личность князей и их политику (князья самих татар сделали орудием для возвышения власти, что видно из борьбы между Тверью и Москвой); 3) определенная в пользу Москвы политика татар; 4) сочувствие боярства и духовенства; 5) правильность престолонаследия в Москве.

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите

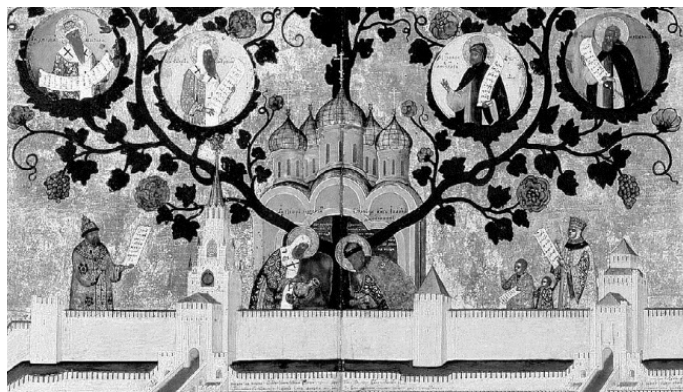
Разбираясь в указанных мнениях, мы видим, что вопрос о причинах возвышения Московского княжества не развивается, и последнее по времени мнение не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать те условия, которые были причиной того, что незначительное Московское княжество могло бороться с сильным Тверским княжеством, от тех, которые поддерживали Московское княжество в том положении, на которое оно встало, благодаря первым, и помогли его усилению. В числе первых причин надо отметить: 1) географическое положение, давшее Московскому княжеству население и средства, 2) личные способности первых московских князей, их политическую ловкость и хозяйственность, умение пользоваться обсто-

ятельствами, чего не имели тверские князья, несмотря на одинаковое выгодное положение Тверского княжества и Московского. К причинам, способствовавшим усилению княжества, надо отнести: 1) сочувствие духовенства, выраженное в перемене пребывания митрополии; 2) политическую близорукость татар, которые не могли своевременно заметить опасное для них усиление княжества; 3) отсутствие сильных врагов, так как Новгород не был силен, а в Твери происходили постоянно междоусобия князей; 4) сочувствие бояр и сочувствие населения.

Свежую постановку вопроса о коренной причине возвышения Москвы дал в последнее время проф. М. К. Любавский в замечательной статье «Возвышение Москвы» (сборник «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. 1). По его толкованию, после татарского погрома «под влиянием опустошений и разорений, произведенных татарами в восточных и частью северных княжествах Суздальской земли», произошел «перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли, Тверского и Московского». «Итак, – заключает Любавский, – главной и основной причиной, обусловившей возвышение Москвы и все ее политические успехи, было выгодное географическое положение в отношении татарских погромов и происшедшее благодаря этому скопление населения в ее области».

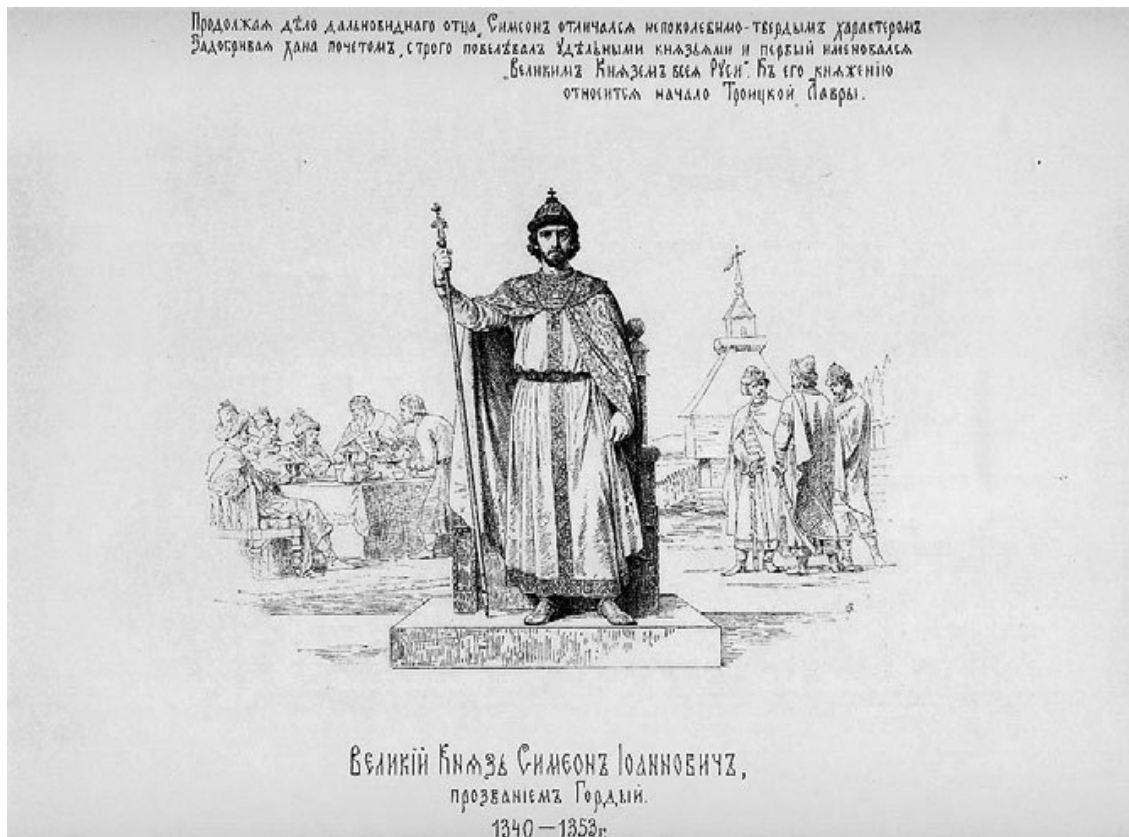
Внешняя история Московского княжества в XIV и XV вв. Первые московские князья. Первые два московских князя, Даниил Александрович и сын его Юрий, успели «примыслить» себе все течение Москвы-реки, отняв от рязанского князя город Коломну на устье р. Москвы и от смоленского князя город Можайск на верховьях р. Москвы. Кроме того, князь Даниил получил город Переяславль-Залесский по завещанию бездетного переяславского князя. Земли и богатства Юрия Даниловича выросли настолько, что он, как представитель старшей линии в потомстве Ярослава Всеволодовича, решился искать в Орде ярлыка на великое княжение Владимирское и вступил в борьбу за Владимир с тверским князем Михаилом Ярославичем (этот князь Михаил был племянником князя Александра Невского и приходился младшим двоюродным братом Даниилу Московскому и, стало быть, дядей князю Юрию Даниловичу). Борьба велась в Орде путем интриг и насилий. Оба князя, и московский и тверской, в Орде были убиты. Великокняжеский стол тогда достался сыну Михаила, Александру Тверскому; а в Москве вокняжился брат Юрия, Иван, по прозвищу Калита (т.е. кошель). Улучив минуту, Калита снова начал борьбу с Тверью и, наконец, в 1328 г. добился великого княжения, которое с той поры уже и не выходило из рук московской династии.

О деятельности великого князя Ивана Даниловича Калиты известно немного. Но то, что известно, говорит о его уме и таланте. Сел он на великом княжении, – и, по словам летописца, «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сорок лет и престаше татарове воевати Русскую землю». Именно этому князю приписывается та важная заслуга, что он исхлопотал себе разрешение доставлять «выход» в Орду своими средствами, без участия татарских сборщиков дани. Таким образом был уничтожен главный повод для въезда татар в Русские земли и было достигнуто внутреннее спокойствие и безопасность на Руси. По преданию, Иван Калита очистил свою землю от «татей», т.е. внутренних разбойников и воров. Тишина и порядок во владениях Калиты привлекали туда население: к Калите приходили на службу и на житье как простые люди, так и знатные бояре с толпами своей челяди. Самым же главным политическим успехом Калиты было привлечение в Москву русского митрополита.

Митрополит Петр и князь Иван Калита поливают Древо Государства. Фрагмент иконы Симона Ушакова «Похвала Богоматери Владимирской (Насаждение Древа Государства Российского)»

С упадком Киева, когда его покинули старшие князья, должен был возникнуть вопрос и о том, где быть митрополиту всея Руси: оставаться ли ему в заглохшем Киеве или искать нового места жительства? Около 1300 г. митрополит Максим решил этот вопрос, переселившись во Владимир-на-Клязьме после одного из татарских погромов в Киеве. Уход владыки на север побудил галичских князей просить цареградского патриарха устроить особую митрополию в юго-западной Руси. Но патриарх не согласился разделить русскую церковь. После смерти Максима он поставил на Русь митрополитом игумена Петра, волынца родом; а Петр, осмотревшись в Киеве, поступил так же, как Максим, и переехал на север. Официальным местопребыванием его стал стольный город Владимир; но так как в этом городе великие князья уже не жили, и за Владимир спорили Москва с Тверью, то Петр решительно склонился в пользу Москвы, во всем поддерживал московского князя Ивана Калиту, подолгу жил у него в Москве и основал там знаменитый Успенский собор, наподобие Успенского собора Владимирского. В этом соборе он и был погребен, когда кончина застигла его в Москве. Его преемник, грек Феогност, уже окончательно утвердился в Москве, и таким образом Москва стала церковной столицей всей Русской земли. Ясна вся важность этого события: в одно и то же время в Москве образовалось средоточие и политической, и церковной власти и, таким образом, прежде малый город Москва стал центром «всея Руси». Предание говорит, что, создавая Успенский собор в Москве как главную святыню зарождавшегося государства, святитель Петр предсказал славное будущее Москвы Ивану Калите, тогда еще не получившему великого княжения. Благодарные москвичи необыкновенно чтить память Петра митрополита и причли его к лику святых, как «всея Руси чудотворца», вскоре же по его кончине.

Князь Симеон

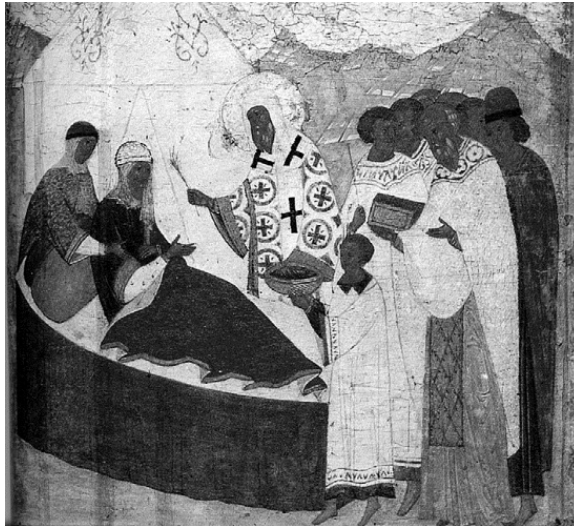
Гордый Князь Иоанн Красный. Титулярник 1672 г.

Таковы были первые успехи, достигнутые московскими князьями благодаря их ловкости и выгодному положению их удела. Немедленно же стали сказываться и последствия этих успехов. При самом Калите (1328–1340) и при его двух сыновьях Семене Гордом (1341–1353) и Иване Красном (1353–1359), которые так же, как и отец их, были великими князьями всея Руси, Москва начала решительно брать верх над прочими княжествами. Иван Калита распоряжался самовластно в побежденной им Твери, в Новгороде и в слабом Ростове. Сыну его Семену, по словам летописца, «все князья русские даны были под руки»: самое прозвище Семена «Гордый» показывает, как он держал себя со своими подручными. Опираясь на свою силу и богатство, имея поддержку в Орде, московские князья явились действительной властью, способной поддержать порядок и тишину не только в своем уделе, но и во всей Владимиро-Суздальской области. Это было так важно и так желанно для измученного татарами и внутренними неурядицами народа, что он охотно шел под власть Москвы и поддерживал московских

князей. К московским князьям приезжало много знатных слуг, бояр со своими дружинами, с юга и из других уделов Суздальских. Поступая на службу к московским князьям, эти слуги усиливали собой рать московскую, но и сами, служа сильному князю, улучшали свое положение и становились еще знатнее. Быть слугой и боярином великого князя было лучше, чем служить в простом уделе; поэтому слуги московских князей старались, чтобы великое княжение всегда принадлежало Москве. Бояре московские были верными слугами своих князей даже и тогда, когда сами князья были слабы или же недееспособны. Так было при великом князе Иване Ивановиче Красном, который был «кроткий и тихий», по выражению летописи, и при его сыне Димитрии, который остался после отца всего девяти лет.

Вместе с боярством и духовенство проявляло особое сочувствие и содействие московским князьям. После того как митрополит Феогност окончательно поселился в Москве, он подготовил себе преемника – московского инок, москвича родом, Алексия, происходившего из знатной боярской семьи Плещеевых. Посвященный в митрополиты, Алексий при слабом Иване Красном и в малолетство сына его Димитрия стоял во главе Московского княжества, был, можно сказать, его правителем. Обладая исключительным умом и способностями, митрополит Алексий пользовался большой благосклонностью в Орде (где он вылечил болевшую глазами ханшу Тайдулу) и содействовал тому, что великое княжение укрепилось окончательно за московскими князьями. На Руси он являлся неизменным сторонником московских князей и действовал своим авторитетом всегда в их пользу. Заслуги св. Алексия пред Москвой были так велики и личность его была так высока, что память его в Москве чтилась необычайно. Спустя 50 лет после его кончины (он умер в 1378 г.) были обретены в основанном им Чудовом монастыре в Москве его мощи и было установлено празднование его памяти. Руководимое св. Алексием русское духовенство держалось его направления и всегда поддерживало московских князей в их стремлении установить на Руси сильную власть и твердый порядок. Как мы знаем, духовенство изначала вело на Руси проповедь богоустановленности власти и необходимости правильного государственного порядка. С большой чуткостью передовые представители духовенства угадали в Москве возможный государственный центр и стали содействовать именно ей. Вслед за митрополитом Алексием в этом отношении должен быть упомянут его сотрудник, преподобный инок Сергей, основатель знаменитого Троицкого монастыря. Вместе с митрополитом Алексием и самостоятельно, сам по себе, этот знаменитый подвижник выступал на помощь Москве во все трудные минуты народной жизни и поддерживал своим громадным нравственным авторитетом начинания московских князей.

За знатными боярами и высшим духовенством тянулось к Москве и все народное множество. Московское княжество отличалось внутренним спокойствием; оно было заслонено от пограничных нападений окраинными княжествами (Рязанским, Нижегородским, Смоленским и др.); оно было в дружбе с Ордой. Этого было достаточно, чтобы внушить желание поселиться поближе к Москве, под ее защиту. Народ шел на московские земли, и московские князья строили для него города, слободы, села. Они сами покупали себе целые уделы у обедневших князей (ярославских, белозерских, ростовских) и простые села у мелких владельцев. Они выкупали в Орде русский «полон», выводили его на свои земли и заселяли этими пленниками, «ордынцами», целые слободы. Так множилось население в московских волостях, а вместе с тем вырастали силы и средства у московских князей.

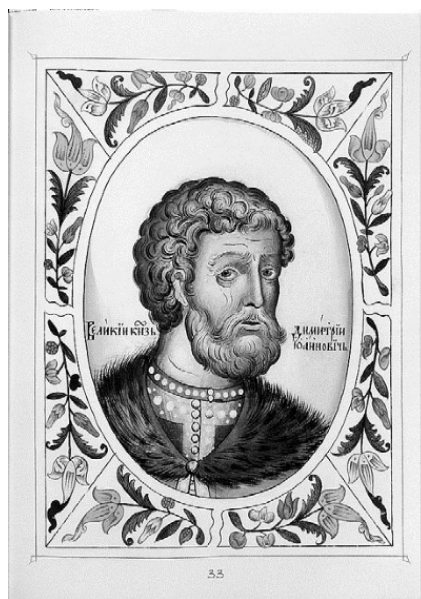

Алексий исцеляет царицу Тайдулу. Клеймо иконы «Митрополит Алексий с житием». Мастерская Дионисия. 80-е гг. XV в.

Таким образом, первые успехи московских князей, давшие им великокняжеский сан, имели своим последствием решительное преобладание Москвы над другими уделами, а это, в свою очередь, вызвало сочувствие и поддержку Москве со стороны боярства, духовенства и народной массы. До конца XIV столетия, при Калите и его сыновьях, рост московских сил имел характер только внешнего усиления путем счастливых «примыслов». Позже, когда московские князья явились во главе всей Руси борцами за Русскую землю против Орды и Литвы, Москва стала центром народного объединения, а московские князья – национальными государями.

Князь Дмитрий Иванович Донской и Куликовская битва. Сыновья Ивана Калиты умирали в молодых годах и княжили недолго. Семен Гордый умер от моровой язвы (чумы), обошедшей тогда всю Европу; Иван Красный скончался от неизвестной причины, имея всего 31 год. После Семёна детей не осталось вовсе, а после Ивана осталось всего два сына. Семья московских князей, таким образом, не умножалась, и московские удельные земли не дробились, как то бывало в других уделах. Поэтому сила Московского княжества не ослабела и московские князья один за другим получали в Орде великое княжение и крепко держали его за собой. Только после смерти Ивана Красного, когда в Москве не осталось взрослых князей, ярлык на великое княжение был отдан суздальским князьям. Однако десятилетний московский князь Дмитрий Иванович, направляемый митрополитом Алексием и боярами, начал борьбу с соперниками, успел привлечь на свою сторону хана и снова овладел великим княжением владимирским. Суздальский князь Дмитрий Константинович был великим князем всего около двух лет.

Так началось замечательное княжение Дмитрия Ивановича. Первые его годы руководство делами принадлежало митрополиту Алексию и боярам; потом, когда Дмитрий возмужал, он вел дела сам. Во все время одинаково политика Москвы при Дмитрие отличалась энергией и смелостью.

Великий князь Дмитрий Иванович Донской. Титулярник 1672 г.

Во-первых, в вопросе о великом княжении московский князь прямо и решительно стал на такую точку зрения, что великокняжеский сан и город Владимир составляют «вотчину», т. е. наследственную собственность московских князей, и никому другому принадлежать не могут. Так Дмитрий говорил в договоре с тверским князем и так же писал в своей духовной грамоте, в которой прямо завещал великое княжение, вотчину свою, старшему своему сыну.

Во-вторых, в отношении прочих князей Владимиро-Суздальской Руси, а также в отношении Рязани и Новгорода Дмитрий держался властно и повелительно. По выражению летописца, он «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновались воле его, а на тех нача посягати». Он вмешивался в дела других княжеств: утвердил свое влияние в семье суздальско-нижегородских князей, победил рязанского князя Олега и после долгой борьбы привел в зависимость от Москвы Тверь. Борьба с Тверью была особенно упорна и продолжительна. Тверской великий князь Михаил Александрович обратился за помощью к литовским князьям, которые в то время обладали уже большими силами. Литовский князь Ольгерд осадил самую Москву, только что обнесенную новой каменной стеной, но взять ее не мог и ушел в Литву. А московские войска затем осадили Тверь. В 1375 г. между Тверью и Москвой был заключен, наконец, мир, по которому тверской князь признавал себя «младшим братом» московского князя и отказывался от всяких притязаний на Владимирское великое княжение. Но с Литвой осталась у Москвы вражда и после мира с Тверью. Наконец, в отношении Новгорода Дмитрий держал себя властно; когда же, в конце его княжения, новгородцы ослушались его, он пошел на Новгород войной и смирил его, наложив на новгородцев «окуп» (контрибуцию) в 8000 рублей. Так выросло при Дмитриии значение Москвы в северной Руси: она окончательно торжествовала над всеми своими соперниками и врагами.

В-третьих, при Дмитриии Русь впервые отважилась на открытую борьбу с татарами. Мечта об освобождении Руси от татарского ига жила и раньше среди русских князей. В своих завещаниях и договорах они нередко выражали надежду, что «Бог свободит от орды», что «Бог Орду переменит». Семен Гордый в своей душевной грамоте увещевал братьев жить в мире по отцову завету, «чтобы не перестала память родителей наших и наша, чтобы свеча не угасла». Под этой свечой разумелась неугасимая мысль о народном освобождении. Но пока Орда оставалась сильной и грозной, иго ее по-прежнему тяготело над Русью. Борьба с татарами стала возможна и необходима лишь тогда, когда в Орде началась «замятня многа», иначе говоря, длительное междоусобие. Там один хан убивал другого, властители сменялись с необыкновенной быст-

ротой, кровь лилась постоянно и, наконец, Орда разделилась надвое и терзалась постоянной враждой. Можно было уменьшить дань Орде и держать себя независимее. Мало того: явилась необходимость взяться за оружие против отдельных татарских шаек. Во время междоусобий из Орды выбегали на север изгнанники татарские и неудачники, которым в Орде грозила гибель. Они собирались в большие военные отряды под предводительством своих князьков и жили грабежом русских и мордовских поселений в области рек Оки и Суры. Считая их за простых разбойников, русские люди без стеснений гоняли их и били. Князья рязанские, нижегородские и сам великий князь Дмитрий посылали против них свои рати. Соппротивление Руси озлобляло татар и заставляло их, в свою очередь, собирать против Руси все большие и большие силы. Они собрались под начальством царевича Арапши (Араб-шаха), нанесли русским войскам сильное поражение на р. Пьяне (приток Суры), разорили Рязань и Нижний Новгород (1377). За это москвичи и нижегородцы разорили мордовские места, в которых держались татары, на р. Суре. Борьба становилась открытой и ожесточенной. Тогда овладевший Ордой и затем провозгласивший себя ханом князь Мамай отправил на Русь свое войско для наказания строптивых князей: Нижний Новгород был сожжен; пострадала Рязань; но Дмитрий Иванович московский не пустил татар в свои земли и разбил их в Рязанской области на р. Воже (1378). Обе стороны понимали, что предстоит новое столкновение. Отбивая разбойничьи шайки, русские князья постепенно втянулись в борьбу с ханскими войсками, которые поддерживали разбойников; победа над ними давала русским мужество для дальнейшей борьбы. Испытав неповиновение со стороны Руси, Мамай должен был или отказаться от власти над Русью, или же идти снова покорять Русь, поднявшую оружие против него. Через два года после битвы на Воже Мамай предпринял поход на Русь.

М. И. Авилов. Куликовская битва. Поединок Пересвета с Челубеем

Понимая, что Русь окажет ему стойкое сопротивление, Мамай собрал большую рать и, кроме того, вошел в сношение с Литвой, которая, как мы знаем, была тогда враждебна Москве. Литовский князь Ягайло обещал Мамаю соединиться с ним 1 сентября 1380 г. Узнав о приготовлениях Мамаю, рязанский князь Олег также вошел в сношение с Мамаем и Ягайлом, стараясь уберечь свою украинскую землю от нового неизбежного разорения татарами. Не укрылись приготовления татар к походу и от московского князя. Он собрал вокруг себя всех своих подручных князей (ростовских, ярославских, белозерских). Послал он также за помощью к прочим великим князьям и в Новгород, но ни от кого из них не успел получить значительных вспомогательных войск и остался при одних своих силах. Силы эти, правда, были велики, и современники удивлялись как количеству, так и качеству московской рати. По вестям о дви-

жении Мамай князь Дмитрий выступил в поход в августе 1380 г. Перед началом похода был он у преподобного Сергия в его монастыре и получил его благословение на брань. Знаменитый игумен дал великому князю из братии своего монастыря двух богатырей по имени Пересвета и Ослебя², как видимый знак своего сочувствия к подвигу князя Дмитрия. Первоначально московское войско двинулось на Коломну, к границам Рязани, так как думали, что Мамай пойдет на Москву через Рязань. Когда же узнали, что татары идут западнее, чтобы соединиться с Литвой, то великий князь двинулся тоже на запад, к Серпухову, и решил не ждать Мамай на своих границах, а идти к нему навстречу в «дикое поле» и встретить его раньше, чем он успеет там сойтись с литовской ратью. Не дать соединиться врагам и бить их порознь – обычное военное правило. Дмитрий переправился через Оку на юг, пошел к верховьям Дона, перешел и Дон, и на Куликовом поле, при устье речки Непрядвы (впадающей в Дон справа) встретил Мамаеву рать. Литовский князь не успел соединиться с ней и был, как говорили тогда, всего на один день пути от места встречи русских и татар. Боясь дурного исхода предстоящей битвы, великий князь поставил в скрытном месте, в дубраве у Дона, особый засадный полк под начальством своего двоюродного брата князя Владимира Андреевича и боярина Боброка, волынца родом. Опасения Дмитрия оправдались; в жесточайшей сече татары одолели и потеснили русских; пало много князей и бояр: сам великий князь пропал безвестно; сбитый с ног, он без чувств лежал под деревом. В критическую минуту засадный полк ударил на татар, смял их и погнался. Не ожидавшие удара татары бросили свой лагерь и бежали без оглядки. Сам Мамай убежал с поля битвы с малой свитой. Русские преследовали татар несколько десятков верст и забрали богатую добычу. Возвращение великого князя в Москву было торжественно, но и печально. Велика была победа, но велики и потери. Когда, спустя два года (1382), новый ордынский хан, свергший Мамай, Тохтамыш внезапно пришел с войском на Русь, у великого князя не было под руками достаточно людей, чтобы встретить врага, и он не смог их скоро собрать. Татары подошли к Москве, а Дмитрий ушел на север. Москва была взята татарами, ограблена и сожжена; разорены были и другие города. Татары удалились с большой добычей и с полоном, а Дмитрий должен был признать себя снова данником татар и дать хану заложником своего сына Василия. Таким образом, иго не было свергнуто, а северная Русь была обессилена безуспешной борьбой за освобождение.

О. А. Кипренский. Дмитрий Донской на Куликовом поле

² Слово Ослебя (Ослябя) склонялось как осяля, щеня, теля: Ослебяти и т. д. От этого имени произошла фамилия Ослебятевых. Оба богатыря троицких погибли в бою с татарами; могилы их сохранились в Симоновом монастыре в Москве.

Тем не менее Куликовская битва имела громадное значение для северной Руси и для Москвы. Современники считали ее величайшим событием, и победителю татар, великому князю Дмитрию, дали почетное прозвище «Донского» за победу на Дону. Военное значение Куликовской победы заключалось в том, что она уничтожила прежнее убеждение в непобедимости Орды и показала, что Русь окрепла для борьбы за независимость. Набег Тохтамыша не уменьшил этого значения Мамаева побоища: татары одолели в 1382 г. только потому, что пришли «изгоном», внезапно и крадучись, а Москва их проглядела и не убереглась. Все понимали, что теперь Русь не поддастся, как прежде, нашествиям Орды и что татарам можно действовать против Руси только нечаянными набегами. Политическое же и национальное значение Куликовской битвы заключалось в том, что она дала толчок к решительному народному объединению под властью одного государя, московского князя. С точки зрения тогдашних русских людей, события 1380 г. имели такой смысл: Мамаева нашествия со страхом ждала вся северная Русь. Рязанский князь, боясь за себя, «изменил», войдя в покорное соглашение с врагом. Другие крупные князья (суздальско-нижегородские, тверской) притаились, выжидая событий. Великий Новгород не спешил со своей помощью. Один московский князь, собрав свои силы, решился дать отпор Мамаю и притом не на своем рубеже, а в диком поле, где он заслонил собой не один свой удел, а всю Русь. Приняв на себя татарский натиск, Дмитрий явился добрым страдальцем за всю землю Русскую; а отразив этот натиск, он явил такую мощь, которая ставила его естественно во главе всего народа, выше всех других князей. К нему, как к своему единому государю, потянулся весь народ. Москва стала очевидным для всех центром народного объединения, и московским князьям оставалось только пользоваться плодами политики Донского и собирать в одно целое шедшие в их руки земли.

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

Преемники Донского. Донской умер всего 39 лет и оставил после себя несколько сыновей. Старшего, Василия, он благословил великим княжением Владимирским и оставил ему часть в Московском уделе; остальным сыновьям он поделил прочие города и волости своего московского удела. При этом в своем завещании он выразился так: «а по грехом отыметь Бог сына моего князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему князь Васильев удел». На основании этих слов второй сын Дмитрия, Юрий, считал себя наследником своего старшего брата как в московских землях, так и в великом княжении. В этом он был неправ, потому что Дмитрий имел в виду только тот случай, если бы Василий умер бездетным; вообще

же московские князья держались в своих завещаниях начала семейного наследования, а не родового, и сами звали себя «вотчинниками» великокняжеских и своих удельных земель.

П. П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срысывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому

Великий князь Василий Дмитриевич (1389–1425) был человек безличный и осторожный. При нем Москва захватила Нижний Новгород у суздальских князей в виде обычного в то время примысла. Великий князь опирался в этом деле на хана Тохтамыша, который дал ему ярлык на Нижний сверх ярлыка на великое княжение. Но когда Тохтамыш был свергнут азиатским ханом Тимур-Ленком или Тамерланом, то отношения с татарами у Василия испортились. Русь ожидала страшного татарского нашествия и готовилась к обороне. Великий князь собрал большое войско и стал на своем рубеже, на берегу Оки, решившись отразить врага. Москва была готова к осаде. Митрополит Киприан для того, чтобы поддержать бодрость в народе, подал мысль принести в Москву главную святыню всего великого княжения – Владимирскую Икону Богоматери, привезенную во Владимир с юга князем Андреем Боголюбским. (С тех пор эта икона остается в московском Успенском соборе.) Но Тамерлан не дошел до Оки и от города Ельца повернул назад (1395). По-видимому, внезапное отступление страшного татарского завоевателя было истолковано Русью как знак татарской слабости. Великий князь прекратил уплату выхода и не оказывал никакого почтения ханским послам. Орда тогда замыслила набег на Русь. Татарский князь Едигей внезапно и скрытно, обманом, вторгся в Русскую землю и осадил Москву. Великий князь ушел на север, а Едигей разорил почти все его области и, взяв «окуп» с Москвы, безнаказанно вернулся в Орду. Таковы были отношения к татарам. С Литвой у Василия также шла вражда, как и у его отца. Постоянно усиливаясь, литовские князья подчиняли себе русские области на верховьях Днепра и Зап. Двины. Но к тому же стремилась и Москва, собиравшая к себе русские земли. Несмотря на то, что великий князь московский был женат на дочери великого князя литовского Витовта (Софии), между ними дело доходило до открытых войн. Столкновения закончились тем, что границей владений Литвы и Москвы была признана р. Угра, левый приток Орды. Примирившись с тестем, Василий Дмитриевич вверил Витовту попечительство над своим сыном, а его внуком, великим князем Василием Васильевичем. Это была минута наибольшего превосходства Литвы над Московской Русью.

Великий князь Василий Васильевич, по прозвищу Темный (т.е. слепой), остался после своего отца всего 10-ти лет. Его княжение (1425–1462) было очень беспокойно и несчастливо. Дядя великого князя, Юрий Дмитриевич, не желал признавать малолетнего племянника вели-

ким князем, желал себе старшинства и по смерти Витовта (1430) начал открытую борьбу с племянником за Москву и Владимир. В борьбе приняли участие и сыновья Юрия: Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Юрий опирался на свой богатый галичский удел (Галич Мерский на верховьях р. Костромы). За Василия же Васильевича стояли большинство населения, духовенство и боярство. Москва много раз переходила из рук в руки. Юрий умер, обладая Москвой, на великом княжении. После него особенно действовал против Василия Васильевича Василий Косой; но был пойман и ослеплен по приказанию великого князя. За то Дмитрий Шемяка, когда взял верх над Василием Васильевичем, ослепил его самого (1446). Борьба шла почти все княжение Темного и окончилась полной победой великого князя над Шемякой и другими удельными князьями, державшими его сторону. В 1450 г. Шемяка был разбит в большом сражении при Галиче, бежал в Новгород и там вскоре погиб, говорят, от отравы. Земли его были взяты на великого князя, так же как и земли его союзников. В борьбе галичских князей с великим князем в последний раз в северной Руси выступает старый принцип родового наследования и старшинства дядей над племянниками. Московский обычай вотчинного наследования от отца к сыну восторжествовал здесь над старым порядком решительно и бесповоротно благодаря всеобщему сочувствию: народ уже оценил преимущества семейного наследования, ведшего к установлению единовластия, желаемого страной.

Во время московской уособицы татар беспокоили русские земли, как и в прежнее время, воровскими набегами. Распадение Золотой Орды выражалось, между прочим, в том, что татарские князья все в большем числе изгонялись из Орды во время междоусобий и должны были искать себе пристанища. Одни из них мирно просились и поступали на службу к московским князьям, другие же начинали разорять русские земли и сами попадали под удары русских. Из таких изгнанников особенно заметен в это время был хан Улу-Махмет. Разорив русские волости по Оке, он пошел на Волгу и устроил себе город Казань на р. Казанке, близ впадения ее в Волгу. Основав там особое Казанское царство, он оттуда начал громить Русь, доходя в своих набегах до самой Москвы. Великий князь Василий Васильевич вышел против татар, но под Суздалем был разбит и взят татарами в плен (1445). В Москве началась паника, ждали татар; но татары не пришли. Они выпустили великого князя за большой выкуп, который был собран с народа и пришелся ему тяжело. Неудовольствие народа усилилось еще и оттого, что с великим князем, когда он вернулся из плена, приехало в Москву много татар на службу. Москвичам казалось, что великий князь «татар и речь их любит сверх меры, а христиан томит без милости». Тогда-то Шемяка, воспользовавшись настроением народа, захватил великого князя и осмелился его ослепить.

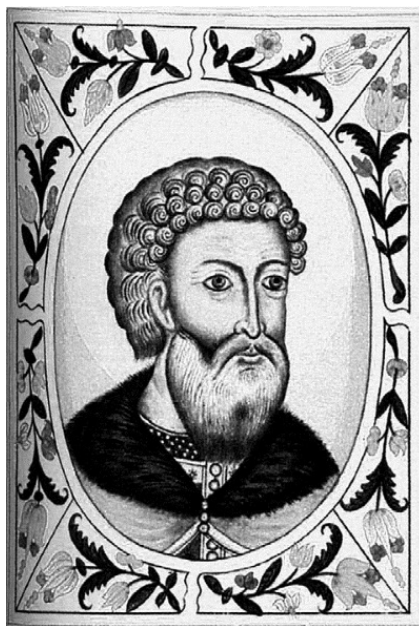
При многострадальном князе Василии Васильевиче произошло важное событие в жизни русской церкви. Как известно, в 1439 г. на соборе православного и католического духовенства во Флоренции была совершена уния церквей восточной и западной. Император и патриарх константинопольские искали этой унии, надеясь, что когда будет уничтожена церковная распря востока и запада, тогда папа и западные государи помогут грекам в их борьбе с турками. Погибая от турок, греческие власти готовы были на всякие уступки папе, и уния поэтому была устроена так, что греки сохраняли свой церковный обряд, но признавали все католические догматы и главенство пап. В то самое время, когда в Царьграде готовились к собору, надо было назначить на Русь митрополита. Назначили ученого грека, очень склонного к унии, Исидора. Приехав в Москву, он сейчас же стал собираться на собор в Италию, отправился туда с большой свитой и там стал одним из самых ревностных поборников соединения с латинством. Обласканный папой, возвратился он в 1441 г. в Москву и объявил о состоявшемся соглашении с Римом. Но в Москве соглашения не приняли, так как сами же греки целыми столетиями воспитывали в русских ненависть к католичеству. Исидор был взят под стражу и ухитрился бежать, «изшел бездверием», скрылся в Литву и оттуда перебрался в Италию. А в Москве решились отделиться от константинопольского патриархата, который предал православие папе, и впредь

самим ставить себе митрополита по избранию собора русских архиереев. Новым порядком и был поставлен в митрополиты московские рязанский епископ Иона. В то же время в юго-западной Руси, на старой киевской митрополии, водворились особые митрополиты, по-прежнему назначаемые из Константинополя.

Время великого князя Ивана III

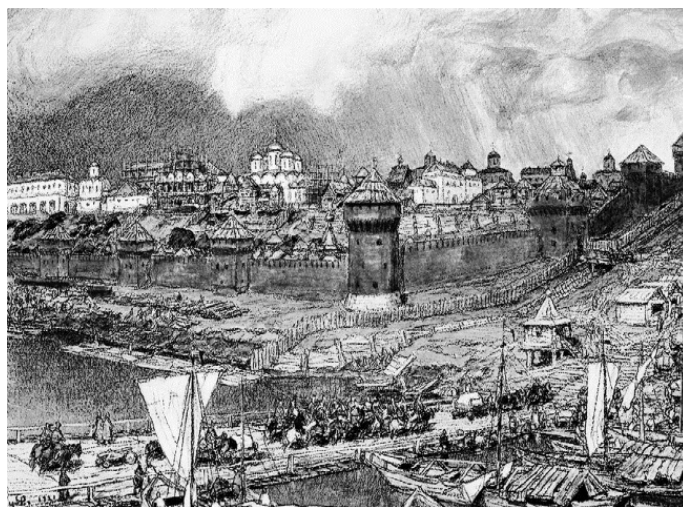
Значение эпохи. Преемником Василия Темного был его старший сын Иван Васильевич. Историки смотрят на него различно. Соловьев говорит, что только счастливое положение Ивана III после целого ряда умных предшественников дало ему возможность смело вести обширные предприятия. Костомаров судит Ивана еще строже, – он отрицает в нем всякие политические способности, отрицает в нем и человеческие достоинства. Карамзин же оценивает деятельность Ивана III совсем иначе: не сочувствуя насильственному характеру преобразований Петра, он ставит Ивана III выше даже Петра Великого. Гораздо справедливее и спокойнее относится к Ивану III Бестужев-Рюмин. Он говорит, что хотя и много было сделано предшественниками Ивана и что поэтому Ивану было легче работать, тем не менее он велик потому, что умел завершить старые задачи и поставить новые.

Слепой отец сделал Ивана своим сопровождающим и еще при своей жизни дал ему титул великого князя. Выросши в тяжелое время междоусобий и смут, Иван рано приобрел житейский опыт и привычку к делам. Одаренный большим умом и сильной волей, он блестяще повел свои дела и, можно сказать, закончил собирание великорусских земель под властью Москвы, образовав из своих владений единое Великорусское государство. Когда он начал княжить, его княжество было окружено почти отовсюду русскими владениями: господина Великого Новгорода, князей тверских, ростовских, ярославских, рязанских. Иван Васильевич подчинил себе все эти земли или силой, или мирными соглашениями. В конце своего княжения он имел лишь иноверных и иноплеменных соседей: шведов, немцев, литву, татар. Одно это обстоятельство должно было изменить его политику. Ранее, окруженный такими же, как он сам, владетелями, Иван был одним из многих удельных князей, хотя бы и самым сильным; теперь, уничтожив этих князей, он превратился в единого государя целой народности. В начале своего княжения он мечтал о примыслах, как мечтали о них его удельные предки; в конце же он должен был думать о защите целого народа от иноверных и иноземных его врагов. Коротко говоря, сначала его политика была удельной, а затем эта политика стала национальной.

Великий князь и государь Иван Васильевич. Титулярник 1672 г.

Приобретая такое значение, Иван III не мог, разумеется, делиться своей властью с другими князьями московского дома. Уничтожая чужие уделы (в Твери, Ярославле, Ростове), он не мог оставлять удельных порядков в своей собственной родине. Для изучения этих порядков мы имеем большое количество духовных завещаний московских князей XIV и XV вв. и по ним видим, что постоянных правил, которыми бы устанавливался однообразный порядок владения и наследования, не было; все это определялось каждый раз завещанием князя, который мог передать свои владения кому хотел. Так, например, князь Семен, сын Ивана Калиты, умирая бездетным, завещал свой личный удел жене, помимо братьев. Князья смотрели на свои земельные владения, как на статьи своего хозяйства, и совершенно одинаково делили и движимое имущество, и частные земельные владения, и государственную территорию. Последняя обыкновенно делилась на уезды и волости по их хозяйственному значению или по историческому происхождению. Каждый наследник получал свою долю в этих землях, точно так же как получал свою долю и в каждой статье движимого имущества. Самая форма духовных грамот князей была та же, что и форма духовных завещаний лиц; точно так же грамоты совершались при свидетелях и по благословию духовных отцов. По завещаниям можно хорошо проследить отношения князей друг к другу. Каждый удельный князь владел своим уделом независимо; младшие удельные князья должны были слушаться старшего, как отца, а старший должен был заботиться о младших; но это были скорее нравственные, нежели политические обязанности. Значение старшего брата обуславливалось чисто материальным количественным преобладанием, а не излишком прав и власти. Так, например, Дмитрий Донской дал старшему из пяти сыновей треть всего имущества, а Василий Темный – половину. Иван III уже не хотел довольствоваться избытком одних материальных средств и желал полного господства над братьями. При первой возможности он отнимал уделы у своих братьев и ограничивал их старые права. Он требовал от них повиновения себе как государю от подданных. Составляя свое завещание, он сильно обделил своих младших сыновей в пользу старшего их брата, великого князя Василия и, кроме того, лишил их всяких державных прав, подчинив великому князю, как простых служебных князей. Словом, везде и во всем Иван проводил взгляд на великого князя как на единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как его служилые князья, так и простые слуги. Новая мысль о народном единодержавном государе вела к переменам в дворцовой жизни, к установлению придворного этикета («чина»), к большей пышности и торжественности обычаев, к усвоению разных эмблем и знаков, выражавших понятие о высоком достоинстве великокняжеской власти. Так, вместе с объединением северной Руси совершалось превращение московского удельного князя в государя-самодержца всей Руси.

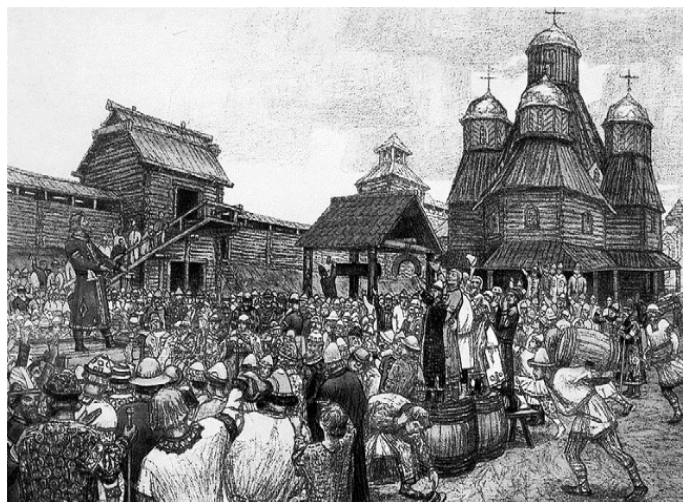

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

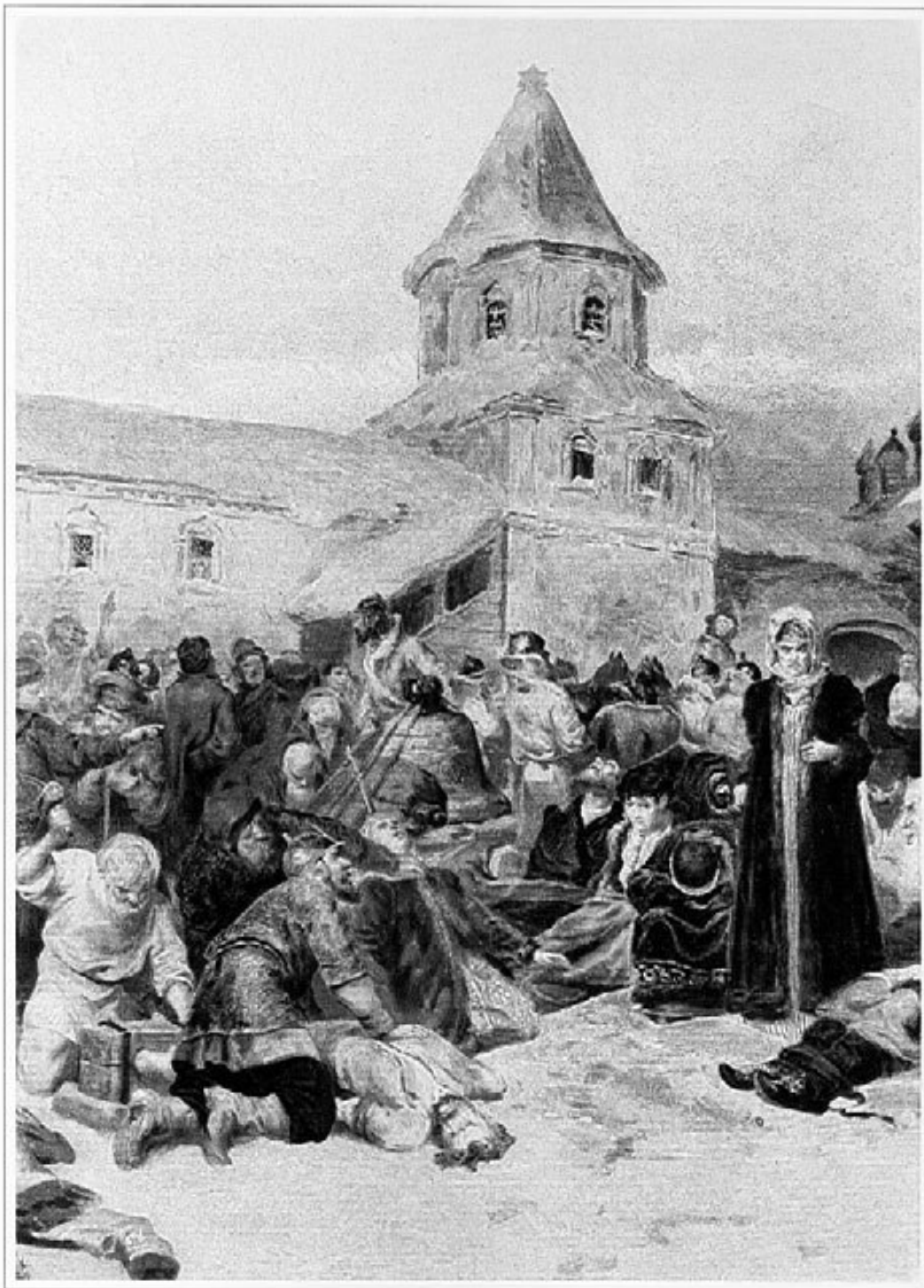
Наконец, став национальным государем, Иван III усвоил себе новое направление во внешних отношениях Руси. Он сбросил с себя последние остатки зависимости от золотоордынского хана. Он начал наступательные действия против Литвы, от которой Москва до тех пор только оборонялась. Он даже заявил притязания на все те русские области, которыми со времен Гедимина владели литовские князья: называя себя государем «всея Руси», он под этими словами разумел не только северную, но и южную, и западную Русь. Твердую наступательную политику вел Иван III и относительно Ливонского ордена. Он умело и решительно пользовался теми силами и средствами, которые накопили его предки и которые он сам создал в объединенном государстве.

В этом и заключается важное историческое значение княжения Ивана III. Объединение северной Руси вокруг Москвы началось давно: при Дмитрии Донском обнаружились первые его признаки; совершилось же оно при Иване III. С полным правом поэтому Ивана III можно назвать создателем Московского государства.

Подчинение Великого Новгорода. Мы знаем, что в последнее время самостоятельной новгородской жизни в Новгороде шла постоянная вражда между лучшими и меньшими людьми. Часто переходя в открытые усобицы, эта вражда ослабляла Новгород и делала его легкой добычей для сильных соседей – Москвы и Литвы. Все великие московские князья старались взять Новгород под свою руку и держать там своих служилых князей в качестве московских наместников. Не раз за неповиновение новгородцев великим князьям москвичи ходили войной на Новгород, брали с него окуп (контрибуцию) и обязывали новгородцев к послушанию. После победы над Шемякой, который скрылся в Новгороде, Василий Темный разгромил новгородцев, взял с них 10 000 рублей и заставил присягнуть на том, что Новгород будет ему послушен и не будет принимать никого из враждебных ему князей. Притязания Москвы на Новгород заставляли новгородцев искать союза и защиты у литовских великих князей; а те, со своей стороны, при всякой возможности старались подчинить себе новгородцев и брали с них такие же оккупы, как Москва, но в общем плохо помогали против Москвы. Поставленные между двух страшных врагов, новгородцы пришли к убеждению в том, что они сами не могут охранить и поддержать свою независимость и что только постоянный союз с кем-либо из соседей может продлить существование Новгородского государства. В Новгороде образовались две партии: одна – за соглашение с Москвой, другая – за соглашение с Литвой. За Москву стояло по преимуществу простонародье, за Литву – бояре. Простые новгородцы видели в московском князе православного и русского государя, а в литовском – католика и чужака. Передаться из подчинения Москве в подчинение Литве значило бы для них изменить своей вере и народности. Бояре же новгородские, с семьей Борецких во главе, ожидали от Москвы полного разрушения старого новгородского строя и мечтали сохранить его именно в союзе с Литвой. После разгрома Новгорода при Василии Темном литовская партия в Новгороде взяла верх и стала готовить освобождение от московской зависимости, установленной при Темном, – путем перехода под покровительство литовского князя. В 1471 г. Новгород, руководимый партией Борецких, заключил с литовским великим князем и королем польским Казимиром Ягайловичем (иначе: Ягеллончиком) союзный договор, по которому король обязался защищать Новгород от Москвы, дать новгородцам своего наместника и соблюдать все вольности новгородские и старину.

А. М. Васнецов. Вече в Новгороде

К. В. Лебедев. Уничтожение новгородской вольности при Иване III (1478 г.)

Когда в Москве узнали о переходе Новгорода к Литве, то взглянули на это как на измену не только великому князю, но и вере и русскому народу. В этом смысле великий князь Иван писал в Новгород, убеждая новгородцев отстать от Литвы и короля-католика. Великий князь собрал у себя большой совет из своих военачальников и чиновников вместе с духовенством, объявил на совете все новгородские неправды и измену и спрашивал у совета мнения о том, начать ли немедленно войну с Новгородом или ждать зимы, когда замерзнут новгородские реки, озера и болота. Решено было воевать немедленно. Походу на новгородцев придан был вид похода

за веру на отступников: как Дмитрий Донской вооружился на безбожного Мамаю, так, по словам летописца, благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников от православия к латинству. Московская рать разными дорогами вошла в новгородскую землю. Под начальством князя Даниила Холмского она скоро победила новгородцев: сначала один московский отряд на южных берегах Ильменя разбил новгородское войско, а затем в новой битве на р. Шелони главные силы новгородцев потерпели страшное поражение. Посадник Борецкий попал в плен и был казнен. Дорога на Новгород была открыта, а Литва не помогла Новгороду. Пришлось новгородцам смириться пред Иваном и просить пощады. Они отказались от всяких сношений с Литвой и обязались быть неотступными от Москвы; сверх того они заплатили великому князю огромный окуп в 15 1/2 тыс. рублей. Иван возвратился в Москву, а в Новгороде возобновились внутренние смуты. Обижаемые своими насильниками, новгородцы жаловались великому князю на обидчиков, и Иван лично отправился в 1475 г. в Новгород для суда и управы. Правосудие московского князя, не пощадившего на своем суде сильных бояр, повело к тому, что новгородцы, терпевшие обиды у себя дома, стали ездить из года в год в Москву просить суда у Ивана. Во время одного из таких приездов два чиновника новгородских титуловали великого князя «государем», тогда как раньше новгородцы звали московского князя «господином». Разница была большая: слово «государь» в то время значило то же, что теперь значит слово «хозяин»; государем тогда называли своего хозяина рабы и слуги. Для вольных же новгородцев князь не был «государем», и они его звали почетным титулом «господин», так же точно, как звали и свой вольный город «господином Великим Новгородом». Естественно, что Иван мог схватиться за этот повод, чтобы покончить с новгородской вольностью. Его послы спросили в Новгороде: на каком основании новгородцы называют его государем и какого хотят государства? Когда же новгородцы отреклись от нового титула и сказали, что никого не уполномочивали называть Ивана государем, то Иван пошел походом на Новгород за их ложь и запирательство. Новгород не имел сил бороться с Москвой, Иван осадил город и начал переговоры с новгородским владыкой Феофилом и боярами. Он потребовал безусловной покорности и объявил, что хочет в Новгороде такого же государства, как в Москве: вечу не быть, посаднику не быть, а быть московскому обычаю, как государи великие князья держат свое государство у себя в московской земле. Долго думали новгородцы и, наконец, смирились: в январе 1478 г. согласились они на требование великого князя и целовали ему крест. Новгородское государство перестало существовать; вечевой колокол был увезен в Москву. Туда же была отправлена семья бояр Борецких, во главе которой стояла вдова посадника Марфа (ее считали руководительницей противомосковской партии в Новгороде). Вслед за Великим Новгородом были подчинены Москвой и все новгородские земли. Из них Вятка оказала некоторое сопротивление. В 1489 г. московские войска (под начальством князя Даниила Щеняти) силой покорили Вятку.

Тверь. Немецкая гравюра XVII в.

В первый год после подчинения Новгорода великий князь Иван не налагал своей опалы на новгородцев» и не принимал крутых мер против них. Когда же в Новгороде попробовали восстать и вернуться к старине, – всего через год после сдачи великому князю, – тогда Иван начал с новгородцами крутую расправу. Владыка новгородский Феофил был взят и отправлен в Москву, а взамен его был прислан в Новгород архиепископ Сергий. Много новгородских бояр было казнено, еще больше было переселено на восток, в московские земли. Исподволь все лучшие люди новгородские были выведены из Новгорода, а земли их взяты на государя и розданы московским служилым людям, которых великий князь в большом числе поселил в новгородских пятинах. Таким образом исчезла совсем новгородская знать, а с ней исчезла и память о новгородской вольности. Меньшие люди новгородские, смерды и половники, были избавлены от боярского гнета; из них были образованы крестьянские податные общины на московский образец. В общем, их положение улучшилось, и они не имели побуждения жалеть о новгородской старине. С уничтожением новгородской знати пала и новгородская торговля с Западом, тем более что Иван III выселил из Новгорода немецких купцов. Так была уничтожена самостоятельность Великого Новгорода. Псков пока сохранил свое самоуправление, ни в чем не выходя из воли великого князя.

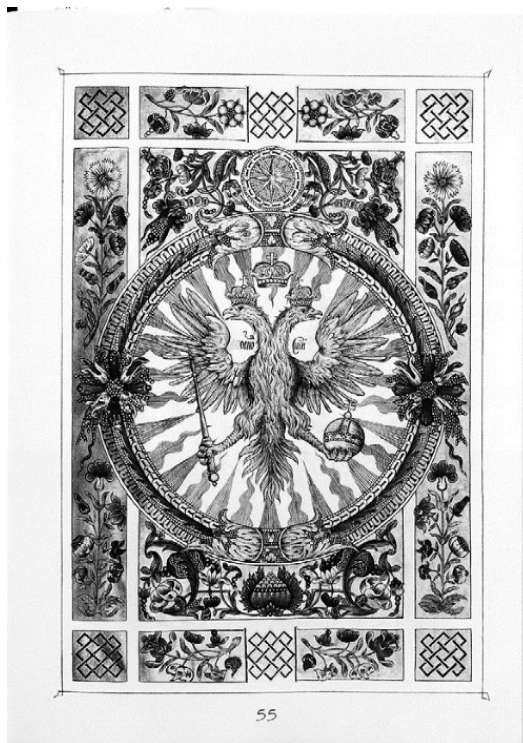
Подчинение удельных княжеств. При Иване III деятельно продолжалось подчинение и присоединение удельных земель. Те из мелких ярославских и ростовских князей, которые до Ивана III сохранили еще свою независимость, при Иване все передали свои земли Москве и били челом великому князю, чтобы он принял их к себе в службу. Становясь московскими слугами и обращаясь в бояр московского князя, эти князья сохраняли за собой свои родовые земли, но уже не в качестве уделов, а как простые вотчины. Они были их частными собственностями, а «государем» их земель почитался уже московский великий князь. Таким образом все мелкие уделы были собраны Москвой; оставались только Тверь и Рязань. Эти «великие княжения», когда-то боровшиеся с Москвой, теперь были слабы и сохраняли только тень своей независимости. Последние рязанские князья, два брата – Иван и Федор, были родными племянниками Ивана III (сыновьями его сестры Анны). Как мать их, так и сами они не выходили из воли Ивана, и великий князь, можно сказать, сам правил за них Рязанью. Один из братьев (князь Федор) скончался бездетным и завещал свой удел дяде великому князю, отдав, таким образом, добровольно половину Рязани Москве. Другой брат (Иван) умер также молодым, оставив малютку сына по имени Иван, за которого правила его бабушка и брат ее Иван III. Рязань оказалась в полной власти Москвы. Повиновался Ивану III и тверской князь Михаил Борисович. Тверская знать ходила даже с москвичами покорять Новгород. Но позднее, в 1484–

1485 г., отношения испортились. Тверской князь завел дружбу с Литвой, думая от литовского великого князя получить помощь против Москвы. Иван III, узнав об этом, начал войну с Тверью и, конечно, победил. Михаил Борисович убежал в Литву, а Тверь была присоединена к Москве (1485). Так совершилось окончательное объединение северной Руси.

Мало того, объединительная национальная политика Москвы влекла к московскому государю и таких служилых князей, которые принадлежали не северной Руси, а Литовско-Русскому княжеству. Князья вяземские, одоевские, новосильские, воротынские и многие другие, сидевшие на восточных окраинах Литовского государства, бросали своего великого князя и переходили на службу московскую, подчиняя московскому князю и свои земли. Именно переход старых русских князей от католического государя Литвы к православному князю северной Руси и давал повод московским князьям считать себя государями всей Русской земли, даже и той, которая находилась под литовским владычеством и хотя еще не соединялась с Москвой, но должна была, по их мнению, соединиться по единству веры, народности и старой династии Св. Владимира.

Семейные и придворные дела. Необыкновенно быстрые успехи великого князя Ивана III в собирании русских земель сопровождались существенными переменами в московском придворном быту. Первая жена Ивана III, тверская княжна Мария Борисовна, умерла рано, в 1467 г., когда Ивану не было еще и 30 лет. После нее у Ивана остался сын – князь Иван Иванович «Молодой», как его обыкновенно называли. В ту пору уже завязывались сношения Москвы с западными странами. По разным причинам римский папа был заинтересован тем, чтобы установить сношения с Москвой и подчинить ее своему влиянию. От папы и вышло предположение устроить брак молодого московского князя с племянницей последнего константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог. После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечение папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основания надеяться, что, выдав Софью за московского князя, он получит возможность ввести унию в Москву. Иван III согласился начать сватовство и отправил в Италию послов за невестой. В 1472 г. она приехала в Москву и брак состоялся. Однако надеждам папы не было суждено осуществиться: папский легат, сопровождавший Софью, не имел никакого успеха в Москве; сама Софья ничем не содействовала торжеству унии, и, таким образом, брак московского князя не повлек за собой никаких видимых последствий для Европы и католичества³. Но он имел некоторые последствия для московского двора.

³ Роль Софьи Палеолог основательно исследована проф. В. И. Саввою («Московские цари и Византийские василевсы», 1901).

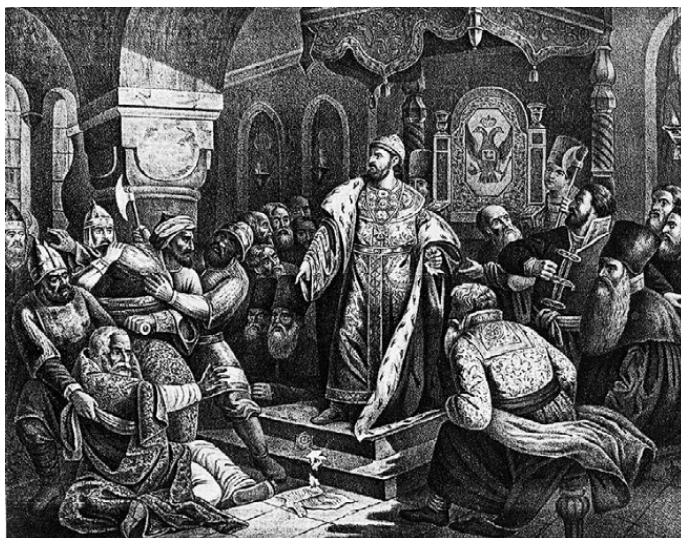
Герб Московский. Титулярник 1672 г.

Во-первых, он содействовал оживлению и укреплению завязавшихся в ту эпоху сношений Москвы с Западом, с Италией в особенности. Вместе с Софьей прибыли в Москву греки и итальянцы; приезжали они и впоследствии. Великий князь держал их у себя, как «мастеров», поручая им строение крепостей, церквей и палат, литье пушек, чеканку монеты. Иногда этим мастерам вверялись дипломатические дела, и они ездили в Италию с поручениями от великого князя. Выезжих итальянцев в Москве называли общим именем «фрязин» (от «фряг», «франк»); таким образом действовали в Москве Иван Фрязин, Марк Фрязин, Антоний Фрязин и т.п. Из итальянских мастеров особой известностью пользовался Аристотель Фиоравенти, построивший в Московском Кремле знаменитые Успенский собор и Грановитую палату. Вообще трудами итальянцев при Иване III Кремль был обстроен и украшен заново. Рядом с «фряжскими» мастерами у Ивана III работали и немецкие, хотя в его пору они не играли первой роли; выдавались только лекаря-«немчины». Кроме мастеров в Москве появлялись иноземцы гости (например, греческая родня Софьи) и послы от западноевропейских государей. (Между прочим, посольство от римского императора предлагало Ивану III титул короля, от которого Иван отказался.) Для приема гостей и послов при московском дворе был выработан определенный «чин» (церемониал), совсем отличный от того чина, который соблюдался прежде при приемах татарских посольств. И вообще порядок придворной жизни при новых обстоятельствах изменился, стал сложнее и церемоннее.

Во-вторых, появлению в Москве Софьи московские люди приписывали большие перемены в характере Ивана III и замешательства в княжеской семье. Они говорили, что, как пришла Софья с греками, так земля замешалась, и пришли нестроения великие. Великий князь изменил свое обращение с окружающими: стал держать себя не так просто и доступно, как прежде, требовал знаков внимания к себе, стал взыскателен и легко опаялся (налагал немилость) на бояр. Он стал обнаруживать новое, непривычно высокое представление о своей власти. Женившись на греческой царевне, он как будто считал себя преемником исчезнувших греческих императоров и намекал на это преемство тем, что усвоил себе византийский герб — двуглавого орла. Словом, после брака с Софьей Иван III проявил большое властолюбие, кото-

рое потом испытала на себе и сама великая княгиня. В конце своей жизни Иван совсем было поссорился с Софьей и отдалил ее от себя. Ссора их произошла по вопросу о престолонаследии. Сын Ивана III от первого брака, Иван Молодой, умер в 1490 г., оставив великому князю маленького внука Дмитрия. Но у великого князя был другой сын от брака с Софьей – Василий. Кому было наследовать престол московский: внуку Дмитрию или же сыну Василию? Сначала Иван III решил дело в пользу Дмитрия и при этом наложил свою опалу на Софью и Василия. Дмитрия он при своей жизни венчал на царство (именно на царство, а не на великое княжение). Но через год отношения переменились: Дмитрий был отстранен, а Софья с Василием снова вошли в милость. Василий получил титул великого князя и стал соправителем отца. При этих переменах терпели придворные Ивана III: с опалой на Софью попали в немилость ее приближенные, причем несколько человек было даже казнено смертью; с опалой на Дмитрия великий князь также воздвиг гонение на некоторых бояр и одного из них казнил.

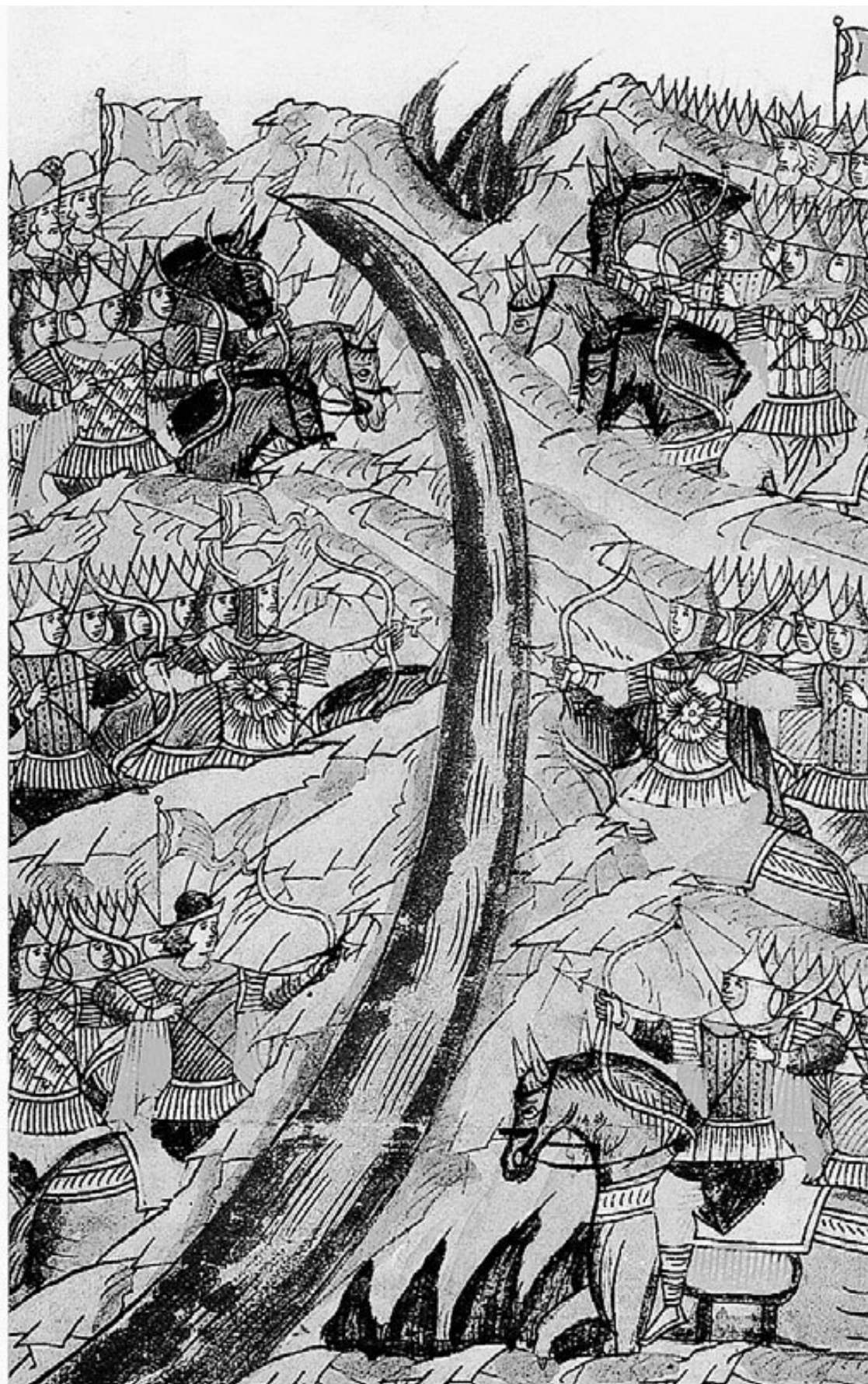
Вспоминая все то, что происходило при дворе Ивана III после его женитьбы на Софье, московские люди высказывали осуждение Софье и считали ее влияние на мужа скорее вредным, чем полезным. Ей они приписывали падение старых обычаев и разные новизны в московском быту, а также и порчу характера ее мужа и сына, ставших властными и грозными монархами. Не следует, однако, преувеличивать значение личности Софьи: если бы ее и вовсе не было при московском дворе, все равно московский великий князь сознал бы свою силу и полномочия, и сношения с Западом все равно завязались бы. К этому вел весь ход московской истории, в силу которого московский великий князь стал единым государем могучей великорусской народности и соседом нескольких европейских государств.

Н. С. Шустов. Иван III разрывает ханскую грамоту

Внешняя политика Ивана III. Во время Ивана III существовали уже три самостоятельных татарских орды в пределах нынешней России. Золотая Орда, истощенная усобицами, доживала свой век. Рядом с ней в XV в. образовалась в Черноморье Крымская Орда, в которой утвердился династия Гиреев (потомков Ази-Гирея). В Казани золотоордынские выходцы основали, также в середине XV в., особую орду, объединив под татарской властью финских инородцев: мордву, черемису, вотяков. Пользуясь несогласиями и постоянными междоусобицами среди татар, Иван III исподволь добился того, что подчинил Казань своему влиянию и сделал своим подручником казанского хана или «царя» (тогда ханов москвичи называли царями). С крымским царем у Ивана III образовалась прочная дружба, так как оба они имели общего врага – Золотую Орду, против которой и действовали вместе. Что же касается до Золотой

Орды, то Иван III прекратил всякие зависимые к ней отношения: не давал дани, не ехал в Орду, не оказывал почтения хану. Рассказывали, что однажды Иван III даже бросил на землю и топтал ногой ханскую «басму», т. е. тот знак (по всей вероятности, золотую пластину, «жетон» с надписью), который хан вручил своим послам к Ивану, как доказательство их полномочий и власти. Слабый золотоордынский хан Ахмат пытался действовать против Москвы в союзе с Литвой; но так как Литва не давала ему верной помощи, то он ограничивался набегами на московские границы. В 1472 г. он пришел к берегам Оки и, пограбив, ушел назад, не смея идти на саму Москву. В 1480 г. он повторил свой набег. Оставив вправо от себя верховья Оки, Ахмат пришел на р. Угру, в пограничные между Москвой и Литвой места. Но и здесь он не получил никакой помощи от Литвы, а Москва встретила его сильной ратью. На Угре и стали друг против друга Ахмат и Иван III – оба в нерешимости начать прямой бой. Иван III велел готовить столицу к осаде, отправил свою жену Софью из Москвы на север и сам приезжал с Угры к Москве, боясь как татар, так и своих родных братьев (это прекрасно показано в статье А. Е. Преснякова «Иван III на Угре»). Они были с ним в ссоре и внушали ему подозрение в том, что изменят в решительную минуту. Осмотрительность Ивана и медлительность его показали народу трусостью, и простые люди, готовясь в Москве к осаде, открыто негодовали на Ивана. Духовный отец великого князя, архиепископ ростовский Вассиан, и словом и письменным «посланием», увещевал Ивана не быть «бегуном», а храбро стать против врага. Однако Иван так и не решился напасть на татар. В свою очередь и Ахмат, простояв на Угре с лета до ноября месяца, дождался снегов и морозов и должен был уйти домой. Сам он скоро был убит в усобице, а его сыновья погибли в борьбе с Крымской Ордой, и самая Золотая Орда окончательно распалась (1502). Так окончилось для Москвы «татарское иго», спадавшее постепенно и в последнюю свою пору бывшее номинальным. Но не окончились для Руси беды от татар. Как крымцы, так и казанцы, и нагаи, и все мелкие кочевые татарские орды, близкие к русским границам и «украинам», постоянно нападали на эти украины, жгли, разоряли жилища и имущество, уводили с собой людей и скот. С этим постоянным татарским разбоем русским людям пришлось бороться еще около трех столетий.

Сражение на реке Угре, положившее конец ордынскому игу. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Отношения Ивана III к Литве при великом князе Казимире Ягайловиче не были мирными. Не желая усиления Москвы, Литва стремилась поддерживать против Москвы Великий Новгород и Тверь, поднимала на Ивана III татар. Но у Казимира не было достаточно сил, чтобы вести с Москвой открытую войну. После Витовта внутренние осложнения в Литве ослабили ее. Усиление польского влияния и католической пропаганды создало в Литве много недовольных князей; они, как мы знаем, уходили в московское подданство со своими вотчинами. Это еще более умаляло литовские силы и делало для Литвы очень рискованным открытое столкновение с Москвой. Однако оно стало неизбежным по смерти Казимира (1492), когда Литва избрала себе великого князя особо от Польши. В то время как королем Польши стал сын Казимира Ян Альбрехт, в Литве вокняжился его брат Александр Казимирович. Воспользовавшись этим разделением, Иван III начал войну против Александра и добился того, что Литва формально уступила ему земли князей, перешедших в Москву (вяземских, новосильских, одоевских, ворытинских, белевских), и кроме того, признала за ним титул «государя всея Руси». Заключение мира было закреплено тем, что Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра Казимировича. Александр был сам католик, но обещал не принуждать к католичеству своей православной супруги. Однако ему трудно было сдержать это обещание из-за внушений своих католических советников. Судьба великой княгини Елены Ивановны была очень печальна, и ее отец напрасно требовал от Александра лучшего с ней обращения. С другой стороны, и Александр обижался на московского великого князя. К Ивану III на службу продолжали проситься православные князья из Литвы, объясняя свое нежелание оставаться под властью Литвы гонением на их веру. Так, Иван III принял к себе князя бельского и князей новгород-северского и черниговского с громадными вотчинами по Днепру и Десне. Война между Москвой и Литвой стала неизбежна. Она шла с 1500 по 1503 г., причем сторону Литвы принял Ливонский орден, а сторону Москвы – крымский хан. Окончилось дело перемирием, по которому Иван III удержал за собой все приобретенные им княжества. Было очевидно, что Москва в ту минуту была сильнее Литвы, точно так же как она была сильнее и ордена. Орден, несмотря на отдельные военные успехи, заключил с Москвой также не особенно почетное перемирие. До Ивана III, под напором с запада, Московское княжество уступало и проигрывало; теперь московский великий князь сам начинает наступать на своих соседей и, увеличивая с запада свои владения, открыто высказывает притязание на присоединение к Москве всех вообще русских земель.

Воюя со своими западными соседями, Иван III искал дружбы и союзов в Европе. Москва при нем вступила в дипломатические сношения с Данией, с императором, с Венгрией, с Венецией, с Турцией. Окрепшее русское государство входило понемногу в круг европейских международных отношений и начинало свое общение с культурными странами Запада.

Великий князь Василий III Иванович. Иван III, по примеру своих предков, составил завещание, в котором поделил свои владения между своими пятью сыновьями. По форме это завещание было похоже на старые княжеские душевные грамоты, но по сути своей оно окончательно устанавливало новый порядок единодержавия в Московском государстве. Старшего своего сына Василия Иван III делал прямо государем над братьями и ему одному давал державные права. Василий получил один 66 городов, а четверо его братьев – только тридцать, и притом мелких. Василий один имел право бить монету, сноситься с другими государствами; он наследовал все выморочные уделы бездетных родственников; только его детям принадлежало великое княжение, от которого отказались заранее его братья. Таким образом, Василий был государем, а его братья и прочая родня – подданными. Такова основная мысль завещания Ивана III.

Василий III. Из «Записок» С. Герберштейна. 1556 г.

Василий III наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов. Вся его деятельность была продолжением того, что делал его отец. Чего не успел довершить Иван III, то доканчивал Василий. Покорив Новгород, Иван оставил прежнее самоуправление в Пскове. Внутренняя жизнь Пскова не давала тогда поводов к вмешательству в его дела. Во Пскове не было внутренних усабиц. Находясь на окраине Русской земли, в постоянном страхе от литвы и

немцев, Псков крепко держался Москвы, был ей послушен и всегда имел у себя, вместо самостоятельного князя, московского наместника. При таких условиях псковское вече не могло сохранить за собой прежнего самостоятельного политического значения; оно стало органом местного самоуправления под главенством московского государя. Однако послушание псковичей великому князю не обеспечивало их от притеснений со стороны московских наместников. Псковичи жаловались на своих «князей» в Москву, а наместники жаловались на псковичей. В 1510 г., после одной из таких ссор, Василий III уничтожил вече во Пскове, взял в Москву вечевой колокол и вывел из Пскова на жительство в московские волости 300 семей псковичей, а на их место прислал столько же семей из московских городов. Псков не оказал великому князю никакого сопротивления: псковичи только слезами оплакивали потерю своей вековой вольности и жаловались, что город их поруган и разорен, «а псковичи бедные не ведали правды московские».

То же было и с Рязанью. Иван III, овладев одной половиной Рязани, другую оставил за малолетним рязанским князем Иваном, но управлял Рязанью за него как его дед. Московская опека продолжалась и при Василии III. Однако, возмужав, рязанский князь стал тяготиться зависимостью от Москвы и мечтать о самостоятельности. Заметив это, Василий арестовал князя Ивана, а его волость присоединил к Москве (1517). Как и во Пскове, рязанцев толпами выводили в московские волости, а на их место селили москвичей. Такой «вывод» из покоренных земель делали для того, чтобы уничтожить в них возможность восстаний и отпадения от Москвы.

Наконец, оставались еще князья Северной земли, перешедшие к Ивану III от литовского великого князя со своими волостями. Василий III, воспользовавшись их распрями, выгнал этих князей из их городов и взял их владения к Москве (1523). Таким образом, все так называемые «уделы» были упразднены, и в Московском государстве остались только простые служилые князья, которые в своих вотчинах не имели уже никаких державных прав и служили великому князю как простые бояре.

Внешняя политика Василия была продолжением политики предшествующего княжения. Москва по-прежнему притягивала к себе выходцев из Литвы (князья Глинские), а Литва, как и ранее, не могла примириться с уходом князей из литовского подданства. Дважды вспыхивала война между Василием III и литовским великим князем Сигизмундом Казимировичем. Василий III овладел в 1514 г. Смоленском, имевшим важное военное значение. Как ни старались литовцы, эта крепость осталась в московских руках, и Литва была вынуждена заключить (в 1522 г.) перемирие с уступкой Смоленска Москве до «вечного мира» или «докончания». Но этого «докончания» так и не было достигнуто в течение более чем столетия, ибо Литва и Москва никак не могли размежевать между собой спорные промежуточные между ними русские волости.

Татарские отношения после падения Золотой Орды не стали легче для Москвы. Дружба с Крымом при Василии III прекратилась, а влияние Москвы в Казани не было прочно. И со стороны Крыма, и со стороны Казани на русские области совершались постоянные набеги. На южных границах Московского государства грабили крымцы; в местах нижегородских, костромских и галицких – казанские татары и подчиненная им мордва и черемиса. От татарской и черемисской «войны» русские люди не могли жить спокойно у себя дома и не имели возможности колонизовать ни плодородной черноземной полосы на юге от Оки (так называемого «дикого поля»), ни лесных пространств за Волгой по рр. Унже и Ветлуге. Вся восточная и южная окраина государства была в постоянном страхе татарских набегов. Мало того, если татарам удавалось не встретить на границах Руси московской сторожевой рати, они устремлялись в центральные русские волости и добирались даже до самой Москвы. Василию III оставалось только сторожить свои границы и при случае вмешиваться во внутренние дела татар и укреплять среди них свое влияние. В Казани это и удавалось. Крым же, к сожалению, был

так далек от Москвы, что нельзя было хорошо следить за крымцами и влиять на них. Московское правительство ограничивалось тем, что посылало в Крым посольство с «поминками», т. е. подарками, которыми думало задобрить и замирить врага; а в то же время ежегодно летом на южной границе государства (шедшей по берегу средней Оки и потому называвшейся тогда «берегом») ставились войска, чтобы стеречь «берег» от внезапных набегов. Сверх того, в наиболее опасных местах строили на Оке и за Окой недоступные для татар каменные крепости (Калуга, Тула, Зарайск) и помещали в них войска.

Василий III был женат на Соломонии из боярского рода Сабуровых и не имел детей. Он, однако, никак не хотел оставить великого княжения своим братьям (Юрию и Андрею), так как, по его мнению, они и своих уделов не умели устроить. Поэтому, с разрешения митрополита (Даниила), он заставил свою жену постричься в монахини (с именем Софьи) и отправил ее на житье в Суздальский женский Покровский монастырь. Сам же женился вторично, взяв за себя княжну Елену Васильевну Глинскую, из рода литовских выходцев. В этом браке у него было два сына, Иван и Юрий. Старшему из них было всего 3 года, когда Василий III заболел случайным нарывом и умер, не дожив до 60 лет.

Отношения к боярству. Властный, требовательный и строгий, Василий не обладал достоинствами Ивана III, но зато еще более его любил власть и умел показать свое могущество и самовластие всем его окружавшим. При нем простые удельные отношения подданных к государю исчезают. Герберштейн, германский посол, бывший в ту пору в Москве, замечает, что Василий III имел власть, какой не обладал ни один монарх, и затем добавляет, что когда спрашивают москвичей о неизвестном им деле, они говорят, равняя князя с Богом: «Мы этого не знаем, знает Бог да государь». Такой казалась власть государя иноземцам; но пойманные ими фразы назначались не только для того, чтобы политически возвысить государя в дипломатических сношениях с иноземцами; внутренние отношения действительно менялись, и власть московского государя росла не только по отношению к удельным князьям как власть единого властителя сильного государя, но и в отношении подданных. Эта перемена отношений к подданным резче всего сказалась изменениями в быте боярства.

В Москве издавна, благодаря богатству московских князей и другим причинам, собралось многочисленное боярство: со времени Ивана Калиты с юга и с запада приезжали сюда именитые бояре и мало-помалу около московского великокняжеского стола столпилось больше слуг, чем у кого бы то ни было из других русских князей. Основанием отношений между князем и боярами до половины XV в. в Москве был договор; боярин приходил «служить князю», а князь за это должен был его «кормить», – вот главное условие договора. Сообразно с этим каждый служилый боярин имел право на «кормление» по заслугам и вместе с тем право отъезда и участия в совете князя. До половины XV в. интересы боярства были тесно связаны с интересами князя: боярин должен был стараться об усилении своего князя, так как чем сильнее князь, тем лучше служить боярину и тем безопаснее его вотчина. Князья в свою очередь признавали заслуги бояр, что видим из завещания Дмитрия Донского, в котором он советует детям во всем держаться совета бояр. Словом, московские князья и бояре составляли одну дружную политическую силу. Но с половины XV в. изменяется состав московского боярства и изменяется отношение боярства к государю. С этого времени в княжение Ивана III и Василия III, в эпоху окончательного подчинения и присоединения уделов, замечается прилив новых слуг к московскому двору: во-первых, это удельные князья, потерявшие или уступившие свои уделы московскому князю; во-вторых, это удельные князья, которые ранее потеряли свою самостоятельность и служили другим удельным князьям; наконец, это бояре – слуги удельных князей, перешедшие вместе со своими князьями на службу к московскому князю. Толпа княжеских слуг увеличивалась еще новыми пришельцами из Литвы, – это были литовские и русские князья, державшиеся православия под властью литовских владетелей и после унии 1386 г. стремившиеся перейти со своими уделами под власть православного государя. Все перечисленные

пришельцы скоро стали в определенные отношения к старым московским боярам и друг к другу. Эти отношения выразились в обычаях местничества. Так называется порядок служебных отношений боярских фамилий, сложившийся в Москве в XV и XVI вв. и основанный на «отечестве», т. е. на унаследованных от предков отношениях служилого лица и рода по службе к другим лицам и родам. Каждый князь или боярин, принимая служебное назначение, спрашиваясь, не станет ли он в равноправные или подчиненные отношения к лицу, менее его родовитому по происхождению, и отказывался от таких назначений, как от бесчестящих не только его, но и весь его род. Такой обычай «местничаться» разместил мало-помалу все московские боярские роды в определенный порядок по знатности происхождения, и на этом аристократическом основании большие роды княжеские, как самые знатные, стали выше других; они занимали высшие должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московских государей. Но бывшие удельные князья, пришедшие на службу к московскому государю и ставшие к нему в отношении бояр, в большинстве сохранили за собой свои удельные земли на частном праве, как боярские вотчины. Перестав быть самостоятельными владельцами своих уделов, они оставались в них простыми вотчинниками-землевладельцами, сохраняя иногда в управлении землями некоторые черты своей прежней правительственной власти. Таким образом, их положение в их вотчинах переменялось очень мало: они остались в тех же суверенных отношениях к населению своих вотчин, сохраняли свои прежние понятия и привычки. Делаясь боярами, эти князья приносили в Москву не боярские мысли и чувства; делаясь из самостоятельных людей людьми подчиненными, они, понятно, не могли питать хороших чувств к московскому князю, лишившему их самостоятельности. Они не довольствуются положением прежних бояр при князе, а стараются достигнуть новых прав, воспользоваться всеми выгодами своего нового положения. Помня свое происхождение, зная, что они – потомки прежних правителей русской земли, они смотрят на себя и теперь как на «хозяев» русской земли, с той только разницей, что предки их правили русской землей поодиночке, по частям, а они, собравшись в одном месте, около московского князя, должны править все вместе всей землей. Основываясь на этом представлении, они склонны требовать участия в управлении страной, требуют, чтобы князья московские советовались с ними о всех делах, грозя, в противном случае, отъездом. Но служилые князья не могли отъехать, как отъезжали бояре удельных князей, т. е. не могли переехать на службу от одного удельного князя к другому; теперь уделов не было и можно было отъехать только в Литву или к немцам под иноверную власть, но и то и другое считалось изменой русскому государству. В конце концов, их положение определялось так: допуская местничество, московские князья не спорили до поры до времени против права совета, но старались прекратить отъезд; вместе с тем самый ход исторических событий все более и более мешал отъезду, а право совета иногда не осуществлялось. С царствования Ивана III, именно со времени его брака с Софьей Фоминишной, которую не любили бояре за ее властолюбивые стремления, начинают раздаваться жалобы со стороны бояр, что государь их не слушает. Время Василия III было еще хуже для бояр в этом отношении, еще более увеличивалось их недовольство против князя. Выразителем боярского настроения может служить Берсень-Беклемишев, типичный представитель боярства начала XVI в., человек очень умный, очень начитанный. Он часто ходил к Максиму Греку и беседовал с ним о положении дел на Руси, причем высказывал откровенно свои взгляды. Он говорил, что все переменялось на Руси, как «пришла Софья», что она переставила все порядки, и потому государству стоять недолго; князь московский не любит, как бывало прежде, советоваться с боярами и решает дела «сам третьей у постели», т. е. в своем домашнем совете, состоявшем из двух неродовитых людей. Эти речи Беклемишева были обнаружены следствием, и за них ему отрезали язык.

Так, в начале XVI в. стали друг против друга государь, шедший к полновластию, и боярство, которое приняло вид замкнутой и точно расположенной по степеням родовитости аристократии. Великий князь двигался, куда вела его история; боярский класс действовал во имя

отживших политических форм и старался как бы остановить историю. В этом историческом процессе столкнулись, таким образом, две силы, далеко не равные. За московского государя стоят симпатии всего населения, весь склад государственной жизни, как она тогда слагалась; а боярство, не имея ни союзников, ни влияния в стране, представляло собой замкнутый аристократический круг, опиравшийся при своем высоком служебном и общественном положении лишь на одни родословные предания и не имевший реальных сил отстоять свое положение и свои притязания. Однако, несмотря на неравенство сил, факт борьбы московского боярства с государем несомненен. Жалобы со стороны бояр начались с Ивана III, при Василии раздавались сильнее, и при обоих этих князьях мы видим опалы и казни бояр; но с особенной силой эта борьба разыгралась при Иване Грозном, когда в крови погибла добрая половина бояр.

Страница из рукописного Евангелия XV в.

Москва – третий Рим. Такова фактическая сторона превращения Московского удела в национальное великорусское государство. Была и идейная сторона в этом быстром историческом движении. Простое накопление сил и средств путем безразборчивых «примыслов» характеризует московскую политику до конца XIV в., с этого же времени в усилении Москвы заметно становятся мотивы высшего порядка. Толчком к такому перелому послужила знаменитая Куликовская битва. Подготовленный исподволь разрыв с Ордой поставил Русь перед опасностью всеобщего разорения. Рязань думала отвлечь разгром покорностью, Москва приготовилась к защите, остальные «великие княжества» и «господин Великий Новгород» выжидали. Под «высокою рукою» Дмитрия Донского собрались только его служебные князья да удельная мелкота с выезжими литовскими князьями. Со своей ратью Дмитрий по стратегическим соображениям – чтобы не дать соединиться татарам с Литвой – выдвинулся не только за пределы своих земель, но и за пределы русской оседлости вообще, в «дикое поле», и встретил татар на верховьях Дона, в местности, носившей название Куликова поля. Битва, принятая русскими в дурных условиях, окончилась, однако, их победой. Татары и литва ушли, и таким образом Донской заслониł собой и спас не только Москву, но и всю Русь. И вся Русь почувствовала, кто именно оказался ее спасителем. Только московский князь имел силу и желание стать за

общенародное дело в то время, когда Новгород и прочие княжества притаились в ожидании беды. С этих пор Дмитрий из князя московского превратился в «царя Русского», как стали называть его в тогдашних литературных произведениях, а его княжество выросло в национальное государство Московское. «Оно родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты», – метко и красиво сказал о нем В. О. Ключевский. Древнерусская письменность в XV в. отметила нам и эту перемену в фактах, и перелом в народном сознании. Многочисленные редакции повестей о Куликовской битве представляют ее как национальный подвиг («Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть» о нем, «Слово о Задонщине»). «Слово о житии Дмитрия Донского» проникнуто национальным сознанием; церковные проповеди конца XIV и начала XV вв. на московских князей указывают как на национальных государей. Мало того, что народность создала свое единство, она вскоре затем почувствовала свою силу, оценила, быть может, даже выше меры свои политические успехи и стала смотреть на себя, как на Богом избранный народ, «новый Израиль», которому суждено играть первенствующую роль среди других православных народов и в этом отношении занять место отживающей, теснимой турками, подчинившейся папам (на Флорентийском соборе) Византии. Такие тенденции начинают проглядывать в письменности того времени, в рассказах (Серапиона) о Флорентийском соборе, в повествовании о пребывании на Руси апостола Андрея Первозванного, в легенде о происхождении московских князей от Пруса, брата императора Августа, в преданиях о передаче на Русь из Греции «белаго клобука», который носили новгородские архиепископы, Мономахова венца и прочих «царских утварей» и других святынь, увозимых из Византии и обретаемых на Руси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.